

ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК

НА
БОЕВОМ
ПОСТУ

1
'94

ЯНВАРЬ

Пн 3 10 17 24 31
Вт 4 11 18 25
Ср 5 12 19 26
Чт 6 13 20 27
Пт 7 14 21 28
Сб 1 8 15 22 29
Вс 2 9 16 23 30

ФЕВРАЛЬ

Пн 7 14 21 28
Вт 1 8 15 22
Ср 2 9 16 23
Чт 3 10 17 24
Пт 4 11 18 25
Сб 5 12 19 26
Вс 6 13 20 27

МАРТ

Пн 7 14 21 28
Вт 1 8 15 22 29
Ср 2 9 16 23 30
Чт 3 10 17 24 31
Пт 4 11 18 25
Сб 5 12 19 26
Вс 6 13 20 27

АПРЕЛЬ

Пн 4 11 18 25
Вт 5 12 19 26
Ср 6 13 20 27
Чт 7 14 21 28
Пт 1 8 15 22 29
Сб 2 9 16 23 30
Вс 3 10 17 24

МАЙ

Пн 2 9 16 23 30
Вт 3 10 17 24 31
Ср 4 11 18 25
Чт 5 12 19 26
Пт 6 13 20 27
Сб 7 14 21 28
Вс 1 8 15 22 29

ИЮНЬ

Пн 6 13 20 27
Вт 7 14 21 28
Ср 1 8 15 22 29
Чт 2 9 16 23 30
Пт 3 10 17 24
Сб 4 11 18 25
Вс 5 12 19 26

ИЮЛЬ

Пн 4 11 18 25
Вт 5 12 19 26
Ср 6 13 20 27
Чт 7 14 21 28
Пт 1 8 15 22 29
Сб 2 9 16 23 30
Вс 3 10 17 24 31

АВГУСТ

Пн 1 8 15 22 29
Вт 2 9 16 23 30
Ср 3 10 17 24 31
Чт 4 11 18 25
Пт 5 12 19 26
Сб 6 13 20 27
Вс 7 14 21 28

СЕНТЯБРЬ

Пн 5 12 19 26
Вт 6 13 20 27
Ср 7 14 21 28
Чт 1 8 15 22 29
Пт 2 9 16 23 30
Сб 3 10 17 24
Вс 4 11 18 25

ОКТАБРЬ

Пн 3 10 17 24 31
Вт 4 11 18 25
Ср 5 12 19 26
Чт 6 13 20 27
Пт 7 14 21 28
Сб 1 8 15 22 29
Вс 2 9 16 23 30

НОЯБРЬ

Пн 7 14 21 28
Вт 1 8 15 22 29
Ср 2 9 16 23 30
Чт 3 10 17 24
Пт 4 11 18 25
Сб 5 12 19 26
Вс 6 13 20 27

ДЕКАБРЬ

Пн 5 12 19 26
Вт 6 13 20 27
Ср 7 14 21 28
Чт 1 8 15 22 29
Пт 2 9 16 23 30
Сб 3 10 17 24 31
Вс 4 11 18 25

НА БОЕВОМ ПОСТУ

1'94

Издается с 1958 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

В НОМЕРЕ:

■ АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

ЕРИН В.: «...Мы имеем дело с преступной агрессией» 2

■ ВОЙСКА: ПРОБЛЕМЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

ЧЕРКАСОВ Ю. Опасно: зона безопасности 7
УТЕНКОВ В. На войне как на войне (фоторепортаж) 12
КАРПОВ Б. . . . . Не отменить ничьим приказом. 14
УШАР А. Первая ласточка или . . . . . первый блин? 19
РОДИОНЕНКО В. В очереди за льготами 25
СИМОНОВ А. Когда на Руси служить хорошо? 27
МУЧАК И. Воспитание . . . . . кулаком 31

■ РЕТРОСПЕКТИВА

СЫСОЕВ Н. У истоков внутренней стражи России 34
***
КРИВЕЦ В., ШТУТМАН С. Жертвы пятидесятых 39
***
ЛЕОНОВ Б. Вечный путь 42

■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

СЕМЕНЧИК И. «Цыганочка» с выходом (рассказ-быль) 47
ЕРХОВ Е. Холодное время (стихи) 51
ДЕНИСОВ А. История с апельсиновой луной (повесть) 53
ЛАПИЧ С. Из карабахской тетради (стихи) 69
Салогли всмятку (сатира и юмор) 70

■ КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

БУЛГАКОВ Б. Кто вы, доктор Линдер? 72
Шахматный клуб 75
Клуб знакомств 76
Пенсии по новому закону (наши консультации) 78

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л. И.

Редакционная
коллегия:
АМЕРХАНОВ В. Ш.

(зам. главного редактора),
АФНАСЬЕВ В. В.,
БОНДАРЕВ П. Т.,
ВОРОЖЦОВ В. П.,
ДУРБАЖЕВ В. А.,
ЕРХОВ Е. И.,
ЗАЙЦЕВ А. П.,
КАВУН С. Ф.,
КАРЕВ А. Н.

(ответственный секретарь),
КАРПОВ Б. В.,

КОЗЛОВ И. Т.,
КОНДРОЕВ В. В.,
КОТЛЯРОВ А. П.,
КУДРЯШОВ В. И.,
КУЗЬМИН Н. П.,
МАЛЮТИН С. Н.,
ОВЧИННИКОВ В. В.,
СЕНОКОСЕНКО Л. Ф.

(зам. главного редактора),
УШАР А. Г.,
ЧЕРНЫШОВ П. П.,
ЯКУБОВСКИЙ В. И.

Учредитель – МВД России.

Издатель – Главное управление
командующего внутренними войсками:
111250, Москва, Е-250, ул. Красноказарменная, 9а.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 01420.
Имеет приложения: газету «Ситуация» и сборник учебно-методических материалов «Войсковой вестник».

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы. При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал «На боевом посту», 1994

Сдано в набор 23.11.93 г. Подписано к печати 27.12.93 г.
Формат бумаги 70x1081/16. Усл. печ. л. 7,0.
Уч.-изд. л. 11,0. Зак. № 3033. Тираж 8500.
Цена по каталогу 480 руб., в розницу – свободная.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда».
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Художественное оформление
Э. П. Копылова.
Корректоры
Е. А. Богданова,
Н. В. Емельина
На первой странице обложки:
фото Б. Булгакова.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятинский проезд, 8.
Телефоны:
361-82-57, 361-81-71.

В конце мая 1990 года Виктор Федорович Ерин занимал должность первого заместителя министра внутренних дел Армении. Это было трудное время. Конфронтация различных общественных формирований — многие из них отстаивали свои убеждения с оружием в руках — достигла критической отметки. Ежедневно происходили нападения на сотрудников милиции и военнослужащих. До сих пор перед глазами жуткая картина увиденного на ереванском вокзале, где боевики напали на караул внутренних войск. Именно там получил тяжелое ранение лейтенант Павел Терещенко, который позже скончался. Потом были бой на окраине Еревана, гибель подполковника Вячеслава Чекмарева... Вот почему далеко за полночь затягивались у Ерина и прибывших из Москвы руководящих работников правоохранительных органов переговоры с лидерами общественных формирований и боевых групп.

Для Ерина это были не просто трудные дни — у него, прошедшего в милиции все должностные ступени, их с лихвой хватило бы и на двоих. Это были сверхнапряженные дни, потребовавшие немало мужества. Виктор Федорович сумел с честью выйти из ситуации. Пожар был потушен. Правопорядок в столице республики восстановлен.

Позднее в его биографии появились и другие горячие точки.

**Министр
внутренних дел России
генерал армии В. ЕРИН:**

“...МЫ ИМЕЕМ ДЕЛО С ПРЕСТУПНОЙ АГРЕССИЕЙ”

— Теперь для вас, Виктор Федорович, горячая точка — вся страна?

— Да, к сожалению, это так. МВД сегодня — реально воюющее министерство. И не только в регионе чрезвычайного положения в Северной Осетии и Ингушетии, где сосредоточены небольшие силы, но в любом населенном пункте. Каждые пятнадцать минут в России совершается злодеяние. Преступность вооружилась, стала более дерзкой, организованной. Борьба с ней тяжела, мы ежегодно теряем сотни людей.

Участились случаи нападения на милиционеров и военнослужащих внутренних войск. Если в 1989 году их было 1361, то ныне эта цифра возросла почти в два раза. Я бы сказал, что мы имеем дело с хорошо организованной преступной агрессией.

— Тем не менее, Виктор Федорович, темпы роста преступности в

прошлом году по сравнению с 1992-м значительно снизились.

— Снижение произошло в основном за счет имущественных преступлений. У граждан появилось чувство собственника. Люди больше внимания уделяют защите материальных ценностей, осознали, что жить за картонной дверью в наше время невозможно.

Однако рост наиболее опасных злодеяний — умышленных убийств, тяжких телесных повреждений, изнасилований, разбоев — продолжается. Очень тревожат хищения оружия и боеприпасов, они возросли более чем на треть.

В ситуации, когда преступность растет и качественно меняется — становится исключительно дерзкой, лучше вооруженной, более опасной, и ответные действия государства должны быть адекватны: более решительны, если хотите, более жестки. По крайней мере

в нынешний переходный период. Надо сбить волну, остановить преступность, используя все государственные механизмы. Затем можно было бы и пересмотреть какие-то приговоры, кого-то за примерное поведение в местах исполнения наказания условно-досрочно освободить. Но сегодня надо дать понять нарушителям закона, что государство больше не намерено с ними церемониться.

— Вы говорите о решительности, даже жесткости сил правопорядка. Но готовы ли к этому сотрудники психологически?

— Что касается психологической готовности, то здесь не все гладко. Надо быстрее избавляться от всякого рода комплексов. Перемены есть. Работники милиции при обезвреживании преступников стали чаще применять специальные средства, огнестрельное оружие. В прошлом году таких случаев было более шести тысяч, что значительно превосходит показатели предыдущих лет.

— Чтобы чувствовать себя уверенно, нужно быть хорошо оснащенным...

— Вы правы. Сегодня сотрудники достаточно хорошо вооружены. Правда, до последнего времени мы не имели оружия, предназначенного именно для нас. Специалисты вплотную занялись этой проблемой, есть результаты. Хуже с радиосвязью, транспортными средствами.

Вынужден признать, что по темпам оснащения техникой органы правопорядка значительно уступают преступным формированиям. В то время как преступники не испытывают затруднений в приобретении новейших систем безопасности, броневых автомобилей и бронезилов, средств защиты сетей связи, систем скрытого наблюдения, мы ощущаем острую нехватку в специальном вооружении, криминалистической технике, автомобилях. Так, например, обеспеченность оперативной и криминалистической техникой в настоящее время составляет всего 60 процентов, средствами связи — более 80.

Выполняя указание Президента России и правительства, наши специалисты обосновали программу технической оснащённости органов на ближайшее время. Оказалось: чтобы удержаться на более-менее нормальном техническом уровне, в ближайшие 2–3 года нам нужны не миллиарды — триллионы рублей и сотни миллионов долларов США. Суммы значительные. Но и руководство страны понимает: чтобы иметь сильные органы внутренних дел, способные противостоять любому проявлению преступности, необходимы ощутимые расходы. Прошлым летом Совет Министров принял программу поэтапного решения вопросов материально-технического обеспечения оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел до 1995 года, которая пре-

дусматривает выделение более трех триллионов рублей. При обсуждении программы премьер-министр страны Виктор Черномырдин заявил: "Нельзя допустить, чтобы преступники были лучше оснащены, чем работники МВД".

— Насколько я понимаю, в рядах воюющего министерства весьма желательны люди, имеющие боевой опыт, например "афганцы"?

— Сейчас в органах внутренних дел и внутренних войсках более девяти тысяч "афганцев". Эти люди достойно служат, четыре тысячи из них к своим боевым наградам прибавили ордена и медали за службу в наших рядах. У каждого прошедшего ту войну, да и наши внутренние горячие точки, есть бесценный опыт, так необходимый нашему воюющему ведомству. Совместно с министром обороны России генералом армии Грачевым мы издали приказ, которым регламентируется переход военнослужащих в милицию, внутренние войска, пожарную охрану, исправительно-трудовую систему. Только за прошлый год такое пополнение составило свыше шести тысяч человек. Это ведь и решение острой проблемы трудоустройства в связи с сокращением Вооруженных Сил.

— Скажите, Виктор Федорович, есть ли сегодня у правоохранительной системы страны шанс перехватить инициативу у преступников?

— Убежден, что нарастание вала преступности остановить можно. Но необходима скорейшая выработка единой правовой политики в России, из-за отсутствия которой и продолжают наши беды. В последнее время появился ряд законодательных актов, регламентирующих нашу деятельность: о милиции, оперативно-розыскной деятельности, внутренних войсках...

Уязвимость же законодательной базы — в отсутствии четких определений и санкций. А когда следователь принимает решение о возбуждении уголовного дела, он смотрит норму, как говорят юристы, материального права. И не должен действовать, опираясь на эмоции или политические пристрастия, иначе сам нарушит закон. Нельзя за законность бороться незаконными методами.

Такую ошибку важно не допустить в законах о коррупции, государственной службе и других. В четкости норм, характеристик, ответственности — сила законодательного акта. Лишь в этом случае работники получают в руки необходимый инструмент для своей практической деятельности. Пока же они, к сожалению, пользуются Уголовным и Уголовно-процессуальными кодексами 1961 года.

Нам нужно больше прагматизма в законотворчестве, опоры на реалии сегодняшней политической обстановки. Вот появился в свое время постулат: разрешено все, что не запрещено. При утрате отдельными нашими граждана-

ми чувства законопослушания не годится он для России. Он — для общества, в котором все законодательно урегулировано, отлажено, стабильно.

Или еще пример. Участие адвоката в процессе. Сама по себе норма абсолютно правильная. Задержали — извольте, как в любом цивилизованном государстве, обеспечить защиту. Но только где взять адвоката? Разве что в Москве, да и то в пределах Садового кольца. Но Россия велика. В поселке совершенно убийство, подозреваемый задержан, следователь начинает с ним работать, но... В соответствии с законом он не может этого делать без адвоката. Где его взять? Проходит время, утрачиваются доказательства, и, казалось бы, гуманная форма начинает действовать во вред.

— Виктор Федорович, достаточно ли усилий правоохранительных органов для того, чтобы одолеть ту преступную агрессию, о которой мы ведем речь?

— Если кто-то продолжает считать, что только путем укрепления правоохранительной системы, привлечения все большего числа лиц, совершивших преступления и правонарушения, к уголовной, административной и иной ответственности можно добиться коренного перелома, тот глубоко заблуждается. В любом явлении надо добираться до корней. Коль мы имеем такую динамику преступности, то должны объективно посмотреть, почему общество лихорадит. Чем оно больно?

Практика свидетельствует: серьезные потрясения в обществе неминуемо отражаются на криминогенной обстановке. Вот почему вопросами общественной безопасности сегодня должны конкретно заниматься все структуры власти, общественные формирования и движения. Необходимо всестороннее решительное наступление на преступность, практическое решение самых узловых и болезненных вопросов. Все министерства и ведомства — образования, культуры, промышленные — должны видеть свою роль в борьбе с преступностью. Попробуйте найти нормальный замок для квартиры. Не найдете! Те, что выпускаются нашей промышленностью, серьезного препятствия на пути профессионала не представляют.

Возьмем проблемы глобальные. Например, сферу наших внешнеэкономических связей. Мы можем разоблачить еще тысячу преступников, найти, как сплавляют налево богатства Отечества. Но не проще ли грамотно выстроить всю законодательную, нормативную базу? Найти ее слабые места, которые не позволили бы наживаться за счет государства. Подобное — с угоном автотранспорта. Оборудованные платные автостоянки, нормальные гаражи позволили бы в десятки раз сократить количество преступлений, и отпала бы необходимость ломать судьбу тем пацанам, которые сегодня ищут легкой наживы.

— Виктор Федорович, наверное, еще долго мы будем возвращаться к событиям в Москве в сентябре—октябре прошлого года. Как известно, Президент России в поздравлении в связи с Днем российской милиции высоко оценил роль органов внутренних дел и внутренних войск «в предотвращении попытки кучки политиканов свергнуть страну в пучину гражданской войны»...

— В тех тяжелых условиях нам удалось не только отмотилизовать систему, но и обеспечить четкую, профессионально грамотную работу. Именно поэтому вооруженный мятеж был подавлен.

После трагических событий мы собрали у себя группу очень серьезных экспертов, ученых, практиков, причем тех, кто не принимал в них участия. Они дали объективный и критический анализ, особое внимание сосредоточили на том, что можно было бы сделать лучше, что нам мешало, снижало эффективность. Есть очень интересные выкладки, есть над чем работать, многое требует дополнительных финансовых и материальных вложений, но первый вывод, сделанный членами комиссии, в том, что подобного мировая практика не знала.

— В чем уникальность ситуации?

— Правоохранительная система столкнулась с положением, когда в числе правонарушителей оказались люди такого высокого уровня. Есть и правовые аспекты, сделавшие ситуацию уникальной. В нашей законодательной базе не все расписано для реальных событий такого рода. По существу, органам внутренних дел, по оценкам экспертов, пришлось, особенно на конечной фазе, вести боевые действия. Как вы понимаете, милиция готовится для выполнения иных задач: противодействия преступным группам, хулиганам, правонарушителям. А здесь она столкнулась с хорошо организованной массой вооруженных людей, которая, в частности, 3 октября обеспечила огневое прикрытие прорыва к Белому дому.

— Не опасались ли вы раскола МВД?

— Все попытки раскола оказались безуспешными. Ни один из руководителей республиканских МВД, краевых и областных УВД, командиров частей внутренних войск не поддержал бывшего генерала Дунаева, который и вел интенсивные переговоры с начальствующим составом. Тщетны были посулы Дунаева в случае перехода на сторону мятежников повысить в званиях и должностях, увеличить оклады. Никто на провокацию не поддавался.

— Если можно, Виктор Федорович, несколько слов о вашем бывшем первом заместителе.

— Андрей Федорович прослужил в органах внутренних дел более тридцати пяти лет, дошел до должности министра

внутренних дел РСФСР. И это не просто конъюнктура, здесь и профессиональные заслуги.

Что касается личных качеств Дунаева, то у него были серьезные изъяны. Он довольно амбициозен, плохо прислушивается к мнению других, не приемлет коллективных форм управления. Кроме того, в последние годы Дунаев увлекся накоплением для себя материальных благ, начал активно заниматься дачными, квартирными делами. Может быть, надлом произошел после его освобождения от должности, он очень переживал, это чувствовалось. Мы предлагали Дунаеву различные варианты, возможность работать за рубежом на солидных должностях, но он отказался.

— Киноленты прошлых лет сформировали у нас образ преступника в виде этакого разбитного урки с финкой за голенищем сапога, зековскими ужимками и своим лексиконом...

— В принципе, так оно и было. В годы моей молодости вора и бандита можно было узнать по походке и одежке за версту. С тех пор преступность основательно видоизменилась. Теперь мы имеем дело с интеллигентными на вид людьми, знающими компьютерную и иную технику, иностранные языки, эконому. Для их разоблачения требуются профессионалы высокого класса. В наших рядах такие люди есть. Мы раскрываем 8 из 10 убийств — это на уровне мировых стандартов. Мы в состоянии проводить самые сложные операции по задержанию преступных групп. Удастся, что называется, на марше перестраиваться для борьбы с новыми видами преступлений. К примеру, расследованы сотни уголовных дел о крупномасштабных аферах в банковской системе. Миллиарды рублей изъяты из преступного оборота.

При этом стараемся действовать с упреждением. В Академии МВД России, научно-исследовательских институтах, высших учебных заведениях накоплен немалый научный потенциал. Ученые работают рука об руку с практиками.

Думаем о завтрашнем дне. Открыли в ряде городов учебные заведения для школьников, в частности милицейский колледж в Москве, среднее училище по типу суворовского в Новочеркасске. Готовим подростков к службе в милиции. Именно эти ребята поднимают престиж нашего ведомства в ближайшем будущем. Уверен, мы добьемся того, что на работу к нам будут поступать на конкурсной основе те, кто отвечает требованиям профессиональным, физическим и, главное, моральным. В прошлом году в органы внутренних дел пришли более 150 тысяч человек, значит, наша служба для многих становится привлекательной. Некомплект личного состава уже не так велик — 5–7 процентов. Однако мы не намерены искусственно ускорять этот процесс.

— Вы неоднократно подчеркивали, что органы внутренних дел постоян-

но очищаются от накипи, случайных людей.

— Повторю: подавляющее большинство сотрудников служат честно, самоотверженно. Однако существующая ныне система отбора не в полной мере гарантирует чистоту рядов. Не скрою, есть в наших рядах предатели, просто непорядочные и нечестные люди. Таких мы увольняем, привлекаем к уголовной ответственности, отдаем под суд. Здесь у нас жесткая позиция — решительно освобождаться от тех, кто жаждет извлечь материальную выгоду из своей службы в органах.

Коль мы затронули столь щепетильную тему, выскажу мнение: ни одно государство в мире не позволяет себе такой роскоши, как годами формировать негативное отношение к своим защитникам. Это чисто наше, российское явление. К сожалению, поток информации, отдельные книги, фильмы последних лет целенаправленно пытаются представить, что работники милиции повсеместно связаны с преступным миром. Поверьте, это очень тяжело воспринимается нашими сотрудниками.

Я ни в коем случае не защищаю честь мундира слепо и безоглядно. У нас достаточно собственных просчетов. Но нельзя формировать общественное мнение на примере отдельных негодяев, когда десятки тысяч не просто честно и добросовестно выполняют свой долг — рискуют жизнью и здоровьем ради дела, которому себя посвятили. Если мы всерьез взялись за построение демократического, правового государства, то должны пересмотреть приоритеты и установки. Можно и нужно критиковать наши недостатки, но и уважать тяжелейший труд солдат правоохранительных органов.

— МВД в последние годы открыто заявило о статистике, ранее тщательно скрытой от посторонних глаз. Это в немалой степени шокировало народ, который многие годы жил по принципу: меньше знаешь — крепче спишь.

— Согласен, открытость в какой-то степени изменила обстановку. За рубежом статистика всегда публиковалась в печати, люди привыкли к ней и с пониманием воспринимают. Такой подход необходим и нам. Проблема в том, что наше общество сегодня обостренно реагирует на состояние преступности. Парадоксальная вещь. Когда говорю зарубежным коллегам о своих болях и тревогах, они не понимают меня. Объясняют таким образом: за рубежом на 100 тысяч населения совершается 5–7 тысяч преступлений, в России — около 2 тысяч, в Москве — вдвое меньше. Вот коллеги и говорят: вы не знаете, что такое преступность. Но это тот случай, когда нам бы век никого не догонять и не перегонять.

— Но догоняем, и довольно резко. Вот, к примеру, наркомания и все, что с ней связано...

— Да, наркомания становится бичом нашего общества. Мне не надо объяснять, что это такое: впервые столкнулся с наркоманами около 30 лет назад. Полазил в свое время по притонам, задерживал сбытчиков. Насмотрелся. По оценкам специалистов, полтора миллиона россиян потребляют наркотики. Человек деградирует, превращается в ходячий труп. И каждый из наркоманов приобщает к зелью все новых людей. Страшно, что вовлекаются подростки.

Нелегальный оборот наркотиков, по нашим данным, составляет около ста миллиардов рублей в год. Ситуация опаснейшая. Если не принять решительных мер, мы можем превратиться в перевалочный пункт международной наркомафии. Но МВД действует. У преступников изымается огромное количество наркотиков. На путях распространения зелья ставятся надежные преграды.

— Виктор Федорович, каковы ближайшие планы министерства по борьбе с преступностью?

— Первое — искоренить ее на улицах, в транспорте, в местах торговли, отдыха граждан. Обеспечить оперативное реагирование на сообщения и заявления людей о совершенных преступлениях, раскрывать их по горячим следам. Чтобы выправить положение, активно укрепляем главное звено нашей системы — городские и районные органы внутренних дел.

Второе — решительное пресечение нелегального оборота оружия, разоружение преступного элемента. МВД продолжает практику проведения комплексных операций типа "Арсенал", в ходе которых ежегодно изымаются тысячи незаконно хранящихся стволов и миллионы боеприпасов.

Пресечение незаконного оборота наркотиков, о чем мы вели речь, — еще одно направление нашей работы. Мы приступили к реализации превентивных мер на базе комплексной государственной программы по контролю за наркотиками.

Важное направление деятельности органов — защита национального богатства России — сырья, металла, леса и многого другого — от международных и доморощенных уголовников.

Приоритетным направлением же является борьба с организованной преступностью. В этой сфере за последнее время произошли качественные изменения. Выделена значительная дополнительная численность для подразделений по борьбе с организованной преступностью в центре и на местах. Им в помощь переданы профессионально подготовленные, оснащенные необходимой техникой и вооружением отряды быстрого реагирования. Замечу, что неоценимую помощь в подготовке бой-

цов таких отрядов оказывают спецназовцы внутренних войск.

Есть реальные результаты деятельности подразделений по борьбе с организованной преступностью. Возбуждены уголовные дела в отношении многих преступных групп. На их счету немало тяжких преступлений.

— Кстатти, в последнее время идут дискуссии о том, что в нашей стране смертная казнь должна быть отменена. Ваше мнение по этому поводу?

— Считаю, что в перспективе смертная казнь должна быть заменена пожизненным заключением, однако наше общество пока к этому не готово. Принимая решение об отмене смертной казни, важно реально обеспечить исполнение пожизненного заключения. Это потребует немалых материальных затрат. В частности, необходим принципиально новый тип исправительно-трудовых учреждений, а не те гугаговские бараки, построенные десятилетиями назад и ставшие колониями. Условия и режим содержания осужденных, которым придется провести в зоне остаток жизни и умереть в ней, должны отличаться от колоний, куда преступник попадает на несколько лет.

— Виктор Федорович, несколько слов о перспективе внутренних войск.

— Их боеготовность в случаях резкого обострения обстановки должна быть ниже уровня десантных. При этом, естественно, войскам должна быть присуща специфика, в частности знание правовых вопросов, умение документировать преступление.

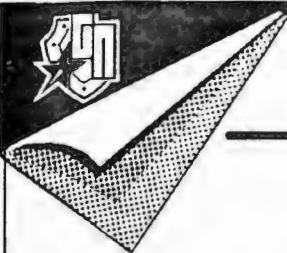
В перспективе мы уйдем от конвойных функций внутренних войск. Это позволит им сосредоточить усилия на решении оперативных задач в зонах чрезвычайного положения, при возникновении массовых беспорядков, более активно участвовать в охране правопорядка в крупных городах.

Особое внимание необходимо обратить на взаимодействие органов и войск. Находясь в рамках одного министерства, мы долгое время не могли понять того, что выполняем единые задачи. Войска подчас были в стороне от борьбы с преступностью.

— И последний вопрос. В каком случае вы будете удовлетворены достигнутым?

— Когда люди скажут: чувствуем себя в безопасности, видим, что нас надежно защищает государство и его органы внутренних дел, внутренние войска. Вот главный критерий. Ради этого мы работаем.

Взял интервью Владимир ГОНДУСОВ, обозреватель ИТАР-ТАСС — специально для журнала "На боевом посту".

ВОЙСКА: проблемы, события, люди

Из кавказского дневника

ПОЯВИЛАСЬ еще одна граница. Опасная. Стреляющая. И не где-нибудь, а внутри самой России. В назидание тем, кто пытается превратить символические административные линии в кордоны вражды и ненависти: "Одумайтесь!"

... Два бойца в выцветшем камуфляже, увидев, что на броне едут свои, торопливо убрали с дороги опутанное колючей проволокой приспособление, похожее на козлы для распилки дров. Все, дальше за этим КПП с импровизированным слагбаумом — "приграничье". Зона. Официально — безопасности. А если без эвфемизмов...

"После стычки в полосе охранения четвертой заставы на "бэтре" маневренной группы насчитали пятнадцать пулевых отметин", — острой занозой засели в памяти слова, оброненные исполняющим обязанности командира части майором Игорем Кузнецовым*.

Сейчас на пыльных боках нашей "коробочки", — густые отметины накрапывающего дождя, готового, судя по свинцовой наволочи над горизонтом, превратиться в затяжной ливень. И если в небесной канцелярии не раздумают, ночью заставы будут править службу, выражаясь "шершавым языком плаката", с удвоенной бдительностью: что может быть лучше плохой погоды для "сталкеров", которые вопреки всем запретам проникают в зону с целями, столь же несовместимыми с мирными полевыми работами, сколь разнятся по предназначению пулемет и плуг, БТР и трактор? Впрочем, здесь машины военных и земледельцев, как и их хозяева, включены в одно общее дело. Самым непосредственным образом. С той лишь разницей, что колесная броня на линейке готовности — независимо от управляющих трудом селян природных циклов, а служба ратная не знает ни перерывов, ни выходных.

* По понятным причинам в материале изменены фамилии офицеров, выполнявших служебные задачи в районе чрезвычайного положения.

Пока ехали к заставе, из головы не выходил рассказ офицеров о том, как они осваивались на "границе". Звучавший в насквозь прокуренной канцелярии как-то буднично, по-военному сухо, здесь, у въезда в зону безопасности, он обрел в разыгравшемся воображении выразительность телерепортажа на горячую тему...

Это случилось на тринадцатый день — говорят же, несчастливое число — после того, как войска взяли под контроль административную линию между Северной Осетией и Ингушетией. Подразделению отряда "Витязь", поставили задачу провести разведывательно-поисковые мероприятия в лесопосадке на высоте в полутора километрах от поселка Али-Юрт. По оперативным данным, бойцы недавно сформированного полка патрульно-постовой службы (ППС) МВД Ингушской Республики оборудовали позиции вдоль границы с Пригородным районом. Оттуда постоянно велся обстрел работающих в поле колхозников.

Ясное дело, никто не надеялся на теплую встречу, если таковая состоится, внутренне приготовившись к любым неожиданностям. Хотя как-то не верилось, что может произойти "обмен любезностями", в полный голос пулеметных и автоматных стволов, ведь там тоже вроде бы сотрудники МВД, пусть и не питающие братских чувств к российскому спецназу.

Первым пошел разведдозор. Следом — маневренная группа на трех бэтэрах во главе с майором Кузнецовым. Приблизившись к кирпичному сооружению, по виду напоминавшему дот, разведчики заметили в кустах вооруженного мужчину. Хотели задержать для выяснения личности, да не тут-то было. Незвестный выпустил длинную очередь и юркой рыбкой нырнул в заросли. Через минуту как по команде из нескольких точек застрочили автоматы. С ответным огнем "витязи", не заставили себя долго ждать. Завязалась яростная перестрелка. Тем временем, выстроившись в боевую линию, подыехали бэтэры. Взахлеб залаял пулемет в доте. Оглушительно рыкнул противотанковый гранатомет. Вокруг триплексов звонко зацокали снайперские пули. Один БТР заехал передними колесами в глубокую траншею. Башню другой "коробочки", пробилла кумулятивная граната, ранив механика-водителя. И никакой возможности приблизиться к главной огневой точке: рельеф — не для колесных машин. Словом, обстановка явно складывалась в пользу умело замаскировавшегося противника. А когда из Али-Юрта примчались четыре грузовика с вооруженными до зубов "ополченцами", стало ясно: это тот редкий случай, который заставляет непобедимых "витязей" отступить...

Вышли из-под обстрела, и майор Кузнецов не мешкая отправился к министру внутренних дел Ингушетии.

Убедил: спецназ первым огнем не открывал — защищался. В конце концов пришли к джентльменскому консенсусу: в критических ситуациях во избежание недоразумений использовать единые сигналы оповещения. Две недели жили тихо-мирно. Появилась робкая надежда: а вдруг и впрямь благодаря командирской дипломатии, подвигшей "верхи", сдержать активность местных "стражей порядка", буферная зона станет безопасной? Увы, бурлящий, напич-

канный стволами Кавказ в очередной раз растоптал наивные иллюзии российских миротворцев.

... Наш бэтэр заполз по раскисшей колее на пригорок и затормозил у небольшого домика, мимо которого вилась тропинка к унылому кладбищу сельхозтехники.

— Бывший полевой стан, а ныне четвертая застава, — пружинисто спрыгнув с брони, сказал майор Кузнецов. — Командует лейтенант Бобров. Его взвод недавно принял тут боевое крещение.

Знакомлюсь с лейтенантом, хмурыми, неулыбчивыми солдатами и ловлю себя на ощущении, будто фантастически искривилось пространство и время: мы снова — на земле Карабаха... Там вот так же второпях — сроки поджимали — размещались на полевых станах и фермах, в сельсоветах и ветхих строительных вагончиках. И так же привыкали к близкому соседству смерти до толе не нохавшие пороку мальчишки. С тех пор немало воды утекло, распалась великая держава, воюющие республики обрели независимость. А метастазы вооруженных конфликтов от окраин поползли к центру. Вот и на внутрироссийской административной границе нашлась военная работа. Лиха беда начало? Этот вопрос волнует не только политиков. Заварится, не дай Бог, новая каша под шумок парада суверенитетов отдельных субъектов федерации, расклеивать ее опять же придется внутренним войскам.

— Здесь еще терпимо, — отвлеч от несельских мыслей Кузнецов. — И печка греет исправно, и крыша не течет. А вот на других заставах — полнейший дискомфорт. Особенно зимой.

Снова отголосок тех, карабахских, проблем...

А на четвертой действительно полный порядок. Спартанский, конечно. Койки в два яруса в тесном помещении, грубо сколоченный стол, рукомойник на дворе. И даже кажущийся тут предметом невиданной роскоши переносной телевизор с туманным прыгающим изображением. Но в непогоду, слушая, как весело потрескивают в печке дрова, разве станешь придавать значение убогой обстановке, облезлым стенам? Честно говоря, благоустроенная, как на государственной границе, застава воспринималась бы здесь как нонсенс. Парадокс? Отнюдь. Внутренние войска — не пограничные. Этим все сказано. И все же лучше надежно охраняемая административная линия с перспективой длительного пребывания в зоне безопасности внутренних войск, чем фронт. Иного пока не дано...

Неволью возвращаюсь в мыслях к рассказу офицеров в канцелярии перед нашим отъездом на заставу.

... Когда начались уборочные работы на картофельном поле — оно у самой границы, — отправили на всякий случай посыльных к ингушским бойцам ППС, чтоб напомнить про уговор. Они внимательно выслушали и отвечают: "Можете спокойно нести службу, ваши бэтэры не тронем. А вот осетинам в зоне лучше не появляться. Это наша земля". Ну и пошло-поехало. Вышли колхозники в поле — начался массированный обстрел. Словно там не мирные трудяги, а вооруженные боевики, развернувшиеся в цепь перед атакой. Командир маневренной группы лейтенант Алексей Корнев не растерялся, на

бэтээре вывез перепуганных людей из-под огня. Другая мангруппа выехала на высоту и давай сигналить ингушам: немедленно прекращайте стрельбу. В ответ из кустов полоснули по броне. Вся дипломатия — на смарку.

Пришлось войсковому наряду принять бой. За полчаса оттеснили нападавших в глубь их "укрепрайона", не подозревая, что кульминация драмы впереди. Забурился, вспенился поселок Сунжа. Сотни мужчин достали из тайников стволы, погрузились в машины и — напрямиком на Али-Юрт. Воевать. На глазах завязывался тугой узел нового конфликта. Времени на раздумья не было. Приказав Корневу выставить бэтээр на перекрестке и любой ценой задержать колонну с "ополчением", Кузнецов поспешил к ингушским "пэлэсовцам". Несмотря на предупреждение, по его бэтээру непрерывно вели огонь. К счастью, добрался целым-невредимым. И пошла дипломатия по второму кругу.

Страсти потихоньку улеглись. Ненадолго, правда. Ровно через две недели погиб осетинский парень, другой получил тяжелые ранения. День был воскресный, заявок о проведении сельхозработ в комендатуру не поступало, поэтому поля и луга не охранялись. А сельяне, никого не предупредив, тайком поехали за сеном. И нарвались на бандитские пули. Крайними же, как всегда, оказались военные. Их обвинили в ротозействе, нерадивости и потребовали допустить в зону милиционеров осетинского полка ППС. Для усиления контроля за обстановкой. Теперь нужно было глядеть в оба войсковым нарядам, выполняющим задачи у границы на ингушской территории: провокационный огонь мог начаться со стороны Пригородного района...

Стоит появиться на дороге машине или бэтээру, к укрытию выдвигается тревожная группа. Своя ли, чужая техника — без разницы. Мало ли было случаев с захватом брони. Взвоят ночью сигнальная мина — наводчик не замедлит обработать подозрительный участок из пулемета: свой на заставу с тыла не поперется, а чужого подкосят — извините, тут не место для прогулок под луну... Все предусмотрели, наученные горьким опытом службы в стреляющих регионах. Даже в спальное помещение — оно же "ружпарк", — без пароля не зайти. Лучше переборщить с мерами предосторожности: сегодня усыпляет бдительность обманчивая тишина, а завтра...

Лейтенант Владимир Бобров урывками — выкраивая время между сменами патрулей, проверками постов, докладами по рации, инструктажами помощника, то и дело вслушиваясь в монотонный шум ливня за окном, — рассказывает о боевом крещении своего взвода.

— Мы несли службу в привычном напряженном режиме. Вели наблюдение за подступающими к зоне безопасности, охраняли работавших колхозников. К двум часам маневренные группы приехали на заставу обедать, ненадолго оставив поле под охраной осетинских милиционеров. В это время со стороны Али-Юрта послышалась стрельба. Мы скорее на броню. Майор Кузнецов, с которым я связался по рации, предупредил: если обстановка требует вступить в бой, обязательно уточните, где находятся наряды соседей, а то в горячке да неразберихе

со своими схлестнемся. Заняв позицию на высоте напротив ингушского дота, я запросил назранскую ВОГ. Оттуда передали, что их наряды готовятся к выдвигению с базы к Али-Юрту.

Только мои бойцы спешились, вокруг зашвырнули пули. Мангруппам старшего лейтенанта Горлина и лейтенанта Шутова тоже крепко досталось. Отступать на глазах убежавших с поля селян было стыдно. И мы ответили всеми стволами.

Солдаты держались молодцом, хотя никто из них не бывал в таких переделках. Перекатами, переползаниями, как учили на занятиях, быстро меняли позиции, не позволяя нападавшим пристреляться, умело корректировали огонь.

Минут через пятьдесят майор Кузнецов привел подкрепление из части. А вскоре показали долгожданные бэтээры соседей с зажженными фарами. Командир вышел на связь и приказал нам прекратить огонь. Начались переговоры...

О финале очередной драмы я узнал в штабе ВОГ. Командование решительно потребовало отвести вооруженные группы МВД обеих республик от "границы". Любопытно, как отреагировали "стражи порядка". Поглядеть бы своими глазами.

Воспользовавшись утренней оказией, отправляюсь на "кордон". Десять минут езды по проселочной дороге вдоль полей на отлогих склонах удивительно живописных холмов, и бэтээры с маневренной группой остановились на участке, где недавно гремели бои местного значения.

— Перед вами дот, который не дает покоя, — махнув рукой в сторону узкой лесополосы на противоположной высоте, протянул мне бинокль командир спецназовцев старший лейтенант Сергей Горлин. — Ленее, в кустарнике позиция снайпера, ближе сто — траншея, где застрелял "бэтр", "витязей", в "зеленке", ее не видно даже с близкого расстояния. Вляпались тогда парни будь здоров. В том ровике и танк запросто мог застрять.

В бинокль отчетливо видно приземистое кирпичное строение с темным провалом амбразуры. Несколько месяцев назад мне приходилось бывать в районе Али-Юрта. Там, где сейчас дот, видел окоп для стрельбы лежа. Траншей тоже не было. Значит, "приграничная", полоса укрепляется ударными темпами. Поди и народнохозяйственная техника задействована на полную катушку. Непонятно только — зачем? Соседи вроде никогда не вынашивали агрессивных замыслов против республики, и Назрань, как Владикавказ в октябре 92-го, никто штурмовать не собирался. "Ошибаетесь, нам постоянно угрожают. Хотят заставить врасплох", — пояснили мне тогда хозяева "заставы", разместившейся в недостроенном здании склада с прохудившейся крышей. Симпатичные молодые ребята, одетые кто во что горазд, подрядившиеся охранять "границу", по их признанию, "за так", (полк ППС только начал формироваться, форму еще не выдали, с денежным содержанием попросили поверенный), они азартно играли в войну, убежденные (кем?), что "приграничье", — самый важный участок патрульно-постовой службы.

До чего же легко управлять людьми, когда есть образ врага!

Неожиданно рядом с огневой точкой появился мужчина в камуфляже, повернувшись к нам лицом, достал бинокль. Вот те раз! Требование очистить "укрепрайон", местная "гвардия", проигнорировала. Знакомая картина. Очень выгодно кому-то играть в опасные игры.

— Скорей бы дали команду навести здесь порядок, — поправил бронжилет Горлин. — Хватит церемониться. Кавказ уважает силу...

Выполнив поставленную задачу, мангруппа к вечеру направилась во Владикавказ. В селах многие люди приветливо махали руками проезжавшим мимо бэтэерам. И на сердце становилось чуточку теплее. Лишь один парень на мотоцикле, выкрикивая ругательства, погрозил кулаком. Очевидно, один из воинственных сунженцев, намеревавшихся идти войной на Али-Юрт, подумалось мне. Помешали военные стычке — он и затаил злобу, не сознавая, что в тот день спасли жизнь десяткам его односельчан. А придется — не раз еще спасут. Заступят дорогу вражде. Вынудят боевиков сложить оружие. И сровняют с землей все доли и редуты вдоль "границы". Дайте срок...

Упреждая возможные обвинения в необъективности, однобокости, сгущении красок и прочих грехах, присущих ангажированным журналистам, поспешим завязать узелок на память для ревнителей истины: вышеописанные факты не самые характерные в ряду заметных событий, происшедших за последние полгода в "приграничной" полосе между Северной Осетией и Ингушетией; по словам знакомого офицера, изрядно хлебнувшего лиха в горячих точках, обычно здесь "просто постреливают", иногда пытаются минировать дороги, ну а мелкие пакости — они и разговора не стоят. Однако при всей нехарактерности именно бои местного значения дают возможность представить, как могли "постреливать", на административной меже, если бы, во-первых, не сдерживающие факторы — наличие буферной зоны, созданной для того, чтобы обезопасить соседей от кровопролитных столкновений, и контролируемых ее застав и постов внутренних войск МВД России, для которых служба в этой зоне поистине и опасна, и трудна; и если бы, не приведи Господь, позволили республиканским вооруженным формированиям монополизировать охрану "границы", — во-вторых.

Сейчас очень трудно установить, кто первым открыл провокационный огонь. Офицеры, отвечающие за "полосу отчуждения", с осетинской стороны, ничтоже сумняшеся обвиняют ППС Ингушетии. Их коллеги из войсковой части, дислоцированной в палаточном городке за околицей Назрани, божатся, что стрелять начали охваченные жадой мести осетинские милиционеры. С одинаковым успехом возразить можно и тем и другим: вряд ли мы поступим правильно, ограничившись поиском конкретных виновников огневой сшибки. Они лишь промежуточное звено в цепной реакции провокаций и вооруженных стычек, начавшейся, как известно, задолго до появления застав между двумя республиками. Давайте сместим акценты. Когда принималось решение, кстати, по инициативе Совета безопасности Северной Осетии, командование миротворческих сил выдвинуло жесткое требование: полоса шириной от двух до восьми километ-

ров вдоль административной линии должна контролироваться только федеральными войсками, иначе нет смысла и огород городить. Удельные вооруженные формирования для "пограничной" службы — будем глядеть правде в глаза — не годятся. Их пребывание близ границы может привести к новым конфликтам. Прогнозы подтвердились. Вывод?

Почаще бы прислушиваться руководителям обеих республик к мнению тех, кто стоит на страже общегосударственных интересов.

Сегодня, к примеру, любому офицеру, побывавшему в кавказской командировке, ясно: для превращения зоны безопасности в зону без опасности мало оградить ее от местных "пограничных стражей". Это частная, промежуточная мера. Как минимум, нужно ограничить рамками закона сферу деятельности "вооруженных сил" обеих республик. Проблематично? Тогда вывести их подразделения из зоны действия ЧП. И на участках ответственности застав, на сельских улицах и в переулках сразу же станет спокойнее.

В самом деле, зачем тому же Чермену собственная рота, подчиненная управлению охраны объектов народного хозяйства (УООНХ), под крышей которого получило прописку ополчение, ежели в селе находится полк (!) внутренних войск и сводный отряд российской милиции? К тому же рядом, в соседних населенных пунктах, обеспечивают режим чрезвычайного положения еще несколько федеральных оперативных частей, а во Владикавказе дено и ночью на боевом взводе группа специального назначения. Неужто сосредоточенных сил и средств недостаточно для охраны общественного порядка и борьбы с бандитизмом? Вопрос риторический. Даже многочисленной шайке головорезов, вздумай она нарушить зыбкий мир в зоне конфликта, не прорваться сквозь мощный заслон. Это все прекрасно понимают, в том числе и стратеги из УООНХ. Стало быть, подразделение удельных "вооруженных сил", расквартированное в Чермене, близ границы с Ингушетией, используется не только (и не столько) в целях самообороны. Факты? Сколько угодно!

Не успели улеяться страсти после "обмена безбездностями" в зоне безопасности, как военные втянули в новую заварушку. Используют примитивную, но хорошо отработанную схему. Догадываетесь, какую? Совершенно верно: главные элементы боевого порядка — толпа мирных граждан, силы огневой поддержки — боевики, простите, сотрудники местных служб охраны, техническое обеспечение — чем богаты...

Итак, из Назрани в поселок Карца следовала автоколонна под прикрытием войсковых бэтэеров. Есть договоренность о предоставлении беженцам возможности время от времени посещать родные дома (у большинства — лепелища), подвозе продуктов питания и товаров первой необходимости тем немногим, кто рискнул остаться. Сопровождать такие колонны — сущее наказание. Многие осетины после известных событий твердо стоят на том, что двум кровникам рядом не жить, и появление на дорогах Пригородного района ингушских машин под защитой военных воспринимают, по меньшей мере, как угрозу национальной безопасности. Вот и на сей раз оповещенные

о приближении колонны жители Чермена, то ли по собственной инициативе, то ли по указанию сверху, решили лечь костями, но беженцев тормознуть, чтобы впредь unavoidно было.

Перегородив дорогу грузовиками, сельчане плотной толпой высыпали навстречу непрошеным гостям. По машинам и бэтээрам застучал град камней. Как только группа сопровождения попыталась с помощью брони сдвинуть препятствующий движению «газон», около сотни вооруженных бойцов роты УООНХ и роты ППС сосредоточились вдоль проезжей части. Клацнули автоматные затворы, гранатометчики наставили на бэтээры РПГ, увенчанные смертоносными конусами выстрелов. Командир охранников предъявил ультиматум: если войска не откажутся от попытки очистить дорогу, живым никто не уйдет. Как бы подтверждая его слова, из боковых улочек выползли три БТР-80, зашевелили стволами крупнокалиберных пулеметов, изготавливаясь к стрельбе.

Ввязываться в драку было глупо. Даже с применением подрывения из части. Ну расколоматят «уоонховцев», с «пэпээсовцами», пожгут их «восьмидесятки». А толку? В кровавой каше пострадают мирные жители (страшная штука — скоротечный уличный бой на пяточке в окружении толпы). И на внутренние войска в очередной раз навесят ярлык оккупантов и убийц. Наверное, есть люди, которые именно этого и добиваются, используя удельные вооруженные формирования в качестве слепого орудия. У военных другие правила — недвусмысленные и честные. «Расслабьтесь, ребята. Спецназ возвращается в полк, колонна с группой сопровождения — в Назрань. И считайте, вам крупно повезло», — прозвучал ответ на ультиматум.

Но принявшим боевую стойку «ребяткам», расслабляться не хотелось. Хотелось подвигов. И застрочили стволы, направленные в работников российской милиции. Вначале на окраине, вблизи наблюдательного поста «Холм». Потом и среди домов начали посвистывать пули. На улице Калинина три милиционера из сводного отряда в течение двадцати минут вели бой то ли с бандитами, то ли с «уоонховцами», (поди разберись, доврасть треть мужского населения Кавказа щеголяет в модном камуфляже). Те первыми открыли огонь из укрытия, решив нагнать страху на патрульных за то, что взяли под защиту ингуша, на которого было совершенно вооруженное нападение. Быть бы экстремистам крепко битыми, да на их счастье подкатил БТР из роты охраны, и перестрелка завершилась ничью. Дав на прощание несколько очередей, лихая стража убралась на броне восвояси.

Дальше — больше. Черменские «уоонховцы», взяли в заложники пятерых беженцев, приехавших на автобусе проведать свои дома. Детективный рассказ можно написать про то, как заместитель командующего Северо-Кавказским округом внутренних войск и комендант, сосредоточив у села чуть ли не весь резерв ВОГ, методом угроз и уговоров (в миротворческие бы силы ООН прошедших отечественные горячие точки генералов и полковников внутренних войск — цены им там не будет) освобождали несчастных.

На сей раз получилось...

А как дальше будут складываться отношения между войсками и республиканскими формированиями? Предсказать не сложно.

Вы думаете кто-нибудь из «стражей порядка», понес наказание за угрозу применить оружие по группе сопровождения колонны, обстрелы нарядов милиции, захват заложников, толкающий противоположную сторону на контрмеры в зоне безопасности? Руководство республики только обещает власть употребить в ответ на злые «китайские» предупреждения. Но будьте уверены, ни один волос не упадет с головы местного «гвардейца», будь он хоть трижды задержан с поличным на месте преступления. Может быть, центр всерьез взялся за «пограничников», Ингушетию, выпустивших не одну сотню пуль по российским военным, санкционировал ликвидацию незаконного «укрепрайона»? Нет, пока не спешит. Зато с поставками «пэпээсовцам», оружия со складов — никаких проблем. Еще бы, вновь созданная структура в системе республиканского МВД требует особой опеки.

А случится эксцесс с применением стволов, спрос всегда можно учинить с войсковых офицеров. Под любым предлогом: недоглядели, позволили втянуть себя в провокацию, приняли бой вместо того, чтобы показать спину. И такой прецедент, что называется, имел место быть.

Воцарилось затишье на участке четвертой заставы, и майору Кузнецову пришлось держать ответ перед высоким начальством из ВОГ. По мнению генерала, именно он, Кузнецов, виноват в том, что мангруппы были использованы в качестве мишеней. Нечего было вступать в разборку, постреляли бы «пэпээсовцы», и успокоились. Но ведь прицельно били по н а ш и м бэтээрам, осмелился возразить офицер. На глазах убежавших с поля колхозников. Что бы сказали они, увидев, как войскам безнаказанно наносят оплеухи?

Довод убедительный. Но прав в такой ситуации обычно тот, у кого больше прав. Извилистая тропа служебной карьеры уцелевшего в бою майора уткнулась в административную гильотину. Не сносить бы ему головы, да судьба уберегла. Проводивший во Владикавказе служебное совещание министр внутренних дел России дал карт-бланш работникам правоохранительных органов и военнослужащим внутренних войск, имея в виду столкновения с вооруженными преступниками, напомнил статьи законов, обязывающие военных и милиционеров на огонь отвечать огнем. Тучи рассеялись.

Не спугнутся ли они снова? В войсках немало смелых, решительных офицеров. Министр — один. А в зоне безопасности попрежнему опасно.

Юрий ЧЕРКАСОВ.
Фото автора.

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ

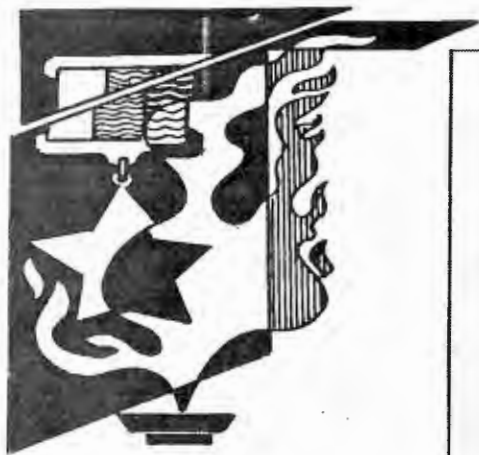
Северный Кавказ сегодня

Фото
В. УТЕНКОВА

8

Герой
Российской
Федерации
майор
Сергей
Анатолевич
ГРИЦЮК

...НЕ ОТМЕНИТЬ НИЧЬИМ ПРИКАЗОМ

НАКАНУНЕ к Грицюкам приехали гости.

Старая московская коммуналка, где притерто-привычно жили-поживали три семьи, частенько была похожа на трамвай в часы пик: на ночлег оставались земляки, однокашники по училищу, бывшие солдаты. Соседи Грицюков обычно не роптали на многолюдье: Сергей с Ольгой, люди добрые и контактные, любого буку могли к себе расположить. Мальчишки их, Костя и Артемка, тоже к порядку приучены. Ну и нынешние гости, одноклассники, — святое дело. Стол — на середину комнаты, на скатерти-самобранке — соленья-варенья, бутылочка непременно...

С Ириной Лудановой Сергей занимался в самодеятельном народном танцевальном ан-

самбле. Гордость города Николаева, коллектив этот мог похвалиться и всяких рангов лауреатством, и дальними гастролями. Теперь вот сидят одноклассники, листают альбом, приговаривая: "А помнишь?.. А помнишь?..". Попугай Петруша на плече у хозяйина вертит головой, сравнивая фотопортреты с оригиналом, то и дело подтверждает: "Сереза! Сереза!". Гости смеются... Позже, когда отодвинули в сторону юношеские, по-южному солнечные воспоминания, когда заговорили о делах после 21 сентября, на распросе земляков о службе Сергей отбился классической, защитного цвета фразой: "Все нормально, прорвемся!". А у самого улыбка вышла какой-то квелой, совсем не грицюковской...

ИЗ ЛИЧНОГО ДЕЛА: "Родился 8 апреля 1963 г. в селе Ковалева Николаевского р-на Николаевской обл. Украинец. Из рабочих. Член КПСС с июня 1983 г. Партийный билет N 205398820. Образование: 10 классов средней школы г. Николаева в 1980 г., Орджоникидзевское ВВКУ в 1984 г. Поступил добровольно 5 августа 1980 г. через центральный военкомат Николаевской обл. Военную присягу принял 21 сентября 1980 г."

Разве вместить между двух картонок с надписью "Личное дело", человеческую жизнь, хоть и короткую? Нет, конечно. Можно, говоря расхожими штампами, проследить вехи трудовой (в данном случае служебной) биографии, взлеты и падения. Срок хранения этих документов — вечно. Это личное дело N 29, может быть, и востребуют. Личное дело Героя все-таки. Российского военного, погибшего во время кровавых событий российской истории. И станут домысливать, не найдя сотоварищей, родных и близких, черты его натуры, и станет он бронзово-угрюмым, покрытым с годами налетом благородной патины, или, в угоду конъюнктуре, дзержинско-железным, ржавеющим и ветшающим под бременем наветов. Кто знает? Странностями усердных летописцев тонкие черты сотрутся или, напротив, станут гранитно-рублеными, свойственными собирательному образу несокрушимого воина-победителя. Но ведь не было победителей в прошлой годней гражданской войне...

Не может быть угрюмым и злым человек, с упоением отплясывающий тарантеллу и чардаш, молдавнянку и гопака. Он не был никогда пессимистом, Сережа Грицюк, чья фамилия стоит первой в списках большого танцевального коллектива. Все школьные годы выступал на сцене. Еще он был командиром отряда комсомольцев, которые стояли в почетном карауле у Вечного огня в самом центре Николаева. Сегодня оголтелые перестройщики-западники уничтожительно-злобно насмеются над традициями и ритуалами "коммунака", якобы вдалбивавших в головы подрастающего поколения мифы о героической истории Страны Советов. Сергею никто и ничего не вдалбивал — сам имел и глаза, и уши, а еще ум, честь и совесть. Свои, не заемные. Еще с малых лет. Допартийные, докомсомольские и даже допоонерские. Николаев — город-трудяга и город-воин, здесь каждый пацан знает и историю кораблестроительных заводов, где строились самые могучие советские боевые корабли, и подвиг 68 десантников, чей бросок в район Николаевского порта был дерзок и смел. Что касается знаменитых кораблей, Сергей как истый патриот своего города знал их наперечет — как-никак отец тоже корабел. А уж подвиг морских пехотинцев вошел в историю Великой Отечественной войны как образец воинской доблести. 55 участникам того десанта присвоено звание Героя Советского Союза. Имена 12 героев-связистов и саперов в связи с отсутствием их в списках десантного отряда многие годы оставались неизвестными. Часть имен установлена, поиски остальных продолжаются. Имя 67 героев носит одна из площадей города, а прилегающая к ней улица названа именем Ольшанского — в честь командира отряда. 68-му участнику Николаевского десанта проводнику-добровольцу А. Андрееву звание

Героя Советского Союза было присвоено в 1965 году. Да, был такой чисто советский феномен — массовый героизм. По заслугам те Звезды были — отчий дом отбывали от супостата. Но вот что говорил мудрый Ницше: "Все вокруг героя превращается в трагедию". Стало быть: чем больше героев — тем больше вокруг трагедии...

НИКОЛАЕВСКИЕ мальчишки знали о тех, чьими именами названы площади, улицы, заводы города. Мальчишкам нравилось заступать в почетный караул у Вечного огня. И не потому, что на время той службы освобождали от занятий (в отряд брали только лучших учеников). На юнармейцах была красивая, похожая на военно-морскую, форма. На груди хоть и не боевой, но вполне авторитетный настоящий ППШ. Мальчишки и девочки были на виду у всего города и на виду друг у друга. Но главное — в том смиренно-торжественном месте хорошо думалось и мечталось. Не о суетно-мелочном, но о высоком, красивом, вечном.

По всей Руси великой, по всему бывшему Союзу в самый радостный день несли молодожены к могилам павших за Отечество цветы в знак вечной благодарности за сохраненную жизнь. Пришел такой день и для Сергея с Ольгой. Шли они к этому дню поначалу параллельными курсами: учились в соседних классах, он танцевал, она играла на виолончели, стояли рядом у Вечного огня... А когда положили на гранит цветы в день свадьбы, он поднял ее на руки, чтобы нести по жизни. Щелкнул затвор фотоаппарата, и остались на карточке они, счастливые, Золотая геройская Звезда и наказ-обещание — "Вечная слава героям, павшим в боях за Советскую Родину".

ИЗ ЛИЧНОГО ДЕЛА легко узнать, что в военном училище курсанту Сергею Анатольевичу Грицюку учиться было в охотку: в зачетной ведомости из 28 дисциплин 8 четверок, 18 пятятерок, 2 зачета и ни одной тройки. Все четыре госэкзамена — на "отлично".

При распределении предложили Москву. До потолка не запрыгал, более того — хотел отказаться. Ольгу уже настраивал на далекий таежный поселок, откуда, согласно классическим канонам, положено зеленому лейтенанту начинать головокружительное восхождение к большим звездам. А то ведь не придется в столице ко двору, и... тогда тайга будет не стартовой площадкой для военной карьеры, а ссылкой на многие годы, но начальству было виднее...

Сильно наперед он не думал — не лейтенантское дело стратегические расчеты строить. Ему надо было мало-мальски обустроиться с молодой женой в Москве, пообвыкнуться на беспокойных столичных улицах, где едва ли не каждый день нес патрульно-постовую службу его взвод из специальной моторизованной части.

ИЗ ЛИЧНОГО ДЕЛА, в котором хранится служебная карточка, становится очевидным — жизнь Москвы просто невысказана без неуязвимой "охранительной", службы солдат внутренних войск. В служебной карточке майора Грицюка — три десятка поощрений: благодарности начальника внутренних войск и начальника ГУВД за образцовое несение службы "по обеспечению похорон Генераль-

На вершине счастья – Ольга и Сергей Грицюк в день свадьбы.

ного секретаря ЦК КПСС тов. К. У. Черненко... в период проведения демонстрации трудящихся 1 Мая... празднования 40-летия Победы... в период подготовки и проведения XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов... при проведении авиационно-спортивного праздника на аэродроме им. В. Чкалова в Тушине... А еще их часть "обеспечивала" очередной съезд КПСС и Игры Доброй воли, празднование годовщины Великого Октября и бесчисленные концерты, футбольные матчи. Офицер внутренних войск Сергей Грицюк был членом партии с курсантских лет и понимал, что партийные форумы, похороны руководителей КПСС и государства должны проходить в спокойной обстановке. О том, что случается во время массовых действий, он тоже хорошо знал: террор на Мюнхенской олимпиаде, побоища футбольных фанов, а уж кровавая Ходынка – историческая трагедия русской толпы...

Офицер внутренних войск Сергей Грицюк за скромные свои доблести в службе, что и опасна, и трудна, удостоился медали "За отличие в воинской службе", II степени, двух войсковых знаков и десятка разного достоинства и расцветки грамот, которыми перекладывал страницы семейного альбома. Был

еще, правда, и ценный подарок – секундомер за 13 рублей. Отличная вещь для офицера! Сергей радовался подарку, как ребенок, все показывал друзьям, щелкал кнопкой, то останавливая время, то возвращая стрелки назад, чтобы повести новый отсчет...

За тринадцать лет службы продвинулся он не слишком резко и высоко, но уверенно и прочно: командир взвода, учебного взвода, учебной роты, замкомбата. "Академиев", пока не кончал, зато авторитетом пользовался в подразделении, товарищами солдатами был любим и товарищами офицерами уважаем.

ИЗ ЛИЧНОГО ДЕЛА можно очертить и круг его интересов. Кроме службы как таковой, боевой и политической подготовки в чистом виде, он занимался еще стенной печатью роты и экономической работой (когда экономика у нас была экономной, а копейка рубль берегла), принимал участие в рационализаторской и изобретательской работе (кто ж еще на выдумки хитер!), брал призовые места в соревнованиях по пулевой стрельбе (выполнил норму кандидата в мастера спорта).

"... Я ведь даже не стрелял. И никто не стрелял. В кого стрелять? Ну баррикада, а кто там, что там? Ни одного выстрела не сделали..." – майор Александр Сузык глубоко затянулся сигаретой. "Так кто же убил ваших товарищей?", – вопрос бестактно жестокий, да к черту такт, когда в душе так и свербит. Кто же убил майора Сергея Грицюка, рядового Олега Петрова и смертельно ранил лейтенанта Александра Михайлова? Оставшийся в живых майор Сузык говорит отрешенно, в пустоту: "Это не у меня надо спрашивать. Меня это тоже интересует, естественно, это я тоже хотел бы знать..."

Вряд ли будем мы это знать совершенно точно. Столь "незначительный частный" факт в чудовищном калейдоскопе событий осени девяносто третьего в Москве, когда пролилась кровь в Останкине, на Красной Пресне. Красная Пресня опять в баррикадах. Здесь что ни дом, то памятник истории – скульптуры, мемориальные доски, таблички с названиями улиц. Названия, перекочевавшие из истории революции 1905 года в боевые донесения и сводки осени-93: Баррикадная, Рочдельская, Большевицкая, Дружинниковская... И Замоленов, и Литвин-Седой, и Шмит – большевики. А знаменитая "Трехгорная мануфактура", – почти тезка нашей орденоносной дивизии – тоже имени Ф. Дзержинского. Кто больше матери-истории ценен?

4 октября шальные пули шлепались в каких-то метрах от музея Красной Пресни. И прежде тихий этот филиал музея Октябрьской революции затворил-притаил свою экспозицию, которую чуть ли не вчера смотрели-слушали забредшие в увольнении на тихую улочку солдатики. Захватывающая красива здесь диорама "Героическая Пресня". Заревом пожаров, красный флаг над баррикадой, выстрелы и... голос Ульянова – Михаила, актера, народного артиста СССР: "Дружинники не спали. Они понимали, что приближается последний решительный бой. Пресня окружена кольцом царских войск. Ожесточенные

своим бессилием подавить последний бастион Московского восстания, царские генералы отдали приказ артиллерийским огнем сжечь Пресню и беспощадно уничтожить воставших». То было восемьдесят восемь лет назад...

4 октября 93-го здесь свистели пули и вряд ли кто из бойцов и командиров подходил близко к табличке, где разъярилось: «Улица Николаева названа в 1957 году именем рабочего-революционера, активного участника революций 1905 и 1917 годов в Москве, начальника боевой дружины мебельной фабрики, организатора отрядов Красной гвардии Михаила Степановича Николаева. Родился в 1878 г., умер в 1956 г., По всему выходит — боевиком был товарищ Николаев. Заслуженным боевиком России...»

Тот же революционный музей создал экспозицию и о событиях августа-91. Тогда тоже были герои и, соответственно, была трагедия. Тогда тоже в Москву выдвинулись армейские бронемашины. Вставшие на их пути стали Героями Советского Союза. Практически последними. В музее бережно хранится консервная банка защитников Белого дома образца 91-го. Дом — Белый, а консервы — импортные...

Все знают полотно непревзойденного русского баталиста Верещагина «Апофеоз войны», — пирамида черепов убиенных воинов. Майор Александр Эдуардович Сузик, служака, признался, что апофеозом его двадцатипятилетней службы во внутренних войсках стало 4 октября. Был под обстрелами в Степанакерте, Лачине... Но чтобы так вот, в упор, из крупнокалиберного пулемета по «бэтру», в центре Москвы!..

Колонна стояла головой в перекресток улиц Рочдельской и Николаева. Задача была — блокировать район, прилегающий к Дому Советов. Стрельба шла в обе стороны, уже погибло много совершенно невинных людей. Уже стреляли из танковых орудий. Уже десятки людей вышли из зоны обстрела. Уже сгорел на Краснопресненской набережной БТР подполковника Савченко, пытавшийся подойти к Дому Советов для эвакуации оттуда людей.

Замкомдива поставил задачу майору Сузику — пройти по улице Николаева на Краснопресненскую набережную, затем вплотную к Дому Советов. Двумя бортами прикрыть людей, которые будут выходить оттуда. Были возможны провокации, самосуд, устранение свидетелей, да мало ли что могло произойти в той кровавой мясорубке. Майор Сузик пролез уже под броней на командирское место. Наводчиком был лейтенант Михайлов. Майор Грицюк сидел в десантном отделении по левому борту первым. Рядом с ним рядовой Олег Петров и офицер-омоновец с радиостанцией, который взялся показывать дорогу. Двинулись вниз, к набережной. Улица эта все-то ничего, три больших дома на ней. Но «бэтр», полз еле-еле: во-первых, за броней укрывались пешие омоновцы, человек шесть-семь, надо было подладиться под их шаг; во-вторых, на улице взброс стояли машины, а метров за сто до перекрестка поперек дороги лежал труп, который пришлось объезжать.

По левому борту был массивный серый дом, на углу которого как раз и висит памятная табличка о Николаеве. С крыши этого дома с утра солдат не раз уже обстреливали снайперы. Но для бронемашини стрелковое оружие не помеха: автоматные пули о броню — что горох о чугунок. Они опасались гранатомета — уже знали о бое в Останкине, где именно после выстрела из РПГ погиб спецназовец рядовой Николай Ситников.

Слева, где в переулке Глубоком была баррикада, бабахнула тяжелая очередь. Торкнули резко — Сузик ударился виском. Сзади — крики. Попадание было явным — звук, вспышки, пули, пробив броню, «ходили», в тесном черно-зеленом пространстве, заполненном военными людьми.

«Назад!» — кричит Сузик водителю. Тот — за рычаги, головой вертит. А тут еще одна очередь, еще одна... Вроде шевельнулись назад. Еще очередь. И после этой очереди водитель обреченно: «Все, назад уже не сможем».

450-й оставался легкой мишенью для тех, кто засел за баррикадой в Глубоком. Десантировались через правый борт. Те, кто остался жив. Сам майор Сузик еще раньше, пробираясь на командирское место, сообразил, что в обратном порядке ему, случись что, не вылезти: на нем бронезилет и ватная куртка, а внутри «бэтра», еще спальники, солдатские «сидора». Еще раз обернулся в десантное отделение: «Эх, ребята!.. Знал, что командирский люк профессионалы всегда в первую очередь держат под прицелом, но... В нескольких метрах, за стволами деревьев и жухлыми кустами залегли живые бойцы. Здесь, под простреленной броней, убитые товарищи... На войне надо пробиваться к живым...»

Он был солнечным человеком — в жизни, в службе, в танце...

Поднял глаза — что это? На него пялилась огромная белая баба с факелом в руке. «Свидание с Америкой», — идиотская надпись на пестром рекламном щите у обочины, раскрытая пачка сигарет «L&M». Сюда нельзя! Надо обратно, вверх по Николаева. Ах, суки, кто ж это стреляет с крыши? Майор еще раз поднял глаза на рекламный щит с сигаретами — отчего-то запершило в горле.

«Все?» — крик, в котором было больше отчаянья, чем надежды, оцарапал майору горло. Он уже знал, что из-под обстрела вышли не все. Теперь надо было опасаться не только снайперов, но и... своих — те наверняка не ожидают появления экипажа БТРа совсем с другой стороны. Подобрались поближе к рубежу боевого охранения дивизии. Сузик, приподнявшись, крикнул: «Мужики! Не стреляйте!» Лейтенанта Михайлова сразу с рук на руки — медикам. Уже позже, когда утихла стрельба и главные лица Дома Советов сдались, на КП дивизии подтащили расстрелянный 450-й... Рядовой Сергей Бурцев нашел в своей шапке осколок. Товарищ его рядовой Михаил Стрельников, когда выскочили они из «бэтра», заметил на виске Сергея струйку крови. А если б не шапка?! Частливчик Бурцев — сибиряк, красноярский, из Дзержинского, кстати, района...

ИЗ ЛИЧНОГО ДЕЛА: «Выписка из приказа командира войсковой части... Исключить из списков личного состава и снять со всех видов довольствия:

- зам. командира 2 мотострелкового батальона майора Грицюка Сергея Анатольевича...

Похоронен 7 октября 1993 г. на кладбище деревни Новая Балашихинского района Московской области».

Последняя запись в личном деле. Суконный язык документа, формулировки корявы и даже нелепы: исключают из списков, чтобы потом зачислить навечно, снимают со всех видов довольствия человека... убитого три дня назад. А почему похоронили в деревне Новая, далеко от Москвы? Да вот хотели жену Сергея, а теперь вдову Героя устроить на работу в дивизии, квартиру здесь же дать. Вышло по-другому: квартиру осиротевшая семья получила совсем в другом месте. Зато однополчане навещают могилу Сергея всякий раз, когда едут на полевые занятия: то цветы привезут, то снег расчищают, а то и просто постоят, помолчат, повспоминают...

ОДНОКЛАССНИКАМ из Николаева, едва успели пригубить за здоровье, пришлось пить за упокой. Николаевский парень погиб на улице Николаева — мистика какая-то...

Капитан Сергей Кузнецов вспомнил, как батальонная любимица дворянка Альфа, которую майор Грицюк защитил от любящего порядок сурового начальства, прыгнула в день похорон в машину и приехала на могилу своего спасителя.

Подполковник Владимир Саламатин рассказывает о дне рождения своей жены: «Сергей принес букет из тридцати трех роз — наповал сразил не только именинницу, но и меня. Он вообще был человеком щедрой души, распахнутым навстречу добрым людям. Солнечная натура. Заводила в любой компании — именно он вытаскивал нас с семьями на грибы и рыбалку, устраивал ве-

чера в части. Сейчас каждый под себя гребет, жизнь, что ли, такая стала? А прежде все праздники вместе — 23 февраля, 8 Марта, ноябрьские, Новый год, день части...»

Капитан Сергей Валерьевич Кузнецов и подполковник Владимир Петрович Саламатин — друзья майора Грицюка. Один чуть младше, второй чуть старше. Дружили семьями. Объединила, естественно, служба. В войсках ведь как говорят: боевая задача — одна на всех. В конце минувшего года получили офицеры награды: капитан Кузнецов — медаль «За отличие в воинской службе», 1 степени, подполковник Саламатин — «За отвагу». Поздравить Владимира Петровича приехали Ольга Грицюк, общие знакомые — бывшие дзержинцы, которые ныне работают в банках, имеют квартиры, машины и все такое прочее. Нет, это сказано не к тому, что наши офицеры исходят завистью... Они терпеливо служат. Как служил и Сергей Грицюк.

ИЗ ЛИЧНОГО ДЕЛА не изъять и записи о взысканиях, чего греха таить, случались проколы. Раз схлопотал выговорешник от командира части «за неподготовленность к политическим занятиям и попытку представить чужой конспект». Классический армейский сюжет, простой как три копейки. Теперь вот и политических занятий-то нет. Войска вне политики, говорят. Зато политику теперь сплошь и рядом делают по чужим конспектам. И военных в нее впутывают то и дело. И ничего — никаких выговоров, все с рук сходит.

Другое, еще более строгое (позже снятое) взыскание комдив объявил «за упущения в работе и непринятие действенных мер по строгому соблюдению уставных взаимоотношений». Помните, как «по просьбам трудящихся, все рьяно взялись за неуставшину? Вот в ту кампанию и случилась в подразделении Грицюка банальная солдатская драка. Пострадала третья сторона».

Как та давняя история похожа на октябрьские события в Москве, только словно все повторилось в чудовищно кривом увеличительном стекле, к тому же кроваво-красного цвета. Разнять схватившихся непримиримых пришел третий. И погиб. И смерть — этот строгий выговор судьбы — не отменить ничьим приказом. Личное дело Героя России отправлено в архив.

... Чаепитие без хозяина дома грустно. «Это варенье Сережа варил, из николаевских абрикосов», — говорит Ольга. Ее мама Людмила Николаевна, приехавшая помочь, подержать, угощает своим пирогом. Женщины рассказывают, как расстроилась Наталья Савченко, получив недавно удостоверение... черного цвета. Чье-то чиновничье скудоумие в который раз бьет по вдовам наших офицеров.

Курсантские любительские фотографии: Сергей с товарищем на Мамаевом кургане Волгограда во время стажировки, а здесь курсант бросает из окопа гранату в надвигающийся танк — занятия... Попугай Петруша устроился на плече. Заглядывает в альбом и с радостью узнавания отчетливо произносит: «Сережа!». А иногда, вспомнив хозяина, птичка-невеличка грозно командует: «Костя, делай уроки!».

Полковник Б. КАРПОВ.

На службе – контрактники

ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА ИЛИ... ПЕРВЫЙ БЛИН?

— Простите за прямоту, вы готовы к тому, чтобы, находясь на посту, выстрелить в человека?

— Если потребуются...

* * *

— Где служили срочную?

— В Афгане.

— Сколько?

— Два года.

— Награды?

— Медаль "За боевые заслуги".

— Больше вопросов нет.

(Из бесед с контрактниками на аттестационной комиссии).

ДЕЛО ЭТО настолько новое и необычное (во всяком случае для войск; зарубежный опыт, правда, исчисляется десятилетиями, да нам, квасным патриотам, за граница не указ), что мы до сих пор, кажется, толком не определились, как же их все-таки лучше и правильнее наречь — контрактеры или контрактники? Впрочем, не в вывеске суть, хоть горшком называй — только в печь не ставь. Ан нет, порой ставим. Да еще и сами норовим следом протиснуться, дабы лично проверить — горячо ли, не дует ли? Увы, как правило, горячо. Да еще и — парадокс! — сквозит со всех сторон.

Ну да ладно, главное, что слухи о нереальности комплектования внутренних войск добровольцами ввиду катастрофического падения престижа воинской службы оказались сильно преувеличенными: отрядный факт, утерли носы Фомам неверным.

Поезд, который должен был доставить меня до места командировки, еще не отошел от шумного перрона московского вокзала, как я уже понял из разговора соседей по купе — гостей столицы: рабочих рук в искомом городе с избытком, а свободных мест на предприятиях, к сожалению, днем с огнем не найдешь: "Даже по блату не устроишься.. А кушать хочется. Всегда. В том числе и сейчас, в эпоху изрядно подзатынявшегося становления базарно-рыночных отношений. И семью кормить надо. И одевать-обувать худо-бедно. И старикам родителям помогать. И детей учить уму-разуму (многие вузы решили, что бесплатное образование студентов им совсем не по кар-

ману). И вселенский хаос на производстве, базирующийся на постоянной угрозе банкротства, а стало быть — безработицы, надоел до чертиков: ностальгия по стабильности и уверенности в дне завтрашнем заела.

Короче, когда мне не без гордости сообщили, что местная воинская часть почти полностью (минус несколько процентов) укомплектована контрактниками в рекордно короткие сроки, я сделал удивленное лицо. Но не удивился, а лишь, откровенно признаюсь, потрафил самолюбию лиц ответственных. В прямом и переносном смысле. Коли все в ажуре, подумал, так и запишем.

Поторопился, так как на этом идиллия внезапно закончилась, и вскоре от моего оптимистического настроения не осталось и следа: мажорная прелюдия как-то неоправданно резко, вопреки классическим канонам гармонии, перешла в минорную симфонию. Едва ли не в реквием. И по мере дальнейшего общения с людьми уже не приходилось старательно изображать удивление. Причины? Возможно, это издержки коммунистического воспитания и социалистического образа жизни, но еще с молоком матери впитал, казалось бы, непреложную истину: мы рождены, чтоб сказку сделать былью. На худой конец — явью.

... Но вначале, естественно, было слово. Точнее — приказ, требующий с непреклонной категоричностью: укомплектоваться контрактниками! Во что бы то ни стало! Срочно!! Немедленно!!! Каким образом? "Для тех, кто в танке..", терпеливо повторили: срочно! Даем максимум две недели на первую экспериментальную роту и полтора месяца от силы на часть в целом. Да где ж такую силушку взять? Потому, не теряя драгоценнейшего времени даром — на определение ориентиров, рекогносцировку местности, разведку обстановки, офицеры управления и подразделения с ходу, буквально с марша ввязались в бой с поднимающейся в полный рост Проблемой. И скоро осознали — бой-то неравный, ибо и противника недооценили, и подкрепление не подошло, и резервов (на них очень рассчитывали) не оказалось.

Правда, первая атака, чисто пропагандистская, которую возглавил и весьма умело провел заместитель командира части по работе с личным составом

подполковник А.Алексеевко, была на редкость удачной. Подключили местное телевидение, опубликовали несколько рекламно-призывных материалов в областных и районных газетах, организовали три радиопередачи, заручились поддержкой УВД (попросили без проволок проверить данные о кандидатах через свои каналы) и облвоенкомата (уговорили, чтобы невогребованных добровольцев, желающих попасть в Таджикистан, в ряды 201-й дивизии, переадресовали в войска), обратились в центр занятости населения. Более того, на крупных предприятиях и даже на узловых остановках общественного транспорта (на КПП части — само собой разумеется) развесили броские плакаты: принимаем на военную службу по контракту. И все это в городе, где работы даже за половинную зарплату контрактника практически нет. Представляете, какой ажиотаж поднялся?!

НАРОД ВАЛОМ повалил. Хороший и разный. Радоваться бы офицерам, да некогда: время поджигает, хлопот полон рот. Конкурс растет не по дням, а по часам: пять человек на место, восемь, десять — Господи, кого ж брать-то? Аттестационная комиссия заседала беспрестанно, командир «экспериментальной», роты и его заместители, наскоро переговорив с кандидатами, мотались до позднего вечера по всему областному центру и его окрестностям, пытались выяснить у участковых, соседей, родственников и знакомых, что за люди к ним спозаранку в очередь выстраиваются, чем знамениты в широких и узких кругах — пороками или добродетелями? И еще успевали чудом служебно-боевую деятельность подчиненных направлять в нужное русло — как-никак под охраной колония строгого режима, дело нешуточное. Без преувеличения: спали урывками и весьма беспокойно, головы раскалывались от навалившихся разом забот.

Капитан Анатолий Канюков. Крутились словно ужи на сковородке, лишь бы поспеть к назначенному сроку. Все личное — побоку, дневали и ночевали на службе. Хотя абсолютно никто не понимал: куда торопимся, будто с цепи сорвались, зачем и кому эта суета нужна? В горячке и суматохе запросов дров наломать можно. Но если бы обстоятельно изучали каждого кандидата, не набрали бы и трети, ведь параллельно с комплектованием еще и обучали новичков азам конвойной науки. Предупредили нас строго-настроено — ровно через две недели солдат из роты заберем. Всех до единого. А кого-то на вышки ставить надо, не оголять же посты — за побег семь шкур спустят, без скидок на эксперимент. Слава Богу, уложились вовремя, выполнили поставленную задачу. Количественно. О качестве говорить не буду, поживем — увидим.

Подвели черту, но далеко не все контрактники были готовы к службе. Благо обещание свое командование не сдержало, пожалело и нас, и себя: солдат еще на месяц в роте оставили. Для прикрытия грудью кадровых брешей в карауле...

Незавидное положение офицеров усугублялось и другим немаловажным обстоятельством, на первый взгляд невероятным: не было под рукой утвержденного «верхами», нового штата воинской части. Лишь проинформировали: ждите, мол, подошлем с оказией, когда согласуем. И напомнили на всякий пожарный: но это ничего не меняет, час икс — прежний. Вот ситуация-то: комплектуйтесь на свой страх и риск. А потом, дескать, приведете все к нормальному бою, то бишь в соответствие с «отточкованной», штатной структурой: подрежете, подчистите, подправите. Войсковая классика: «Машина не заводится, товарищ полковник!» — «Некогда мне, сынок, поехали, потом заведешь».

«Что ж, ехать так ехать!» — философски заметил попугай, когда кошка потащила его из клетки за хвост. На закуску.

Закусывать тоже было недосуг. Спешно отобранных людей аврально обучали, психологически настраивали, насколько позволяли условия марафона. Как на грех, среди волонтеров не оказалось знатоков узкого профиля (их нашли чуть позднее) — специалистов инженерно-технических средств охраны и дрессировщиков. А без них и караул не караул, и служба не служба. Значит, следовало готовить самим... Легко сказать. Меня, допустим, за неделю можно убедить в том, что эта злобная овчарка — мой верный четвероногий друг и помощник, который должен беспрекословно (точнее — беспреколайно) выполнять все команды. Объясните это собаке...

Подполковник Александр Алексеевко. Организация учебно-воспитательного процесса не вписывалась ни в одну ныне действующую директиву, так как комплекс необходимых мероприятий практически не совмещался ни со сроками, ни со статусом контрактника, ни с планируемым уровнем его профессиональной подготовки. Никаких дополнительных инструкций или просто дельных советов мы не получили, как, впрочем, и санкций на то, чтобы выйти за пределы вышестоящих указаний и действовать сообразно обстановке. Выкручивайтесь сами. Ладно, думаем, коли идет эксперимент, будем экспериментировать. Помозговали чуток, выработали рекомендации, весьма подробные и конкретные, но, естественно, закономерно вытекающие из обязательных к исполнению приказов и директив: куда от них денешься, не в профсоюз же?! Апробировали — ничего не вышло. Не укладываются контрактники в

прокрустово ложе существующих ЦУ. Тут из реалий исходить надо, от печки плясать. Кто позволит? И опять же некогда. Ну осталась у нас неделя-полторы на подготовку части, заново укомплектованной. Нонсенс! Это же дискредитация профессии. И перед кем — перед будущими профессионалами...

НИЧЕГО СЕБЕ эксперимент, и впрямь уникальный. Действуйте решительно, но в рамках. Творите, но с оглядкой. Дерзайте, но осторожно, не переступая границ дозволенного. Побольше инициативы и самостоятельности, но не забывайте о канонах и незыблемых войсковых догмах. И не тяните резину, ради Христа: время, время!

Да, время... Оно, конечно, покажет, кого набрали на этой кроссовой дистанции в славную когорту пионеров-профессионалов конвойной службы. Через годик посмотрим. Но уже сейчас яснее ясного: просочились в войска и люди случайные. Судите сами: если до августа прошлого года солдаты "подарили" родной части два чепе, то лишь за первые полтора месяца своей службы ратной контрактники принесли неприятностей в несколько раз больше. И каких!

Сержант А. Мацепуро после обмывки получил, доселе невиданной, в драке зарезал человека. Теперь под следствием. А рядовой А. Морозов под мухой врезался на мотоцикле в "Жигули", госпитализирован с травмами. Его полный тезка — тоже рядовой, тоже Алексей и тоже Морозов угнал ЗИЛ и сердечно "поцеловался" с КамАЗом. Хорошо еще, что отделался царапинами и, разумеется, увольнением. На службе напился младший сержант С. Ашиток, после нее, но солиднее — рядовые В. Короткий, М. Кистень, В. Дятлов. А была еще и попытка изнасилования двух несовершеннолетних девиц (не называю фамилии контрактника потому, что дело это темное и запутанное). Немало невыходов на службу, несть числа опозданиям. Завязались неслужебные связи. Например, рядовой Д. Гадецкий, по данным оперработников следственного изолятора, тесно "законтачил" с находящимися там не по доброй воле представителями частного бизнеса. Распрощались с ним.

Кстати сказать, этот подводный риф тоже непросто обойти — душу человека рентгеном не просветишь. Капитан А. Канюков поведал о том, что в колонии не раз перехватывали сообщения осужденных на свободу примерно такого содержания: ступай, корешок, в часть, быстрехонько записывайся в контрактники и просись к нам на зону в охрану... Согласитесь, в спешке на вышке запросто может оказаться любой подручный "залетевшего", за колючую проволоку мафиози или представителя "общака", для установления прочной связи с подельниками из ИТК. Наверняка у него и характеристики будут распрекрасные, и физические данные — великолепные.

Только такого профессионального "шефства", войскам и не доставало.

Стоит ли пространно объяснять, что стремительно "контрактируемая", часть оказалась совершенно беспомощной и в элементарных, и в довольно серьезных вопросах материально-технического и тылового обеспечения волонтеров. Это и естественно: экономика у нас плановая, заявки на все, в том числе и на военное обмундирование, подаются заблаговременно. Желательно за год. И по команде. Потому-то профи, случалось, заступали на боевой пост в гражданке. Ничего не скажешь, живописное, экзотическое зрелище: на наблюдательной вышке — человек в джинсах, пуловере, спортивной шапочке с помпоном и автоматом наперевес. Можно представить, как злословили по этому поводу прохожие и что судили-рядили между собой граждане осужденные: вот, мол, подивитесь — свершилось, наконец-то взвэшки профессионалов набрали, любо-дорого смотреть — орлы с помпончиками! Еще и сегодня, в начале декабря, когда пишется эти строки, далеко не все контрактники — при погонах. Не в обиду им будет сказано, меньше всего похожи они на молодецких, бравых и ладных рейнджеров, гораздо больше напоминают партизан: у кого брюки военные, у кого куртка. Хорошо хоть шапки солдатские многим выдали: пусть единичный, мизерный, а все же исконный атрибут армейского единообразия.

Да что форма! Главное, если верить диалектическому материализму (уж и не знаю, в чести он ныне или канул в Лету вместе с марксистско-ленинской философией?), — содержание. А отнюдь не всех контрактников содержат в служебных условиях, близких к оптимальным. Это, между прочим, также вполне закономерно и вовсе не является виной офицеров части. Бедой — да. Что поделаешь, если комплектование, обучение, воспитание людей и переоборудование мест несения службы волею вышестоящего руководства шло одновременно. При частичном отсутствии сил и полном — средств. На коротком поводе у Его Величества Времени. Тут даже не за двумя зайцами гнались, длинноухих было с полдюжины, не меньше.

КАЗАРМЕННЫЙ вариант отпал сразу как атавизм: зачем контрактникам военные городки и кто их будет охранять, коли суточные наряды штатами (все же поступившими под занавес) не предусмотрены и живут люди дома? Логично. А заниматься коим образом? Где выполнять программу боевой и общественно-государственной подготовки? Стало быть, надо перестраивать караульные помещения в одночасье, оборудовать в них кухни, комнаты для хранения оружия, устанавливать решетки, проводить сигнализацию, бить челом начальникам колоний с просьбой выде-

лить более-менее приличный кабинет в здании администрации объекта под учебный класс, да еще — для канцелярии: офицеров тоже куда-то девать нужно. Один сразу пошел навстречу, другой положил прошение под сукно до лучшей поры, третий обещал подумать... А все эти хлопоты требовали времени и средств. Первого — не было поначалу, второго — нет и теперь: проблемы, будь они неладны. И весьма серьезные.

Бартер, разумеется, тоже не подошел: дескать, мы вам, уважаемый начальник ИТК, казарму, а вы нам взамен — пустячок, лишь бы было куда прийтнуться; практически все строения в военных городках и так на балансе колоний, стоит ли администрации торговаться из-за того, что принадлежит ей по праву.

Подполковник Александр Алексеенко. Одна из ротных казарм, на нашу беду, оказалась своей, родной. Вместе с котельной. Почему на беду? А куда их теперь девать, кому и как передавать? Тем паче что рядом расположены склады части, которые прежде охраняли солдаты срочной службы подразделения, ныне — контрактного...

И это не проблема, а так — проблема, позднее в полемике заметил командир части полковник А. Самоходкин. Есть пословица. Возьмите колонию, размещенную в глухой, заброшенной деревушке, — пять-семь дворов, не более. Ближайшие села — в пятнадцати-двадцати километрах по радиусу. С миру по нитке укомплектовали роту контрактниками. Но трамваи и троллейбусы, сами понимаете, не ходят. На автобус у начальника ИТК денег нет, да и не объехать ему окрестности вкругаря. Единственное средство передвижения — попутки. Попробуйте оцените боеготовность такой роты. По любым критериям. Отдежурил человек, с трудом добрался до дому, отдохнул чуток и утром — на занятия. А там, глядишь, снова на дежурство. Как оптимизировать служебно-боевую деятельность подразделения? Вопрос. И не единственный.

Что же движет людьми, столь охотно подписывающими контракты? Опрос и анкетирование показали: примерно семьдесят процентов волонтеров, уж извините за прагматичный, но открытый результат анализа, словно магнит, притянули к себе пресловутый длинный рубль и сулимые службой льготы и привилегии. Нет, это не предсудительно, это — рационально и естественно. Особенно для мужчины — кормильца семьи. Двадцать процентов пришли лишь потому, что более девать им было некуда: их профессиональные качества — плотников, слесарей, монтажников, резчиков по дереву, музыкантов и поваров — остались невостребованными при всеобщем дефиците вакансий. Куда податься? А почему бы и не в войска?! И, наконец, оставшиеся десять процентов явились, что называ-

ется, по зову сердца, по велению долга: довольно редкая сейчас категория романтиков и энтузиастов, для которых воинская служба — наиболее доступный и приемлемый способ самоутверждения и самовыражения. Цифры беспристрастны.

Следует признать, что аттестационная комиссия части, несмотря на необходимость срочного комплектования и, следовательно, острую нужду в людях хороших, честных, порядочных, никого из добровольцев не уговаривала безоглядно посвятить свою жизнь служению Отечеству. Напротив, намеренно сгущали краски, рисовали далеко не самые светлые перспективы. Исходили из следующего: полностью осведомленный о трудностях, тяготах и лишениях предстоящей службы человек воспримет любую явь, даже довольно суровую, как норму. Пусть уж потом действительность, не столь мрачная, какой ее выставляли офицеры контрактникам в "рекламных", целях, приятно удивит их глаз. Все меньше разочаровавшихся будет.

Подполковник Александр Алексеенко. Чего греха таить, и каверзные вопросы задавали, и провокационные вводные предлагали решить. Старались пропускать людей через мелкое сито. Все-таки не на курорт путевки раздавали — можно сказать, в новую жизнь. Полагали: целесообразнее, если отчаявшийся или напуганный кандидат сразу поймет — эта ноша ему не по силам, чем позднее контрактник предъявит обоснованные претензии: обещанные вами райские кущи в районе колонии не обнаружены. Деньги? Да, неплохие, но и достаются они немалым потом. Льготы? Есть. Пока. А там — кто его знает, чем дело обернется. Жилье? И не надейтесь.

От летунов, сменивших за последние годы по десятку рабочих мест, как от огня шарахались: если на гражданке ни за что не зацепились, то в войсках долго не задержатся. Настороженно относились к тем, у кого не все гладко и благополучно в семье: непрочный тыл — причина неурядиц на фронте. Как ни странно на первый взгляд, но с особым пристрастием смотрели на бывших сотрудников органов внутренних дел, по тем или иным причинам не прижившихся в коллективах: свои среди чужих, чужие среди своих. Чурались вчерашних кооператоров и разорившихся бизнесменов: коммерческая хватка и предприимчивость не самые необходимые качества при охране осужденных.

Не скрою, жалко было порой людей, которых отсеивали. Но воинская часть — не благотворительная организация. Лучше уж некомплект, чем вакханалия и беспредел в главном звене боевой службы — в роте...

ЧТО Ж, НАВЕРНО, оправдан и такой жесткий подход. Добровольцы подписывали контракт на три года, а офицеры смотрели дальше, в перспективу, на десятилетия. Не "временщики", нужны, а потенциальные профессионалы, опора и надежда войск. О будущем думали, не о своем благополучии и покое. И о репутации части заботились. Кто поспеет их за это осудить?

А кто упрекнет их за то, что, понукаемые, поторапливаемые "верхами", они были вынуждены оценивать профессиональную пригодность кандидатов в контрактники по несколько упрощенной схеме, сознательно исключив из нее проверку физических данных волонтеров на спортивном городке. Ограничивались заключением военно-врачебной комиссии: здоров и годен к строевой. И куда как проще и эффективнее работалось бы им, имей они под рукой тщательно продуманную, апробированную методику тестов и зачетов, заблаговременно подготовленную нашими прекрасными военно-научными кадрами. Увы, полагались в основном на интуицию, служебный опыт и наметанный глаз. Войсковые теоретики иронично и вообще-то оправданно называют подобный уровень анализа и изучения личности "печеночным": мол, печенкой чувствую, что этот парень надежный, а вот к тому — душа не лежит. Согласен, при таком околоматематическом подходе проколов и ошибок избежать трудно. Особенно в работе с людьми. Но что оставалось делать? Нужда заставила: как в достопамятные восьмидесятые годы — ускорялись и перестраивались одновременно. Тогда эксперимент на стране не удался, теперь решили попробовать на отдельно взятой части — а вдруг получится, чем черт не шутит?

Аксиоматично: в вопросах комплектования и подготовки кадров штурмовщина и кавалерийские наскоки, как правило, выходят боком. Цепочка от мобилизующего лозунга "Даешь!" до заключительной печальной коды "А ведь маху дали..." проста, предсказуема и в принципе закольцована: малообъяснимая спешка — полный аврал — нервозность и шараханье в крайности — промахи — исправление ошибок — и опять спешка. Круг замкнулся. А результаты?

Майор Анатолий Колбас. Итоги не всегда утешительные. Бывает и такое: стоит человек ночью-другую на наблюдательной вышке, посмотрит на несуетливую жизнь осужденных (им-то как раз торопиться некуда, ибо идешь ты или стоишь — по сути, все равно сидишь), поразмыслит над бренностью своего существования и скисает, как молоко на подоконнике в жаркий день. И поутру на стол командира роты ложится рапорт: "Прошу уволить, не знал, на что шел... Как же так, дорогой товарищ, недоумевают офицер, ведь объясняли, показывали, ничего не приукрашивали, золотые горы и молочные реки с кисельными берегами

не сулили? Пожимает плечами несостоявшийся профессионал: извините, не рассчитал силы, не мое это дело.

Вот если бы можно было предвзительно проверить их еще при военкоматах. Да устанавливать новобранцам испытательный срок, в течение которого они (безвозмездно, конечно, или в крайнем случае за средне-российскую минимальную зарплату) на себе ощутили все прелести караульной службы по охране колоний, для чего и ввести штатную должность командира взвода по подготовке контрактников при управлении части — честное слово, дешевле бы обошлось. И моральных издержек избежали бы. Областной УВД располагает постоянно действующим учебным центром с хорошими преподавательскими кадрами, занимающимися серьезно отбором и изучением будущих специалистов. Их КПД — выше. Нам остается только облизываться и завидовать. Ведь комплектование контрактников — не призыв на срочную службу: раз — и прибыли солдатухи-ребятушки, два — приняли военную присягу, три — заступили на пост. И как бы ни было тяжело — потихоньку тянет боец служебную лямку: долг обязывает, закон подстраховывает. А тут подобная арифметика не годится. Не пришлось что-либо по нраву контрактнику — он сразу же идет на попятную (причину всегда найти можно). А ты крутись, ищи замену, опять же обучай, экипируй. Действительно, бег по кругу, и только...

Не в порядке обсуждения (упаси Боже!), а лишь в целях трезвого анализа реальности замечу: требование приказа о необходимости при отборе добровольцев принимать во внимание их военно-учетную специальность и характер профессиональной деятельности на гражданке, мягко говоря, не стыкуется с жизнью. Абсолютное большинство контрактников — бывшие армейцы, артиллеристы, моряки, ракетчики, десантники, саперы, после окончания техникумов и ПТУ — плотники, газосварщики, строители, электромонтажники, экскаваторщики, железнодорожники. Нам же в основном нужны операторы, другими словами — "вышкари". Попробуйте-ка разгадать эту шараду. Редкая удача, когда хоть что-то — ВУС или профессия — прямо или косвенно связано со службой в войсках. К примеру, рядовой Михаил Маневич, артист, концертмейстер, дирижер, проработавший более десятка лет на ниве искусства, естественно, был направлен в оркестр части. Рядовой Геннадий Сверчков, профессиональный водитель и техник-механик, — принят на службу по специальности. Рядовой Владимир Бронников, недолго потрудившийся в военизированной охране, тоже, можно надеяться, с недогнувшим сердцем поднялся на наблюдательную вышку.

Старшина Игорь Храменок и вовсе находка, уникал: срочник служил во внутренних войсках. Но ведь таких единицы, по пальцам пересчитать нетрудно. Наиболее типичны совсем другие комбинации. Допустим, ефрейтор Александр Мачуский: служил на Черноморском флоте, учился в текстильном техникуме, работал на фабрике транспортировщиком суровья отделочного производства, назначен стрелком-радиотелефонистом. Или старший сержант Виктор Чудаков, по специальности автослесарь, в армии — радиотелеграфист, работал помощником машиниста экскаватора, призван на службу оператором. Или рядовой Виктор Лобко: до армии — животновод, на срочной санитарной службе — рабочий строительного управления, к нам пришел на наблюдательную вышку. Каково?

Нет, если бы работа по комплектованию велась планомерно и спокойно (мечты, мечты, где ваша сладость?), а не в условиях сумасшедшего эксперимента, возможно (хотя и маловероятно), и удалось бы соблюсти все требования приказов и указаний. А то даже сотрудники облвоенкомата, глядя на мытарства офицеров, не выдержали и, сжалившись, предложили: бросьте вы маяться и метаться, дайте нам подробный перечень необходимых военно-учетных специальностей и профессий — мы сами потихоньку подберем людей. А кто его знает, какие они — необходимые. Да и понятие "потихоньку, никак не укладывалось в предлоленные темы.

Безусловно, рано еще подводить итоги проведенного (вернее — проводимого) эксперимента. Но очевидные плюсы и минусы и сегодня проклевываются, как робкие ростки зелени по весне. Однозначно положительно то, что службу в части несут ныне не вчерашние школьники с неустоявшейся психикой и несформировавшимся мировоззрением, а зрелые мужчины, повидавшие жизнь, сознательно и осмысленно сделавшие свой выбор: потому с ними и офицерам работает легче — с полуслова понимают. Другой позитивный аспект — дисциплинарная практика. Ну чем, скажите на милость, сегодня "достанешь" нерадивого солдата? Душеспасительной беседой? Строгим выговором? Гауптвахтой? Комаринские укусы для разгильдяя-хроника. А контрактника можно легко и эффективно послать в материальный нокаут — наказать рублем. Или просто послать, указав на дверь: нарушителей не держим. Да и отношения между ними несколько отличаются от традиционных солдатских. Нельзя категорично утверждать, не кривя душой, что часть полностью избавилась от треклятой дедовщины — отдельные ее атрибуты, как это ни прискорбно, уже, что называется, имеют место быть. Прошу простить за кощунственную для многих мысль: видимо, они неотъемлемо связаны с воинской службой как таковой. Впрочем, на любом производст-

ве, насколько мне известно, молодежи достается не самая чистая и спокойная работа. Наверно, если бы мы даже набрали волонтеров с Марса и Юпитера, они бы начали разбираться, чья планета лучше, у кого спутников больше. А если всерьез — проявления "стариковщины", в сравнении с прошлым весьма незначительные.

Что касается минусов, таких, к примеру, как осложнившаяся система оповещения по тревоге, неподконтрольность, а значит, непредсказуемость действий убывших по домам после караула контрактников, необходимость управлению части вести учебно-воспитательную работу на два фронта (две роты — судебная-следственная и материально-технического обеспечения — по-прежнему планируется комплектовать по призыву), хочется верить, они — временные. Не сразу Москва строилась — это понятно.

Увы, до сих пор непонятно другое: куда гнали лошадей, впряженных в грузенную доверху повозку эксперимента? Ведь не на кроликах — на людях опыт проводили! Неужто кому-то очень захотелось скоренько и бодренько отрапортовать по команде: мы первые! Мы! Всем слышно?

Слышно, конечно. И видно даже. Вы — первые. Но какой ценой?! Для того, чтобы человек появился на свет Божий, природа отвела девять месяцев. Рождается дитячко, малое, неразумное, ни говорить, ни ходить не умеет. Сколько воды утечет, пока научится. А тут не одного человека — часть, полнокровный и мощный коллектив, выполняющий задачи государственной важности, практически возродить задумали, на ноги поставить. И все это за полтора месяца?

А может, глубинную суть скороспелого и, надеюсь, несмотря ни на что, перспективного эксперимента нам, простым смертным, и понять не дано? Утешимся, удовольствуемся этой спасительной мыслью. Попробуем, по крайней мере. Я, кстати, пробовал — не получается: на душе кошки скребут, ведь хорошее дело начали. Не загубить бы на корню (тьфу, чтоб не сглотить: тут первые ласточки прилетели, а я, прошу прощения, каркаю, как ворон).

... Накануне отъезда удалось побывать на очередной аттестационной комиссии. Шестерых добровольцев приняли. Трех, прослуживших без году неделю, уволили. Только из одной роты. А рядовому Н. Сергееву дали месяц на пересмотр своего отношения к функциональным обязанностям, предоставили, так сказать, последний шанс. Последний шанс первой ласточке...

Подполковник А. УШАР.

Сердитое письмо с комментарием

В ОЧЕРЕДИ ЗА ЛЬГОТАМИ

Ну наконец-то. Уж и не чаял, что доживу до этого светлого дня. Вот теперь я действительно начинаю осознавать, что свободы (в частности, свободы слова при полном отсутствии дела) у нас поприбавилось, а табу поубавилось: открываю войсковой журнал и глазам своим не верю — о "неизвестных", доселе войсках по охране важных государственных объектов и специальных грузов публикация аж на пяти полосах. И не кто иной, как сам начальник управления подробно и обстоятельно рассказывает, убежден, удивленному читателю о том, что мы были, есть и будем, во плоти и крови, живые люди, со своими проблемами и, слава Богу, заслугами.

Вы и представить себе не можете, сколько я, ветеран, натерпелся за свою жизнь от этой треклятой псевдосекретности: в основном ведь от своих хоронились, супостаты о нас, полагаю, были неплохо осведомлены. Почти тридцать лет и все здоровье отдал я этим "неизвестным", войскам, вволю надышавшись воздухом вредных и "грязных", объектов. И что в итоге? Ничего. Абсолютно. Как нас "не было", во время службы, так "нет", нас и сейчас. Социальная защищенность уязвимых слоев населения — не более чем популярное, модное понятие, такое же, как в недавнем прошлом — "перестройка", "гласность", "ускорение", "человеческий фактор". По сути, это новая наживка, приманка (или обманка?) для таких, как мы, а социальная политика в целом — лозунг на знамени очередного "пастыря", сжимая древко которого он начнет свой путь к вершинам власти.

Интересно, какому умнику впервые пришла в голову "оригинальная", идея отделить нас социально от рабочих, которые трудятся на этих объектах? Мы находились там же не сменами, как они, а сутками, сопровождали спецгрузы, получая дозы радиации ничуть не меньше, а скорее больше тех же гражданских. В награду за верную службу нас в упор не замечали, мы были невидимками для общества, без права голоса (как бы лишнего не сболтнули). И стоически молчали даже тогда, когда денежное содержание нам выплачивали на два-три месяца позже. И то правда, зачем кому-то тревожиться о нуждах и чаяниях тех, кто для целого мира практически не существует? В то время как вольнонаемные пользовались такими льготами, которые нам, служивым, даже не снились.

И вот — свершилось: нас заметили, о нас узнали. И слава Богу, командование войск добилося введения процентных надбавок к зарплате людям в погонах. Хоть теперь-то они немного придут в себя. За них уже как-то спокойнее.

Но ведь не сегодня и не вчера появились наши войска. Сколько поколений военнотружущих сменили друг друга в строю, нахватившись бзров и прочей радиоактивной гадости. На память о службе. И честное слово, ужасно любопытно узнать, осенит ли когда-нибудь высокого государственного чиновника мысль о том, чтобы хоть как-то компенсировать, возместить нам то, что мы недопо-

лучили в свое время? Скажете: закон обратной силы не имеет? Да и где он, этот закон?

Долгие годы смотрели на нас сверху как на подопытных кроликов: "Интересно, сколько протянут? Смотри-ка, опять выжили. А если поближе к радиоактивной водичке — выдохнут? Нет? Жаль...". Факты? Сколько угодно. Майоры Чеботарев, Осипов, Мыздриков, Никитин, капитан Бярнута, прапорщик Летин и десятки и сотни других, угробивших свое здоровье в расцвете лет. Рак и другие болезни, порожденные радиацией, стали постоянными спутниками нашей жизни.

Помнится, я, тогда еще начальник штаба батальона, задал вопрос одному полковнику из Москвы: "До каких пор правительство будет испытывать наше терпение и трепать нервы?". Он аж взвился от такой "наглости": "Вы тут и так деньги лопатой гребете! Да еще воину на посту просите выдавать молоко, как в профсоюз. Совесть надо иметь!". Этот полковник в кабинетной тиши, наверное, забыл, что я и мои подчиненные служим не в профсоюзе, а во внутренних войсках. А лопату вместе с деньгами, думаю, он бы ни за какие коврижки у меня перенять не согласился.

Мы, военнотружущие, всегда считали и считаем журнал "На боевом посту", своим и надеемся, что и мы для вас не чужие. Особенно теперь, после публикации "Неизвестные" войска". Так что помогите, посодержите по возможности, дабы те, кто сопровождал спецгрузы, охранял "грязные", производства, площадки, обеспечивал испытания, получили "Удостоверение группы риска". К слову, газета "Труд", ссылаясь на постановление правительства, подтвердила наши права на подобный документ. Да вот беда, чиновники в один голос твердят: "Газета нам не указ". Кто его знает, может быть, они и правы, должен же, наверно, быть какой-то приказ по войскам или министерству в развитие постановления.

Обращался я в облвоенкомат. Отвечают: да, есть бумага из округа. Пожалуйста, если твоя часть участвовала в испытаниях — вызовем тебя на медосмотр, и коли, "даст Бог, (не приведи Господь), болезней у тебя хватит — получишь "корочки". А на нет — и удостоверения нет, не обессудь. Странная и страшная логика. Документ ведь так и называется: "Удостоверение группы риска". То бишь на него имеет право всякий, кто еще худо-бедно живет, но рискует свалиться в любой момент и не встать, ибо всю жизнь балансировал на краю пропасти. Выходит, если врачи у меня какой-либо болячки недосчитаются (их же не по заказу выдают, вдрызг заболеешь, да не тем) — я могу и далее чувствовать себя совершенно свободным от заботы и опеки Отечества, которому служил.

Сейчас у нас строят новое чудо техники — "могильник", ядерных боеприпасов. Весь город гудит как встревоженный улей, люди пишут, обивают пороги кабинетов, требуют признать, что подобное соседство губительно для здоровья. Куда там, официальные власти столь же официально успокаивают,

мол, не надо делать из мухи слона, у нас даже не хватает 0,001 бэра, чтобы платить "гробовые". Изворачиваются как могут, лишь бы не признать очевидное, не предоставить людям положенных льгот.

Властям надо доверять. Но не грех иногда и проверить, честны ли они перед народом. Знакомый офицер решил соответствующим прибором измерить уровень радиации на площадке строящегося "безвредного" объекта. Какой шум подняли псевдозащитники нашей экологии: почему, на каком основании и по какому праву, кто позволил? Постановили: этого энтузиаста "не пущать", остальных, ежели появятся, гнать в три шеи. Но позвольте, если там действительно не "фонит", чего опасаться огласки? Напротив, пусть и журналисты, и специалисты-химики открыто скажут всей стране: не переживайте, здесь чисто, угрозы для здоровья людей нет, наоборот, ядерные "могильники", жутко полезны. Не скажут же — кто допустит такой "произвол". Зато офицеры и прапорщики, прослужившие на подобных "безопасных" объектах по два десятка лет, увольняются кто с астмой, кто с увеличенной щитовидкой, а кто и вовсе с полным набором болезней, перечисленных в медицинской энциклопедии.

Сидеть сложа руки не в моих правилах — пробился на прием к представителю Президента в области. Исповедуюсь как на духу: если и представляет сей представитель ситуацию в регионе, то виду не подаст. Из чего заключаю: никому до нас нет дела, все заняты борьбой за власть. А в итоге толковые офицеры и прапорщики, хорошие спецы, уяснив, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих, уходят из войск "по собственному желанию". Лишь самые отчаянные (или обреченные?) отбивают предписанный срок от звонка до звонка, после чего убывают на заслуженный отдых с целым букетом болезней, несовместимых с нормальной, полноценной деятельностью. Чтобы всю жизнь работать на аптеку (на одних лекарствах при нынешних ценах разориться можно), не получая никакой помощи от государства.

Что ж, надежда умирает последней. А мы — первыми. Однако хочется верить, что и это письмо от бывшего военнотруженика "неизвестных" войск — не последнее. Может, постепенно раскочеем бюрократический возок, и сдвинется он с мертвой точки, и вспомнит Отечество о нас, своих защитниках? Право же, заслужили.

Подполковник запаса В. РОДИОНЕНКО.

Комментарий

старшего офицера отдела по работе с личным составом управления командующего внутренними войсками МВД России по охране важных государственных объектов и специальных грузов подполковника В. Ильинского

Понятны боль и разочарование ветеранов войск, их мытарства и "хождение по мукам", сначала для того, чтобы заставить чиновников обратить на себя внимание, а затем доказать, что "грязные" объекты отнимают самое ценное — здоровье, и совершенно обоснованно потребовать от правительства социальной защиты.

К нам приходят десятки подобных писем. Очень хочется помочь пусть бывшим, но сослуживцам, коллегам, да что мы можем? Честное слово, порой от своей беспомощности просто стыдно смотреть в глаза людям, которые лучшие годы жизни отдали службе Отечеству. Ведь решение этих вопросов полностью зависит от административных органов, бюрократизм которых давно стал притчей во языцех.

И все же мы не успокаиваемся. Уже сегодня происходят позитивные сдвиги, приносящие обнадеживающие результаты и позволяющие значительно сократить путь к конкретным льготам и гарантиям. Кому? Прежде всего — ветеранам подразделений особого риска, военнотруженикам, уволенным в запас и отставку, которые непосредственно участвовали в испытании ядерного оружия, боевых радиоактивных веществ, в ликвидации аварий на "грязных" объектах, в работах по сбору и захоронению радиоактивных веществ.

Для обеспечения их социальной защиты подготовлен ряд нормативных актов. Так, 27 декабря 1991 года принято постановление Верховного Совета России "О распространении действия Закона РСФСР "О социальной защите граждан,

подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС" на граждан из подразделений особого риска". Правда, только спустя год правительство определило механизм практического выполнения намеченных мероприятий. Что ж, лучше поздно, чем никогда. Комитету ветеранов подразделений особого риска (он находится в Санкт-Петербурге) предоставлено право выдавать соответствующие удостоверения для получения льгот и компенсаций на основании списков, направляемых из воинских частей.

А приказ министра обороны N 148 от 19 марта 1993 года включил в сферу действия постановления и военнотружеников, уволенных в запас и в отставку. И правильно подметил автор письма: газета официальным органам не указ. Поэтому проект аналогичного приказа подготовили и в Министерстве внутренних дел. Но издать его не успели, ибо 20 мая 1993 года Верховный Совет Российской Федерации принял Закон "О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году на производственном объединении "Маяк" и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча", предложив правительству в двухмесячный срок принять нормативные акты, связанные с реализацией указанного закона. Объективные обстоятельства вынудили внести коррективы в проект приказа МВД, а это потребовало дополнительного времени. Думаю, решение не за горами, и надеюсь, что к моменту публикации этого письма оно будет принято.

КОГДА НА РУСИ СЛУЖИТЬ ХОРОШО?

А разница-то велика! О сходстве нет и речи, хоть те же руки, те бока...

Е. ВИНУКОВ.

Во время встречи журналистов нашей редакции с личным составом московской специальной моторизованной воинской части, когда речь зашла о правовой и социальной защищенности военнослужащих, один из офицеров с горечью посетовал на то, что российские законы, отстаивающие интересы людей в военной форме, интерпретируются местными властями как Бог на душу положит: одни, что весьма радует, принимают их к исполнению, другие же — попросту к сведению. И предложил для сравнения побывать в подразделениях части, дислоцирующихся не где-нибудь в глубинке, а в Сергиевом Посаде и Орехове-Зуеве, то есть в непосредственной близости к столице. «Увидите, в сколь различных условиях они проживают», — заверил нас собеседник. Мы решили последовать совету, и наш корреспондент выехал по подсказанным адресам. Итак,

АДРЕС ПЕРВЫЙ, или Обещанного три года ждут

От Москвы до Сергиева Посада около двух часов езды на машине — примерно столько времени добирается к месту службы подполковник Юрий Михалев. Ранним утром мы, предварительно условившись, встретились на Московской кольцевой автомобильной дороге, и штабной уазик со скоростью черепахи покотил нас по запруженной автомобильными загородной трассе.

— Сами знаете, нытиков нигде не уважают, да и не офицерское это дело — жаловаться на трудности, но показать, в каких условиях мы живем, и ответить на интересующие вас вопросы готов, — пообещал Юрий Александрович, когда узнал цель моей командировки.

Отрывочные сведения, собранные мной о подразделении, были дополнены по пути в Сергиев Посад.

Межнациональные конфликты, обострение криминогенной обстановки в стране в конце

“Высшие органы государственной власти... и органы местного самоуправления в пределах своих полномочий: — создают внутренним войскам надлежащие условия для их деятельности, обеспечивают реализацию гарантий правовой и социальной защиты военнослужащих внутренних войск и членов их семей...”

(Из Закона Российской Федерации “О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации”)

80-х годов потребовали от властей принятия крутых мер по обеспечению безопасности граждан. Тогда же и было решено создать дополнительные подразделения и части внутренних войск, предназначенные для борьбы с преступностью. Идея хоть и дорогостоящая, однако заманчивая — ну какое руководство городского или областного масштаба, будь оно сплошь из партocrats или демократов, откажет себе в удовольствии иметь всегда под рукой сотню-другую парней в милицейской или камуфлированной форме, в любое время готовых выступить на службу по охране общественного порядка? А вот о том, сумеют ли обеспечить этим воинским коллективам надлежащие условия для служебной деятельности, реализации правовой и социальной защищенности военнослужащих и членов их семей, подумали не все.

Приказ для людей военных — дело святое. Поэтому к формированию новых подразделений приступили незамедлительно. 9 января 1990 года Михалев после непродолжительной переподготовки был назначен командиром подразделения. Юрий Александрович службу любил и, получив самостоятельную должность, поспешил в г. Подольск. Его интересовало, в какой стадии находится строительство сборно-щитовой казармы, зданий под штаб и столовую, а также других помещений, необходимых для военного городка, который согласно решению Мособлсовета должен был быть сдан под ключ к концу 1990 года. Но, как оказалось, он явно поторопился. Ни о каком “под ключ” к концу года не могло быть и речи — строительство велось ни шатко ни валко. Стройматериалов хронически не хватало — то ли их действительно не поставляли, то ли они бесследно исчезали где-то на подступах к объекту... В общем, как ни старался Михалев ускорить постройку военного городка (приходилось самому доставать доски, гвозди, рубероид, пророщенных в помощь рабочим выделывать), все его усилия оказались тщетными. “Какой наивный офицер попался, — потешались строители, — долгострой, он многим на руку...”

А подразделение к тому времени было частично укомплектовано людьми, и они могли бы без проволочек приступить к несению патрульно-постовой службы. Но где жить? Не в поле же лагерем стоять!

Так в пустопорожних хлопотах прошел год. “Стройке века”, как окрестили ее подчинен-

ные Михалева, не было видно конца. К тому же еще прошел слух, что воинский коллектив за ненадобностью будет расформирован. Не видя перспективы, из подразделения один за другим стали уходить офицеры и прапорщики. И остался Михалев "сам себе и командир, и начальник штаба". Правда, ломать голову над sacramентальным вопросом "Что делать?", ему пришлось недолго. В конце декабря 1991 года был подписан приказ о формировании аналогичного подразделения в г. Загорске (ныне Сергиев Посад). А поскольку так называемый подольский вариант еще не был упразднен и "без определенного места жительства", висел в воздухе, то и решили это подразделение передислоцировать в Загорск. Срочно принялись укомплектовывать его личным составом и подыскивать в городе или районе помещения, более или менее пригодные под казармы. Зачем спешили, сегодня сказать трудно. Говорят, торопил передислокацию влиятельный член Верховного Совета, народный депутат России (естественно, уже бывший), обещавший загорчанам укрепить общественный порядок в городе.

Как бы там ни было, но в апреле 1992 года подчиненные Михалева приступили к выполнению служебных задач в Загорске. Военнослужащих срочной службы разместили в казармах армейской части, попавшей под сокращение. Наследство — врагу не пожелаешь: горы мусора, грязь и запустение. Вспору не на маршруты патрулирования выходить, а день-деньской восстанавливать работами заниматься. Обнадеживало одно: крыша над головой уже есть...

Узик остановился у ветхого одноэтажного здания — штаба. Накрапывал дождь. На большом асфальтированном пятачке под открытым небом сиротливо мокли несколько автомашин. У полевой кухни, засучив рукава, хлопотали два солдата. Где-то неподалеку кудахтали куры. Под командой прапорщика в сторону расположенной напротив штаба казармы промаршировала группа военнослужащих...

— Вот мы и прибыли, — командир невесело повел рукой, словно пытался смахнуть с лобового стекла капельки дождя. — Хозяйство у нас небольшое, впрочем, сами увидите.

Вместе с майором Александром Ширякиным в какие-нибудь полчасика обошли всю территорию военного городка. Казармы давно выслужили свой срок. Рассыпавшийся фундамент, насквозь прогнившие стены, на ладан дышащие полы и подозрительно набухший потолок говорили сами за себя. Не удивительно, что температура в спальных помещениях прошлой зимой опускалась порой до восьми градусов тепла. По некоторым признакам можно было установить, что солдаты все это пытались как-то подремонтировать, но их старания — сизифов труд. Наверное, проще и значительно дешевле отстроить все заново.

— Новую типовую казарму нам обещали, — словно подслушав мои мысли, прервал затнувшееся молчание майор Ширякин. — Но еле-еле цокольный этаж возвели, как, говорят, деньги кончились.

Да, на месте, где в соответствии с решением исполкома Московского областного Совета народных депутатов должна была быть построена казарма, стены возвышаются над землей не более чем на метр. Рабочие ретировались так быстро, что забыли собрать даже собственный инструмент.

Военным много еще чего обещали. Отремонтировать ограждение городка — в бетонном заборе так и недостает нескольких плит. Оборудовать закрытую стоянку для транспорта. Выделить вагончик для временного размещения КТП. Построить здание штаба, КПП, баню. Обеспечить офицеров и прапор-

щиков жильем — но к ноябрю 1993 года городские власти не выделили ни одной квартиры, хотя задолженность составляла 10 квартир за 1992 год и 250 кв. м жилой площади в 1993-м. Зато на патрульно-постовую службу 70 процентов от общей численности личного состава дай, и никого не волнует, что на одного офицера и прапорщика приходится немногим более трех солдат, да и те лопат из рук не выпускают.

А тут еще как снег на голову нагрянули с проверкой из управления Московского округа внутренних войск. Михалев до сих пор без содрогания не может вспомнить итоговую стрельбу, когда солдаты, по полгода и более не имеющие табельного оружия, выходили на рубеж открытия огня с чужими автоматами... Командир, ссылаясь на строгий приказ, доказывал, что этого делать нельзя. Но тщетно. Как в том анекдоте: "Люминь есть люминь". Хорошо, что все обошлось, вот только седых волос у подполковника прибавилось. Да кто их теперь считает?!

Инспектировали дотошно и выставили соответствующую оценку. Не сносить бы командиру головы, да выручило письмо, даже не письмо, а скорее, крик души, отправленное им за несколько недель до проверки по трем адресам: командующему Московским округом внутренних войск, начальнику ГУВД Мособлсполкома и главе администрации Московской области. В нем подполковник Михалев без обиняков изложил не зависящие от него причины бедственного положения вверенного ему подразделения. В частности, в письме указывалось, что из-за отсутствия цельного ограждения военного городка и помещений для хранения оружия нет возможности поддерживать на должном уровне боевую готовность и в полном объеме проводить с личным составом занятия по боевой подготовке.

В итоге подразделение попинали, посклонили и оставили на какой-то срок в покое. А жизнь тем временем продолжалась. Семьи офицеров и прапорщиков удалось устроить в общежитие при ГПТУ, выделив "по бартеру" войсковой наряд для охраны учебных корпусов училища (иначе бы их туда просто не поселили). С горем пополам привели в порядок солдатскую столовую, но холодильник так и не сумели достать. Летом несколько раз приходилось накладывать запрет на использование мясopодуkтов. В прикухонном хозяйстве завели сотню кур — какая-никакая, а прибавка к солдатскому столу. Выпростили у соседей — армейцев — телефон, включенный в городскую линию, а то ведь, смешно сказать, сидели без телефонной связи.

Хозяйственные хлопоты тяжким бременем легли на плечи Михалева. Назначенный ему в заместители по тылу офицер на деле оказался слабым помощником (а ведь знали же в кадрах, кого и куда направляют!). Зато преуспевал в решении личных вопросов. Службу на новом месте начал с приобретения и обустройства персонального гаража. Такую бы расторопность да при выполнении своих функциональных обязанностей!

К концу рабочего дня, когда Юрий Александрович освободился от неотложных дел, я поинтересовался у него результатами служебной деятельности.

— Патрульно-постовую службу мы несем практически каждый день, — ответил Михалев. — За полгода задержано за правонарушения и преступления около трех тысяч граждан. Изъято четыре единицы огнестрельного и холодного оружия. Предотвращен один пожар. Но эти, в общем-то неплохие, показатели не предел наших возможностей. К сожалению, из-за бытовой неустroенности офицерам немало времени приходится тратить на решение проблем, напря-

мому не связанных с выполнением основных задач...

Что понимал он под решением проблем, не связанных со службой, мне не нужно было уже объяснять. Другое дело власть имущие: знают ли они, в каких условиях живут люди, охраняющие покой горожан?

Председатель Сергиевопосадского горсовета Н. С. Демин заверил, что не только знает, в каком бедственном положении находится подразделение, но и гарантирует свое содействие в обеспечении жильем семей офицеров и прапорщиков. "Три-четыре квартиры, думается, к концу года мы сумеем выделить для военнослужащих", — пообещал Николай Семенович. На реплику Михалева о том, что должные-то гораздо больше, Демин деликатно промолчал. Зато на мой вопрос, а нужно ли вообще городу это подразделение, если местные власти не дают ему и десятой доли того, что положено по закону, ответил без заминки: "Да, нужно, очень нужно!". И, выдержав солидную паузу, туманно изрек: "Что касается долгов, то... все в наших руках".

Спасибо хоть на этом. А городу без дополнительных сил по борьбе с преступностью действительно не обойтись. Заместитель начальника службы общественной безопасности — начальник отдела общественного порядка УВД Сергиева Посада старший лейтенант милиции Виктор Самуляк нарисовал неутешительную картину. Уличная преступность в первом полугодии 1993 года возросла на 70 процентов. Многие городские улицы в вечернее время прикрыты просто нечем — хронически не хватает сотрудников милиции. "Хорошо, что есть ваши солдаты. Они нам здорово помогают — много в их адрес сказать не могу", — таково было мнение старшего лейтенанта милиции.

Однако В. Самуляк самокритично признал, что УВД недостаточно внимания уделяет войсковому подразделению, приданному ему же в помощь. Понятно, что само по себе милицейское руководство не в состоянии решить насущные проблемы военнослужащих, но хотя бы морально поддержать-то можно. Второй год бок о бок несут службу наши войсковые наряды с сотрудниками местных органов внутренних дел, но ни один солдат так и не был УВД города поощрен. А ведь есть за что!

Так бы на мрачных тонах и закончил рассказ, если бы не поведал мне подполковник Михалева об открывшейся для них (тыфу, тыфу, чтоб не сгласить) перспективе получить в аренду у Министерства обороны пустующий военный городок бывшей военно-строительной части. Мы бывали в нем. Признаюсь, увиденное впечатляет. Прекрасная трехэтажная казарма, клуб, какого не встретишь и в ином райцентре, уютная столовая, боксы для автотранспорта, спортивный городок и настоящее футбольное поле, действующий магазин Военторга, масса складских помещений и строения для прикухонного хозяйства. Есть даже пруд! Вот только передадут ли все это нашим? Дай Бог! Не зря же они столько лет ждут.

АДРЕС ВТОРОЙ, или Не прошло и полгода

В Орехово-Зуево прибыл на электричке — расстояние примерно такое же, что и до Сергиева Посада. У здания железнодорожного вокзала меня встретил заместитель командира подразделения по работе с личным составом майор Валерий Абакумов.

— Командир, подполковник Попов, находится в отпуске, но он обещал навестить нас

во второй половине дня. Я исполняю его обязанности. Прощу в машину...

Едем по городу. Чем-то он напоминает Сергиев Посад: улицы, дома, прохожие... Магазины, "комки", бойкая торговля лоточников... Милиции, кроме редких сотрудников ГАИ, не видно. Автоматически задаю наивный вопрос: "А как у вас с преступностью?", Абакумов реагирует мгновенно: "Как и везде. С преступностью — плохо, без нее — просто замечательно". Оба смеемся.

Чувствую, настроение у майора хорошее. Хотя я и не проверяющий, но обычно с незнакомыми людьми, да к тому же еще журналистами, в войсках держатся настороженно — мало ли чего потом наш брат напишет.

Въезжаем на территорию военного городка. С первых шагов, простите за банальность, поражает образцовый порядок буквально во всем. Я далеко от иллюзий — не в одном подразделении побывал, но и не часто встречал подобное. По большому счету, меня здесь не ожидали, а значит, о показухе не могло быть и речи. Такова повседневная жизнь. Просторные, светлые, с кроватями в один ярус спальные помещения. Учебные классы, библиотека, комната отдыха и психологической разгрузки с большим бильярдом, на котором в личное время играют не только офицеры и прапорщики, но и солдаты. Везде чистота, уют, комфорт. В казармах и во дворе ни одного празднично украшенного. Нет и ставших уже привычными в каждой части "хозрабочих". Идут занятия, и распорядок дня строго соблюдается.

— Когда прибыли в Орехово-Зуево, — рассказывает майор В. Абакумов, — местные власти и жители города отнеслись к нам с радушием. И право, каких-то серьезных проблем при обустройстве личного состава, в том числе и с жильем для наших офицеров и прапорщиков, не возникло. Что положено по закону, дали без волокиты. За четыре года нам выделено 46 квартир, имеем садово-огородные участки, по десять соток каждый, и всего в трех километрах от города. В подсобном хозяйстве, расположенном на территории одного из крупных заводов, содержится более двух десятков свиней. При увольнении военнослужащих в запас местная администрация организует торжественные проводы на центральной площади Орехова-Зуева. Солдат благодарят за службу, вручают на память по нашим временам действительно ценные подарки: изделия из хрусталя и чайные сервизы. Не отказывают в помощи и руководители предприятий, город-то в основном промышленный...

Слушал я Абакумова, и как-то даже не верилось, что такое и впрямь возможно. Знать, понимаю в Орехово-Зуево, что по-отечески доброе отношение к людям, охраняющим общественный порядок в городе, окупится сторицей. Только за последние месяцы войсковыми нарядами задержано за административные нарушения и преступления более трех тысяч человек. Изъято 6 единиц огнестрельного и 2 — холодного оружия, две осколочные гранаты Ф-1. Подчиненные Полова прошли испытания в горячих точках: Кишинев, Баку, Степанакерт, Назрань... Видел я их и в дни трагических октябрьских событий в Москве. Они охраняли здание телецентра в Останкине.

Во второй половине дня в кабинете В. Абакумова меня разыскал подполковник Владимир Попов. Правда, поговорить с ним сразу не удалось — то и дело заходили офицеры. Интересовались, как проходит отпуск, спрашивали о рыбалке, грибной охоте... Он в свою очередь задавал вопросы о делах, что-то советовал, подсказывал, шутил. Находясь в роли стороннего наблюдателя, я сделал вывод: Владимира Ивановича люди уважают и ценят за деловитость, простоту в

общении, компетентность и энергичность. Субординация, естественно, соблюдалась во всем, но при этом никакой натяжки в отношениях между командиром и подчиненными не заметил. Удивляться, думаю, нечему. Когда люди имеют все, что положено им по закону, то и чувствуют себя людьми. Тогда и Горького не грех вспомнить с его: человек — это звучит гордо!

Поинтересовался у Попова, неужто у них и в самом деле не существует проблем во взаимоотношениях с местными властями?

— Городские власти делают все, что положено по закону. Поэтому, если брать во внимание социально-бытовые аспекты, то, поверьте, мы не нуждаемся ни в чем. Для нас отстроен новый военный городок, который намного лучше нынешнего, скоро новоселье. Квартиры выделяются по мере необходимости. Стоит к нам перевести для дальнейшего прохождения службы офицера или прапорщика, как жилищная служба они обеспечиваются в ближайшие месяцы, а то и недели. Нет проблем с трудоустройством жен, с местами в детских дошкольных учреждениях. Во всем этом нам безотказно помогают глава администрации города Владимир Леонидович Гавриленко и его заместитель по жилищным вопросам Павел Степанович Соловьев. Спасибо им большое.

Вот почему отсюда даже прослужившие всего ничего лейтенанты (кстати, холостяки), не говоря уже об офицерах семейных, зачастую отказываются от вышестоящих должностей, предлагаемых им в других регионах страны, в том числе и в самой Москве. Бытие и в наше смутное время по-прежнему определяет сознание.

Конечно, проблемы в орехово-зюевском подразделении есть. Некомплект призывного личного состава (офицеры и прапорщики от Попова, к счастью, не бегут), не отвечает современным требованиям материально-техническое обеспечение, скудное финансирование, неадекватное служебной нагрузке денежное содержание... Здесь уж ни командир, ни местные власти ничего поделаться не могут.

Тем не менее уезжал из Орехова-Зуева с легким сердцем. Даже божж, распластавшийся на лавке в запертом и битком набитом людьми вагоне пригородной электрички, вызывающий противоречивые чувства жалости и отвращения, не смог испортить настроения. Радовало, что есть у нас в Подмоскowie такой воинский коллектив.

Подполковник А. СИМОНОВ.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Проблемы, поднятые в материале «Когда на Руси служить хорошо?», характерны не только для этих двух подмосковных подразделений, но и для многих российских специальных моторизованных воинских частей. Принятый в 1992 году Закон «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации», четко определяет полномочия высших органов государственной власти и управления республик в составе Российской Федерации, органов государственной власти и управления краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и органов местного самоуправления в вопросах соблюдения социальных и правовых гарантий военнослужащих войск. Но из-за отсутствия жесткого механизма введения в действие этого закона местные власти не всегда с должной ответственностью относятся к нуждам и запросам людей, главная обязанность которых — обеспечение общественного

порядка и борьба с уличной преступностью. В одних случаях, как это показано на примере Орехова-Зуева, городские власти делают все для того, чтобы дислоцирующиеся на их территории СМВЧ были обеспечены военными городками, жильем для семей офицеров и прапорщиков, земельными участками и т.д., оказывают помощь в комплектовании подразделений призывниками. То есть понимают, что средства, пусть немалые, вложенные в специальную моторизованную воинскую часть на начальном периоде ее становления, окупятся стократно. Ведь, скажем, батальон или рота — это мобильное, высокоорганизованное, прекрасно вооруженное и хорошо технически оснащенное подразделение, способное в кратчайшие сроки приступить к выполнению поставленных задач, естественно, в рамках своих прав и обязанностей.

И совершенно иная сторона медали, когда местные власти видят в наших солдатах и офицерах лишь послушных исполнителей, которые, по их мнению, должны день и ночь нести службу, обеспечивать безопасность горожан и т.д., ничего не получают взамен. В результате проигрывают все, кроме преступников. Это достаточно хорошо показано на примере сергиевского подразделения, хотя есть у нас воинские коллективы, находящиеся в еще более бедственном положении.

Страна переживает трудное время, и без войск правопорядка ей не обойтись. Не случайно из многих регионов России, особенно из Сибири, обращаются в МВД России с просьбой увеличить численность личного состава в имеющихся у них специальных моторизованных воинских частях и подразделениях, а также создать новые воинские формирования в городах со сложной криминогенной обстановкой. В Указе Президента Российской Федерации «О дополнительных мерах по укреплению правопорядка в Российской Федерации», говорится об активном использовании СМВЧ, соединений и частей оперативного назначения внутренних войск в борьбе с преступностью. Это еще раз подчеркивает: государству выгодно иметь специальные моторизованные воинские части из-за их высокой эффективности при сравнительно малых экономических затратах.

ГУКВВ МВД Российской Федерации, управления округов внутренних войск России принимают дополнительные меры по обеспечению СМВЧ всем необходимым для качественного выполнения служебных задач. В условиях обострения криминогенной обстановки меняется и тактика действий воинских частей. Их применение стало носить более целенаправленный и массированный характер, особенно там, где уголовный беспредел и рост уличной преступности достигли небывалых размеров.

Надеемся, что в 1994 году органы государственной власти помогут СМВЧ решить проблему комплектования личным составом и мы сумеем выполнить просьбу регионов о создании новых воинских частей и подразделений, разумеется, при реализации законных гарантий правовой и социальной защиты наших военнослужащих.

Отдел организации службы специальных моторизованных воинских частей оперативного управления штаба ГУКВВ МВД России.

Есть такое мнение

ВОСПИТАНИЕ... КУЛАКОМ

- «Не можешь – научим! Не хочешь – добавим!»
- Порядок любой ценой?
- Доморощенный – не значит плохой.

ТИК-ТАК, ТИК-ТАК – часы, сутки, месяцы, годы, десятилетия – время быстротечно, бесстрастно и непостижимо. Его нельзя остановить или ускорить, оно независимо и в повседневной армейской жизни. Одни люди уходят, на смену им приходят другие, а традиции в коллективе редко меняются. Живучи они и незыблемы, эти традиции, как хорошие, так и, к сожалению, плохие...

... Многие офицеры, глядя на мнимое благополучие солдатского общежития, слушая бравые, а по сути, дежурные доклады замкомвзводов о том, что «в Багдаде все спокойно», и за время их, взводных и ротных, отсутствия «происшествий не случилось», далеко не всегда задумываются над истинной картиной: что же за этим дежурным спокойствием? Да и зачем – спокойно ведь? Впрочем, и сержант не все тонкости своей «педагогической», деятельности объясняет командиру. Опять же ни к чему. Только себя подставивши и людей подведешь под монастырь, то бишь гауптвахту. Потому-то любое чистосердечное признание младшего командира порой буквально ошарашивает, шокирует, словно гром среди ясного неба. Вроде вот этой откровенной объяснительной записки, которая, собственно, и побудила меня взяться за эти заметки: «Я признаюсь, что при воспитании личного состава превышал свои служебные полномочия. Но ведь если бы я этого не делал, то был бы вообще бардак. А так дисциплина хоть и слабая, но поддерживается». Вот она, неприглядная правда, излагаемая новоиспеченным Макаренко. Улавливаете мотивы: при воспитании превышал полномочия. Ради дела, значит, старался, во благо коллективу. Воистину глаголят (прошу прощения за не совсем корректное присловье): «Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет... Ну что поделаешь, коль нет в нем этого Бога и не лежит душа ко всему тому священнодействию, именуемому по-казенному воспитанием личного состава. Да и не дурак он вовсе, но расшибает лоб в прямом и переносном смысле слова. И, к сожалению, не только своей. И не столько. Своей-то как раз можно и поберечь, другое дело – лбы подчиненных.

Хотя действия сержанта Шпота и подпадали под разряд неуставных, в отношении него гуманный закон вполне позволил ограничиться мерами дисциплинарного воздействия. Суть: на лице у рядового Решетникова обнаружили (слово-то какое, будто случайно на-

ткнулись) следы от ударов, пользуясь медицинским термином, – гематомы. При более тщательном осмотре такие же синяки были обнаружены и на теле Решетникова. Дальше – больше. Явные следы сержантского «воспитания», проявились на физиономиях и прочих местах еще некоторых бойцов последнего призыва. Факт очевидный: Шпота в качестве действенного аргумента в общении с подчиненными использовал кулаки. Не скуки и развлечения ради, нет, и не по глупости, а лишь для того, чтобы доходчивее объяснить солдату, что от него требуется.

К сожалению, в выборе силы как основного метода воспитания Шпота не одинок. Каждое пятое правонарушение в части младший командир совершает, движимый исключительно благими намерениями: укрепить дисциплину и воинский порядок (помните, чем вымощена дорога в ад?). Резонный вопрос: почему некоторые сержанты, наделенные определенной властью, имеющие возможность требовать с подчиненных в объеме своих прав и обязанностей, нередко становятся обыкновенными держимордами? Что это – закономерность или феномен?

НАЧНЕМ ПЛЯСАТЬ от печки – от обязанностей командира отделения и заместителя командира взвода, самых массовых должностей. Человек военный прекрасно знает, что каждый из них «в мирное и военное время отвечает... за обучение, воспитание и воинскую дисциплину». А командир отделения, кроме того, еще и за «морально-психологическое состояние подчиненных» (цитирую ныне действующий, пусть временный, но устав!). Вот так: наравне с заместителем командира роты по работе с личным составом. Чувствуете уровень?!

Ну что ж, давайте в таком случае спросим с сержанта за все, что ему подвластно и подответственно. Например, за воспитание. «А что, и спросим! – рубанет лихо шашкой иной последователь легендарного Чапая. – Пусть отвечает по уставу!». Вот, может быть, и сержант Шпота подумал так же: а вдруг спросят, что тогда? Чем крыть (мат, извините, не в счет)? Да и чувство ответственности кое-какое имеется. За дисциплину ведь радеет, за воинский порядок; и не ради корысти и высоких чинов старается. И в старых армейских традициях отвечает «Есть!», с ходу рьяно приступил к воспитанию. Но что

для этого у него было за душой? Жизненный опыт, специальное образование или, может, нимб праведника как производное авторитета в коллективе? Увы, ничего этого у него нет. Только вчера их вместе призвали, подстригли под ноль и переодели в военную форму, а сегодня уже один из них в полной мере отвечает за воспитание других.

Предвижу, скептически хмыкнут некоторые читатели: "Передергиваешь, брат. Не вчера-сегодня и не с бухты-баракхты, а почти полгода готовят младших командиров в учебных частях...". Согласен, сержантов готовят действительно треть их службы, но вот парадокс — приходят в действующую армию они, как правило, практически неподготовленными к воспитанию подчиненных. "Абсолютные нули, — несколько резковато отозвался о них командир роты офицер Виталий Семенов. — Как солдаты обучены неплохо, но и только. У меня таких, почитай, процентов девяносто, если не больше.."

Спрашиваю младшего сержанта Алексея Зеленова, недавно прибывшего в подразделение: "Вас хоть кто-то учил воспитывать подчиненных?", "Было несколько лекций, да я ничего не запомнил..", — честно отвечает тот. "Ну вы хоть в малой степени, в общих чертах представляете, как это делается?", — напиралю. Зеленов, не смущаясь, режет правдую матку: "Не имею ни малейшего представления. Жизнь научит.."

И научила. Месяца через полтора после этого разговора попались мне на глаза первые плоды этого "просвещения", — материал служебного расследования и предписание командиру части о возбуждении уголовного дела. Пробежав текст по диагонали, невольно зацепился за знакомую фамилию: Зеленов. Неужто, думаю, воспользовался кулачным аргументом за неимением других? Напротив, оказалось, самому досталось. За что?

Старший сержант Костенок, заместитель командира взвода, считает, что за дело, и дрожащим голосом сквозь слезы поясняет: "Я уже устал за него работать. Ничего не умеет и не хочет научиться. Даже простой команды подать не в состоянии. Ни построить людей, ни проверить, не говоря уже об организации выполнения какой-либо задачи. Даже самой пустяковой. Что он в отделе — что его нет... Лучше бы не было. Есть во взводе и еще один такой же, его призываю, — Сергей Моисеев. Два сапога пара.."

Признаюсь, не поверил, подумал: перегибает палку, оправдывается, пытается сгладить свою вину. Что ж там, во взводе, один Костенок работает? "Может, с ним никто не занимался? — интересуюсь. — Сержанты-то молодые, доподготовки требуют!", "Как? Подскажите, — недоумевает старший сержант. — Учить их как прикажете? Личным примером? Пожалуйста, вот он я — на виду. Советами, рекомендациями, наставлениями? Пустое: в одно ухо влетает — в другое вылетает. Уж на что пошел! Решил, коли не могут даже организовать как следует уборку в помещении — пусть дряят палубу сами. И драили. А толку?.."

Согласен, не лучший метод: искривление и дисциплинарной практики, и самого понятия "воспитание..". Разбираюсь дальше: во время занятий Костенок проверял экипировку личного состава. Вещишки не укомплектованы, котелков и фляг у большинства солдат, в том числе и у самого Зеленова, нет (хотя и того и другого в части в достатке). Костенок проявил лояльность — дал время устранить недостатки. Потом проверил — та

же картина, будто и не было предыдущего разговора: "Как же, дожدهшься от него такой прыти...". Вот и пошли в ход кулаки после небольшой перепалки. А что в итоге? Совершенно верно, сержанты обменялись расписками в собственном бессилии.

Вы только вдумайтесь в исповедь Шпота, который с высоты полуторалетнего опыта службы вещает: "Я, заместитель командира взвода, убежден, что в армии действуют только два правила для воспитания личного состава. Это правило кнута и правило пряника. Может, раньше и было что-то другое — например, комсомольское собрание, сейчас же самым действенным считается способ кнута.."

Своеобразная философия (а поклонников этого философского течения — хоть пруд пруди). И ведь не в запальчивости изложил свои мысли Шпота, а обнажил — самое страшное — свою жизненную позицию. Наверное, не прав я был, утверждая, что нет у него жизненного опыта. Смотри что под ним понимать. Возраст? Тогда может быть. Ну а если учесть богатую практику взаимоотношений со сверстниками: в школе, ПТУ, на улице? Хочешь властвовать — подавляй сопротивление, применяй силу, держи в страхе. Как самоутвердиться в коллективе? А кулаки на что? Вот и вся педагогика с психологией.

МОЖНО СКРУПУЛЕЗНО и систематически подсчитывать палочки: сколько сержантов применили неуставные методы воздействия на подчиненных, сколько — совершили преступления. После подводить неутешительные итоги, чертить таблицы и красочные диаграммы — сизифов труд. Многие сержанты, не способные в силу личных качеств к воспитательной работе или не наученные ее азам, будут продолжать свое триумфальное псевдопедагогическое шествие из части в часть, из казармы в казарму..

Скажу больше: сама обстановка как вне войск, так и в их рядах благоприятствует этому. Инфантильные или напористые мальчишки, сменив потрешанные джинсы и адидасовские кроссовки на военную форму, не всегда с полной ясностью отдают себе отчет в том, в какой роли предстали они ныне в государственной системе. Теряются в незнакомой системе координат. Прежде святыне понятия, такие как "долг..", "совесть..", "честь..", зачастую размыты у них стихией зарождающегося рынка, вкус которого многие уже ощутили. Кто побольше ухватил, кто поменьше, но формулу "деньги — товар — деньги, в принципе, усвоили все. И рассматривая себя в конкретных условиях в качестве "товара..", с ухмылкой взирают на денежное содержание: за такие гроши вкалывать? А процесс воспитания сводится к примитивной системе запретов, дабы худо-бедно удержать молодого человека в рамках, позволяющих пусть со скидкой, но судить о нем как о солдате. Даже Шпота с возмущением замечает: "Сейчас на человека можно повлиять, только пригрозив гауптвахтой или судом. Служить не хотят, к исполнению обязанностей относятся халатно. А ведь за каждый проступок на губу не посадишь".

Наиболее "инициативные..", сержанты находят выход самостоятельно. Путем не столько проб, сколько ошибок. Причем каждый — свой, в зависимости от шкалы личных ценностей ориентиров, а проще говоря — методом ненаучного "втыка..". Заместитель командира взвода сержант Ануфриев, например, приглашает салага в сушилку, вы-

ставляет одного на "шубу", чтобы офицеры и прапорщики не мешали, и выдает очередному визитеру столько, сколько тот заслужил в течение дня. Заметьте — соблюдая социальную справедливость: не всем поровну, а в зависимости от вклада в повышение боеготовности взвода. Кого-то просто по-отечески журит, предупреждая о возможных последствиях за уклонения от требований воинской присяги. Кого-то заставляет отжиматься в упоре лежа (полагая, что попутно с воспитанием совершенствует и его физическую подготовку). Ну а тот, кто, не ровен час, надумает показать зубки, может запросто потом некоторых из них недосчитаться. Было дело, рядовой Тазалов отказался отжиматься от пола определенное количество раз. "Ничего, чуть позже мы с тобой разберемся", — пообещал Ануфриев. Что такое "разборка", Тазалов знал хорошо и потому ничего лучшего не придумал, как самовольно оставить часть. Не бежать же докладывать офицерам о процветающей в "низах", дисциплинарной практике — еще и стукачом прослыть (а значит, чаще и больше будешь получать кулачных уроков воспитания). Ох уж эти негласные, но всем известные солдафонские традиции...

Уж и не знаю, беда это наша или вина, что, не изучив как следует людей (когда?), а только пощупав их мышцы и испросив желание, отправляем в учебное подразделение. Надеемся (а скорее все-таки — обманываем себя), что там, мол, всему научат. А в учебке своих хлопот полон рот: кроме учебного процесса — ремонт казармы, строительство теплицы, реконструкция спортгородка... И, глядишь, через несколько месяцев очередной сержант Шпота пополняет ряды младших командиров, мобилизованный и нацеленный на воспитание, но абсолютно не понимающий, с какого боку к этому диву дивному подойти.

Мы привыкли считать, что "воинская служба основывается на осознании каждым военнослужащим воинского долга...". Но понятие это, как мы говорили, у большинства сейчас размыто (вспомните печальную статистику "беглецов", от призыва). А что же взамен? Да, наверное, то, что фундаментом крепкой воинской дисциплины может быть лишь добровольное, искреннее желание проходить военную службу. А вот уже она, добровольность, в свою очередь, и является фундаментом высокой сознательности. Только такая цепочка. Человек, который сам, по своему взвешенному и продуманному решению наденет военную форму, готов к выполнению воинского долга.

Я ДАЛЕКО НЕ ОДИНОК в своих воззрениях.

Но все чаще и чаще раздаются голоса в пользу того, чтобы укомплектовать контрактниками пока только сержантские должности. Некоторые из этих реформаторов наивно предлагают лишь в денежном содержании существенно "оторвать", их от солдат, но непременно "прописать", в казарме вместе с подчиненными. Не думаю, однако, чтобы один лишь этот фактор решил проблему. Людям, к примеру, влору семьями обзаводиться, а некоторые уже преуспели в этом. Как будет сочетаться, скажем, семейное и постоянное казарменное положение? И это только один вопрос...

Многие из сегодняшних выпускников учебки, как это ни прискорбно, слабы в теории и, оторванные от жизни войск, дилетанты в

практике. Плюс к тому они, как и все новички в подразделении, преодолевают немалые психологические трудности "вживания". Иные же испытывают настолько сильное моральное (хорошо, если только моральное) давление со стороны старослужащих, что даже к концу службы так и не становятся настоящими сержантами. И не потому, что "старика", унижают их, издеваются над ними или игнорируют их требования, нет. Просто по своему характеру и укоровившейся молодежной (не назову ее чисто армейской) традиции уверены, что они не могут и рта раскрыть против "дедов", тем более поставить задачу и потребовать ее выполнения: комплексуют.

А другие — вроде Шпота, Ануфриева, Костенка — становятся эдакими "дедами", с командирскими полномочиями. То есть формально они, конечно, сержанты, но фактически руководят подчиненными как зарвавшиеся "деды".

Как же быть? Не целесообразнее ли разрешить готовить сержантов у себя в частях. Один из офицеров, разделяющий такое мнение, сказал: "К нам прибывают сержанты и зачастую насаждают даже в благополучных ротах такие дикие неуставные формы взаимоотношений, о существовании которых мы, прослужившие немало, раньше и не подозревали. Экспортеры неуставщины, да и только...". Вспомним, ведь раньше подразделения по подготовке младших командиров были в частях. Они так и назывались: "полковая сержантская школа". В спецкомандирровке в Северную Осетию в части сложилась такая ситуация: большинство сержантов были уволены в запас, многие отделения остались без командиров. И что ж, вакансии заполнили военнослужащими, добросовестными и авторитетными среди бойцов (последнее — как аванс авторитету должности). Большинство из новоиспеченных младших командиров с обязанностями справлялись неплохо и поэтому нередко интересовались, узаконят ли их положение после командирочки. Увы, дома, в подразделениях, их ждали "профессиональные" сержанты, молодые выпускники, которые робко стали в строй и принялись... всему учиться заново. Попытались было ротные поднажать на руководство, мол, зачем нам такие помощники, разрешите оставить своих, боем крещенных, жарким делом проверенных? Не тут-то было. Им посочувствовали и посоветовали: "Ничего-ничего, лиха беда начало. Обучайте, воспитывайте...". Отдать приказом младшего командира, конечно, можно, но станет ли он командиром практически, будет ли лидером — это еще бабушка надвое сказала. Вот и руководят теперь боевыми, опытными и зрелыми ребятами их зеленые, неумелые и подчас бесталанные сослуживцы с сержантскими нашивками. Вместо того, чтобы изначально определить в роте толковым солдатам реальную перспективу стать командирами отделений, работать с ними, доверять решение практических вопросов (от простого к сложному), а в полковом звене — готовить теоретически. Глядишь, через те же полгода они сто очков вперед дадут выпускникам учебки. Куда как проще и лучше сделать профессионала из добросовестного и честного парня в роте, чем, набивая шишки, пытаться (нередко тщетно) нащупать командирскую жилку у прибывшего "пэтэушника", с большими "воспитательными", кулаками.

Майор И. МУЧАК.

У ИСТОКОВ ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ РОССИИ

Текст архивной справки, пришедшей по почте в ответ на запрос в один из федеральных архивов о создателе внутренней стражи России и первом ее командующем генерал-адъютанте Е. Ф. Комаровском, был неутешительным: «В материалах фонда „Отдельного корпуса внутренней стражи“ формулярного списка на Комаровского Евграфа Федотовича (1769–1843 гг.) не выявлено... Просмотрены описи фонда Приказного стола канцелярии Военной коллегии за указанные годы, где тоже не обнаружен запрашиваемый материал».

Пришлось идти другим путем: в библиотеках и архивах отыскивать разрозненные и отрывочные сведения о первом командире Отдельного корпуса внутренней стражи. Так постепенно вырисовывался портрет человека удивительной судьбы, малоизвестного ныне русского военачальника «дней Александровых прекрасного начала».

ПУТЬ из Санкт-Петербурга до Каменец-Подольска в первой половине прошлого столетия был неблизким и утомительным, длился он порой неделями. То погода скверная, то лошади в разгоне... Но этому необычному путнику повозка подавалась без промедления. Станционные смотрители с почтением и страхом склонялись в благоговейном поклоне перед стройным, подтянутым генералом с аксельбантами императорского адъютанта. В его подорожной значилось: генерал-адъютант Евграф Федотович Комаровский — помощник Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора по полицейской части...

Е. Ф. Комаровский

Путь генерала Комаровского лежал на Украину. Всего лишь год назад покинул он Каменец-Подольскую крепость, где благополучно комендантовал по высочайшему повелению Павла I. Теперь же столичный генерал выехал туда по личному делу: обустроить приобретенное им в Подольской губернии имение.

Но в дороге Комаровский пекся и о делах государственных. «В проезд мой через разные города, — писал впоследствии Евграф Федотович, вспоминая тот давний свой вояж, — я видел гарнизонные роты, составленные из людей, по внешнему виду еще здоровых; сие подало мне мысль представить государю проект о сформировании из сих гарнизонных рот, — в которых люди не исправляли ни малейшей службы, особливо в заштатных городах, — под названием земского в о й с к а, разделив оное на батальоны и команды».

Гарнизонные роты, на которые обратил внимание генерал, представляли собой жалкое зрелище. Состояли они в основном из солдат, непригодных по возрасту к строевой службе в регулярных войсках, выздоравливающих после полученных в батальных серьезных ранений, а также людей, ограниченно годных к военной службе.

Гарнизонные роты, дислоцировавшиеся в губернских городах, находились в

полном распоряжении губернаторов, а уездные штатные команды – городничих, то есть гражданского начальства. Поэтому обучение и служебно-боевая деятельность этих подразделений, мягко говоря, оставляли желать лучшего. А ведь задачи на них возлагались ответственные, кстати, схожие с теми, что выполняют некоторые нынешние части внутренних войск. От гарнизонных и уездных команд наряжались караулы к тюрьмам и острогам, выставлялись часовые в судебные и иные присутственные места, выделялись подразделения для усмирения бунтовщиков, поимки разбойников, беглых преступников, содействия полиции в обеспечении «порядка и благочиния», при проведении массовых мероприятий.

Комаровский, проезжая по городам и весям российской глубинки, к своему неудовольствию, отмечал, что местные начальники в ущерб делу зачастую использовали гарнизонные роты не по назначению. Проницательный взгляд генерала нередко фиксировал и такие картинки: солдаты занимались хозработами, кололи дрова местным чиновникам, возили воду, помогали в ремонте и строительстве домов и даже выгуливали в качестве нянек отпрысков местных высоких начальников.

По возвращении в Санкт-Петербург Комаровский представил Александру I свои соображения по реформированию губернских воинских подразделений. Государю сей проект весьма понравился. Так родился замысел создания специальных войск правопорядка – внутренней стражи. Но его реализация затянулась на несколько лет...

ВЫЗЫВАЕТ ИНТЕРЕС личность человека, подавшего императору столь необычный проект. Биография будущего создателя и первого командира внутренней стражи весьма любопытна. 18 ноября 1769 года* в семье чиновника канцелярии императорского двора Федота Афанасьевича Комаровского родился единственный сын. Трое других детей были девочки. Новорожденного нарекли Евграфом.

Спустя год после рождения сына семью Комаровских постигло несчастье – умерла матушка, Ульяна Ивановна. Вскоре после этого глава семейства вышел в отставку и на бережения, накопленные на государевой службе, приобрел небольшое имение. Однако беззаботное детство Евграфа в родительском поместье продолжалось недолго. Едва мальчику исполнилось семь лет, как ушел из жизни и отец. Детей ожидала сиротская участь. Но, к счастью, об их судьбе позаботились родственники.

* Все даты приводятся по старому стилю.

С огромной благодарностью вспоминая свою родню, Евграф Федотович писал: «После батюшкиной кончины учреждена была опека – из родного дяди моего Ивана Афанасьевича Комаровского, брата мачехи Дмитрия Степановича Рындина и зятя моего А.Н. Астафьева... А.Н. имел обо мне попечение самого нежного отца; он немедленно занялся тем, чтобы отдать меня в лучший тогда в Петербурге пансион».

Одновременно с учебой в престижном пансионе юноша числится сержантом лейб-гвардии Преображенского полка. Получив прекрасное по тем временам образование, Комаровский поступает в кадетскую роту лейб-гвардии Измайловского полка, где с усердием познает и военные науки.

Сообразительный, дисциплинированный и инициативный кадет оказывается на виду у начальства. А вскоре Комаровского «назначают состоять для курьерских посылок, при востребованном царедворце времен Екатерины II канцлере князе А.А. Безбородько. С этого момента у гвардейского сержанта начинается беспокойная и интересная жизнь, полная риска и приключений. Поручения, которые приходилось исполнять Комаровскому, являлись весьма ответственными и почетными, а зачастую и сугубо конфиденциальными. Доверялись ему и курьерские поездки за границу.

Одно из таких поручений едва не положило конец придворной карьере Комаровского. Гвардейский сержант получил задание государственной важности – по случаю заключения между Россией и Францией первого торгового трактата доставить очень дорогие подарки влиятельным вельможам французского двора. Ценный груз состоял из двух ящиков, в которых находились полная коллекция золотых российских медалей, соболий мех, ювелирные украшения.

В пути ночью ящик сбился с дороги. Повозка увязла в грязи так, что лошади не могли сдвинуть ее с места. «Я не знал, что мне делать... – спустя годы вспоминал Евграф Федотович свое отчаянное положение, грозившее ему не только потерей карьеры, но и судом. – Я решился на последнее: вооружив ящика моими двумя пистолетами и саблей, сел верхом на отпряженную лошадь и поехал, сам не зная куда. К счастью, я выбрался на большую дорогу и приехал на станцию. Тотчас была заложена повозка, в которой я поскакал отыскивать (свою. – Авт.) завязшую в грязи».

Проехав несколько верст, Комаровский увидел отходившую влево заброшенную дорогу и приказал вознице свернуть на нее. Тот с ужасом начал креститься и дрожащим голосом про-

бормотал: "Там, барин, не проедешь, там топь ужасная!". Но все закончилось благополучно: груз с дорожными подарками прямо из российского болота был доставлен по назначению — в Париж.

За короткий срок молодой порученец русского канцлера побывал в Вене, Париже, Берлине, Лондоне, где посещал королевские дворцы и блистательные особняки влиятельных вельмож Европы. И все же его воображение поразила роскошь не европейских дворцов, а российских могущественных особ.

Однажды гвардейскому сержанту довелось побывать на празднике, устроенном в честь императрицы Екатерины II графом П. Б. Шереметевым в своем дворце в подмосковном Кускове. Роскошное застолье настолько поразило Комаровского, что о нем он упомянул в своих записках: "... Больше всего меня удивило... плато, которое поставлено было перед императрицей за ужином. Оно представляло на возвышении рог изобилия, все из чистого золота, и на возвышении том был вензель императрицы из доволно крупных бриллиантов".

В августе 1792 года Е. Ф. Комаровский, которому шел уже двадцать третий год, получил первый офицерский чин прапорщика лейб-гвардии Измайловского полка. По существовавшему в те времена при дворе обычаю гвардейцы, произведенные в офицеры, обязаны были лично благодарить государыню за высочайшую милость. Поехал в Царское Село и Комаровский. Позже он вспоминал, что, когда камергер высочайшего двора представил его Екатерине II, он, не справившись с волнением, опустился на одно колено (согласно этикету гвардейским офицерам дозволялось благодарить государыню за милость стоя) и крепко поцеловал руку императрицы.

Новоиспеченному офицеру неожиданно разрешили отобедать за одним столом с Екатериной II. Здесь же присутствовал и командир лейб-гвардии Измайловского полка премьер-майор И. И. Арбенев. Не замечавший ранее обыкновенного сержанта, он вдруг (с иронией рассказывал Комаровский своим сослуживцам о высочайшем приеме) неожиданно предложил молодому офицеру "ездить к нему домой запросто на обед или на ужин".

Вскоре прапорщика Комаровского начинают полковым адъютантом. Служба в гвардии открывает перед ним двери не только дома своего полкового командира, но и дворцов петербургской знати. Он завязывает знакомства с известными в российской истории государственными и военными деятелями. На грамотного и дисциплинированного офицера обратил внимание сам цесаревич Павел Петрович, любитель безупречной строевой выправки воинов и бу-

дущий российский самодержец. А один из его сыновей — великий князь Константин Павлович — стал шефом Измайловского полка. Служить под его началом было чрезвычайно трудно.

Известно высказывание великого князя: "Офицер есть не что иное, как машина; все, что командир приказывает своему подчиненному, должно быть исполнено, хотя бы это была жестокость". Однако гвардейцы любили своего шефа за искренность и отеческую заботу о них. Не случайно одной из причин выхода гвардейских полков на Сенатскую площадь в декабре 1825 года явилось отречение Константина Павловича от престола в пользу своего брата — Николая I.

В 1799 году русские войска под руководством Суворова отправились в "Итальянский поход". Шеф измайловцев изволил лично участвовать в этой кампании в качестве волонтера. Сопровождал его на войну Комаровский, к тому времени уже полковник.

Великий князь Константин и офицеры его свиты принимали самое активное участие в сражениях и боевых операциях. Отряды русских войск под их командованием не раз наносили ощутимые удары противнику. Сам Суворов восторгался мужеством и бесстрашием великого князя и сопровождавших его офицеров. Довелось Комаровскому участвовать в сражениях у Сен-Готарда и Чертова моста, переходить через Альпы.

После возвращения с театра военных действий в Санкт-Петербург на Комаровского словно из рога изобилия посыпались награды и царские милости. Ему были пожалованы орден Св. Иоанна Иерусалимского (Мальтийский крест — одна из высших российских наград в царствование Павла I, избранного, как известно, Великим магистром Мальтийского ордена), орден Св. Маврикия 3-й степени — от короля Сардинии и графское достоинство Священной Римской империи.

Но уже в мае следующего, 1800, года генерала Комаровского неожиданно отправляют подальше от столицы. Его назначают комендантом Каменец-Подольской крепости, куда "непременно выехать был обязан незамедлительно...". Но комендантство Комаровского вдали от столичного светского общества длилось недолго. Новый император — Александр I пожелал видеть графа при дворе и назначил одним из своих генерал-адъютантов.

Как-то новый адъютант в личной беседе с императором поведал об организации охраны порядка в Вене и об уважительном отношении тамошних жителей к полиции и закону. Присутствуя на одном из массовых празднеств в Вене, он отметил, что порядок обеспечивали всего десять полицейских драгун с од-

ним офицером во главе, да **“и тем дела почти никакого не было...”**. А вот когда организовывались аналогичные массовые гулянья под Санкт-Петербургом, то туда “для порядку” посылались весь жандармский дивизион, со всего города полицейские офицеры, солдаты и будочники, и всем много дела находилось».

Александр I, недолго думая, назначил Комаровского помощником Санкт-петербургского военного генерал-губернатора М. И. Кутузова по полицейской части. Да еще включил в состав комиссии по реорганизации полицейской службы, в которую, кроме него, вошли министры юстиции и внутренних дел: знаешь, мол, как организована работа полиции в Европе, вот и у нас сделай так же...

Ознакомившись с положением дел по охране порядка в столице, новый шеф полиции пришел в ужас: постовых на улицах города, так называемых будочников, днем с огнем не сыщешь; розыск преступников не организован; и даже пожарные команды не справлялись с тушением многочисленных пожаров. О своих выводах и предложениях Комаровский доложил государю, закончив доклад словами: **“Мудрено ли, что по улицам делаются грабежи и драки, когда ни брать грабителей, ни разнимать дерущихся некому...”**

Выслушав шефа столичной полиции, Александр I поручил ему составить проект “насчет улучшения полиции”. Комаровский предложил поступить очень просто: со всех хозяев домов “брать по 9-ти рублей в месяц”, на эти средства построить на улицах постовые будки, “посадить в оные будочников”, из солдат и унтеров, “менее способных к фронтовой службе”, платить им жалованье и “провиантские”, из собранных сумм. Но новшество приживалось туго. Комаровскому пришлось потратить много сил и энергии, чтобы система постовой полицейской службы прочно укоренилась в России.

Вскоре сам император обратил внимание на улучшение охраны порядка в столице и изволил публично отблагодарить Комаровского за труды. “Но ты, брат, — заметил при этом Александр I, — не потолстел, видно, полицейские хлебы тебе не впрок...”

В 1811 ГОДУ Александр I вернулся к рассмотрению проекта Комаровского о преобразовании местных воинских подразделений во внутреннюю стражу. 7 июля состоялся “высочайший” приказ о назначении автора проекта инспектором учреждаемой внутренней стражи. Еще до своего нового назначения Евраф Федотович по поручению государя подготовил “Положение для внутренней стражи”, другие правовые документы,

регламентировавшие ее служебную деятельность.

Началась реорганизация губернских рот, уездных команд и формирование на их базе батальонов внутренней стражи. Губернаторам строго-настрого запретили **“чинов сих подразделений употреблять в партикулярные работы вместо отправления ими служебных обязанностей...”**

Но у новшества появились и противники. Один из них — министр полиции А. Д. Балашов. Он по-прежнему доказывал, что и вновь создаваемая внутренняя стража должна быть **“под непосредственным распоряжением местного гражданского начальства...”**. Однако возобладали предложения Комаровского о военном устройстве частей внутренней стражи и подчинении ее военному ведомству.

Сложный период реформирования внутренней стражи, естественно, не обходился без конфликтов и на местах. Выйдя из непосредственного подчинения губернаторов и городничих, командиры местных подразделений попросту стали игнорировать все их требования, в том числе и законные. Одно из таких недоразумений в 1812 году пришлось улаживать лично командующему 8-м округом внутренней стражи генерал-майору Русанову, управление которого находилось в Екатеринославе.

Суть конфликта заключалась в следующем. Начальник Енгильской уездной команды капитан Яковлев “осмелился дать приказ”, своим караульным не допускать местного городничего в тюремное помещение. Конфликт грозил перерасти в грандиозный скандал. Командующий округом был вынужден письменно разъяснять строптивому капитану, что городничий **“по обязанности своей должен регулярно освидетельствовать состояние колодников и наблюдать за исправным их содержанием...”**

Среди военной верхушки тоже возникали некоторые разногласия в отношении управления новым видом войск. Например, военный министр М. Б. Барклай-де-Толли настаивал, чтобы Комаровский был при нем дежурным генералом по внутренней страже. Но Александр I однозначно заявил: **“Граф Комаровский — мой генерал-адъютант, и я хочу, чтобы он был между мною и вами...”** Этим утверждением император волею или неволею существенно повысил статус и роль внутренней стражи в системе вооруженных сил России.

На внутреннюю стражу, наряду с задачами по содействию полиции, возложили организацию рекрутского набора, конвоирование военнопленных и пересылку арестантов. Европейская территория России была поделена на восемь округов во главе с окружными генералами в чине не ниже генерал-майоров,

наделенных правами начальников дивизий. В каждом губернском городе разместили батальон, а в уездном — команду, входившую в состав батальона. На территории округа все батальоны сводились в две-три бригады. Округа не имели названий, а только порядковый номер. Например, в Казани находился 4-й округ внутренней стражи.

При инспекторе внутренней стражи состояли четыре адъютанта и имелась небольшая канцелярия из одного секретаря, двух чиновников, обер-аудитора и нескольких писарей. Управлять внутренней стражей, да еще в период ее формирования, с таким небольшим штатом было необычайно сложно. Но Комаровский успешно справлялся с возложенными на него новыми обязанностями.

Вскоре внутренняя стража стала приобретать воинское устройство. Спустя некоторое время Комаровский представил Александру I "первый месячный рапорт об... обширной и по всей России, кроме Сибири, разбросанной инспекции", коим государь был чрезвычайно доволен.

Дальнейшее совершенствование внутренней стражи приостановила война 1812 года. Генерал Комаровский, как истинный патриот, рвался в действующую армию. Но император возложил на него дополнительные ответственные обязанности. Евграфу Федотовичу поручили ведать рекрутскими наборами, обеспечением действующей армии лошаадьми, доставкой различных воинских грузов и многое другое.

После окончания войны с Наполеоном реформирование внутренней стражи было продолжено. Вооруженные силы России разделяются на две армии и семь отдельных корпусов, в числе которых и Отдельный корпус внутренней стражи. Комаровский, теперь уже в чине генерал-лейтенанта, становится корпусным командиром. Совершенствуются структуры управления войсками правопорядка: при командире корпуса и окружных генералах создаются (по армейскому принципу) штабы во главе с начальниками, другие необходимые службы.

Продолжается улучшение служебной деятельности внутренней стражи. В 1817 году вводится разработанная штабом корпуса этапная система препровождения арестантов, утверждается "Устав об этапах".

На командование внутренней стражи возлагают и обязанности временных комендантов при ликвидации последствий стихийных бедствий и иных чрезвычайных происшествий. В ноябре 1824 года Санкт-Петербург подвергся небывалому наводнению. В столице, говоря современным языком, ввели чрезвычайное положение. Временным военным губернатором (читай — военным

комендантом) Петербургской стороны города, наиболее пострадавшей от стихийного бедствия, назначили командира корпуса внутренней стражи генерала Комаровского. Он сумел быстро организовать раздачу пострадавшему населению горячей пищи, распределение дров, одежды, продуктов питания, денежных средств... С приданными войсками и местными жителями немедленно приступил к разборке завалов, восстановлению мостов, ремонту жилых домов и других городских строений.

Через несколько месяцев после стихийного бедствия Петербургскую сторону посетил сам император, который "приятно был удивлен... найдя все восстановленным и в лучшем, нежели прежде, виде и в такое короткое время...".

В награду за усердие и распорядительность царь одарил Комаровского ценным подарком — "табакеркою со своим портретом, осыпанною бриллиантами".

В 1825 году во время восстания декабристов генерал Комаровский, рискуя жизнью, лично объезжал мятежные полки и уговаривал прекратить "охватившее их безумие". После подавления мятежа по просьбе Николая I он лично организовывал охрану и конвоирование арестованных офицеров в Петропавловскую крепость. Довелось ему быть членом Верховного уголовного суда, выносить приговоры декабристам...

БОЛЕЕ СЕМНАДЦАТИ лет бесценно руководил внутренней стражей Е. Ф. Комаровский. На этом поприще заслужил чин генерала от инфантерии и ордена: Св. Владимира 4-й степени, Св. Александра Невского и Св. Георгия 4-го класса (тогда им еще награждали за выслугу лет).

В июне 1828 года Е. Ф. Комаровский сдал командование корпусом внутренней стражи своему преемнику — генералу от артиллерии П. М. Капцевичу. Продолжая числиться по военному ведомству "по инфантерии тяжелой", Евграф Федотович был назначен сенатором. Но, по-видимому, не совсем подходя к требованиям нового режима, был вскоре вынужден отойти от государственных дел и поселиться в своем имении в селе Городище Орловской губернии.

13 октября 1843 года организатор и первый командующий внутренней стражей России граф Евграф Федотович Комаровский, "исполнив все христианские обязанности, переселился в вечность на 74-м году от рождения...". После него осталось шестеро сыновей и три дочери. Возможно, потомки русского генерала и ныне живут в России.

Подполковник Н. СЫСОЕВ.

Репрессии в войсках НКВД

ЖЕРТВЫ ПЯТИДЕСЯТЫХ

О ТОМ, что борьба с "врагами народа" и классово чуждыми элементами не обошла стороной и войска НКВД, мы уже рассказывали на страницах журнала. Однако, судя по отзывам и поступающим в редакцию письмам, тема эта заинтересовала наших читателей. Вот что написал нам после публикации в журнале "На боевом посту" статьи "Дом у Покровских ворот" Сергей Николаевич Шукин, проживающий в г. Сыктывкаре. "Уважаемая редакция, в "Доме у Покровских ворот" С.Шутмана рассказывается о бывшем начальнике войск Александре Антоновиче Ковалеве, исчезнувшем при якобы невыясненных обстоятельствах во время поездки в Горький в начале Великой Отечественной войны. Со мной работает племянница А.А.Ковалева Прокушева Лариса Александровна. Когда она прочитала эту статью, то даже заплакала — настолько все в ней правдиво написано. Лариса Александровна готова помочь автору в установлении действительной причины исчезновения А.А.Ковалева, ведь мало кто знает, что в войсках НКВД поиск "врагов народа" велся с не меньшим усердием, чем и по всей стране. Обязательно об этом пишите — ваш журнал, пожалуй, единственное издание, в котором без передергивания и конъюнктурных подтасовок стараются рассказывать об истории и боевом пути внутренних войск. Успехов вам".

Сергей Николаевич Шукин безусловно прав, говоря о том, что репрессии не обошли стороной и внутренние войска. По имеющимся у нас данным, в 1936 — 1941 гг. было репрессировано 560 военнослужащих войск НКВД. В основном это люди из органов военного управления и руководящего состава, возглавлявшие войска ВЧК—ОГПУ—НКВД с 1919 по 1939 г. Так, из 16 начальников войск репрессиям подверглись 13 человек. Одиннадцать из них (за исключением М.П.Фриновского и И.А.Апетера) реабилитированы. Из 12 начальников политоргана 9 репрессировано. Все они реабилитированы. Из 5 начальников штаба войск все репрессированы, а позже оправданы. В Главном управлении войск НКВД было репрессировано 40 человек. В окружных аппаратах — 80 (почти все начальники войск округов, пять начальников штабов войск округов, другие командиры). Особенно много лиц высшего и среднего командного состава подверглось репрессиям в управлениях внутренних войск Московского и Уральского округов. Большинство из них — командиры полков, отдельных батальонов, помощники командиров по политчасти и хозяйственной части. Борьба с "врагами народа" не обошла стороной полковых врачей, финансовых работников и капельмейстеров.

Факты свидетельствуют, что разгул репрессий пришелся на 1937—1938 гг. Например, в 1937 г. было арестовано 224 человека, в 1938-м — 210, в 1939-м — 42, в 1940-м — 36 человек. Из них почти каждый четвертый расстрелян, многие умерли в местах заключения (УСВИТЛ, Севжелдорлаг и др.). Установлено также, что из 98 почетных красноармейцев внутренних войск, зачисленных в списки частей в довоенный период, 38 были репрессированы.

К сожалению, полных данных о количестве репрессированных военнослужащих внутренних войск (в особенности солдат срочной службы и младшего состава) пока нет. Но сотрудники Центрального архива, Центрального музея внутренних войск МВД России, войсковые журналисты поиск продолжают. Посвящена этой теме и наша очередная публикация.

МАХОВИК репрессий, запущенный в стране в тридцатые годы и несколько сбавивший обороты в период войны, в конце сороковых и в начале пятидесятых годов вновь стал раскручиваться с прежней силой. Репрессиям подверглись руководящие партийные и советские работники, командиры производства и транспорта, деятели литературы и искусства. Их жертвами стали и военнослужащие войск НКВД. Только в от-

личие от предыдущих лет основной удар теперь пришелся по рядовому и младшему командному составу.

... Тяжелая доля выпала мальчишкам, родившимся в двадцатые годы. Призванные в армию в неполные восемнадцать лет (двадцать четвертого года рождения — летом 1942 г., двадцать пятого — в январе 1943 г., двадцать шестого — в ноябре 1943 г., двадцать седьмого — в ноябре 1944 г.), прошедшие ускоренную подготовку в запасных

и учебных стрелковых полках, они пошли защищать Отечество. Пережить войну, уцелеть посчастливилось далеко не всем. Из ста военнослужащих 1923—1925 гг. рождения в живых осталось менее десяти человек. Такова печальная статистика фронтовых лет.

Но вот отзвучали победные марши, отгремели залпы праздничных салютов, и потянулись послевоенные будни. Боевая служба чередовалась с учебной. Тогда так говорили: «Через день — на ремень», «Три года лежа одно и то же». Это сейчас новобранцев, не успев стоптать и пары солдатских сапог, уже пишет где-нибудь в укромном местечке заветное «ДМБ», с указанием месяца и года увольнения в запас, а те солдаты и сержанты о подобном и думать не могли, потому что даже приблизительно не знали, когда поступит долгожданный приказ о демобилизации. Например, воины двадцать четвертого года рождения были уволены в запас только в апреле 1949 г., а двадцать седьмого — весной 1951-го.

Армейская служба — дело не из легких, а воинам послевоенной поры она давалась особенно тяжело. Третья норма питания, плохие казармы, нехватка порой самого необходимого для создания элементарных бытовых условий... Отвыкшие от гражданской жизни, ушедшие в армию нецелованными, они были рады каждому письму и весточке из родимых мест. Некоторым выпадало счастье получить краткосрочный отпуск и воочию убедиться в том, как трудно живется людям в колхозах и совхозах, рабочим заводов и фабрик. Получался резкий разрыв между тем, что писали в газетах, о чем рассказывали на политических занятиях, и реальной жизнью. От военнослужащих требовали называть великие стройки коммунизма и объяснять, какое огромное влияние имели для Победы десять сталинских ударов, а возвращавшиеся отпускники шепотом (не дай Бог узнает особист) перечисляли десятки налогов с колхозников: сельскохозяйственный, подоходный, за бездетность, страховой, самообложение, обязательные поставки сельхозпродуктов... А на трудовни получали, как тогда иронизировали, ноль целых и хрен десятых. Работали «за палочки». Рад бы помочь солдат своим родным, но на тридцатку не разбежишься. Ее он тоже не видел, так как агитировали (попробуй только откажись!) подписываться на очередной заем для восстановления и развития народного хозяйства в размере 100 процентов. На курево денег не хватало. Самые дешевые папиросы «Бокс», в шутку расшифровывавшиеся — «благодаря отмене карточной системы», ку-

пить не на что. Только стрелять у соседа, если ему из дому пришла посылка.

Лживость пропаганды, лицемерие средств массовой информации в официальных выступлениях вредили делу. А света в конце туннеля все не было. Увольнения в запас не предвиделось. Иногда какой-нибудь прибывший из штаба ефрейтор пустит слух, что пришел приказ об увольнении, а солдатский телеграф так его обработает, что и сам источник информации поверит в пущенную им утку.

Время от времени в газетах появлялись тревожные сообщения. Охота за «врагами народа» возобновилась. В одной из песен была фраза: «Вперед за Сталиным, чекисты Берия». Они и старались, искали «врагов народа» везде, в том числе и в солдатской массе. В помещениях отделов контрразведки Смерш полков почти до утра не гас свет.

Кого же тогда арестовывали и за что? Вот несколько примеров.

Сержант **Левченко Михаил Кузьмич**, 1927 г. рождения, призван в армию в 1944 г., съездил в отпуск на Сумщину в феврале 1951 г. На политзанятиях офицер рассказывал о зажиточной жизни колхозников, что они хлеб с маслом едят и маслом закусывают. Михаил послушал, а в перерыве среди курильщиков сказал: «Смотри, как красиво говорит лейтенант, а я видел совсем другое. Если предстоит уволиться в запас, то ходить придется в солдатской робе, ибо купить гражданское не на что». На втором часе политзанятий Левченко уже не было. Его допрашивали. Через день исключили из комсомола. Оформили досрочное увольнение в запас. Вышел сержант Левченко за КПП и сразу угодил прямо в черный воронок, который поджидал его за воротами части. 19 июля 1951 г. военный трибунал объявил ему приговор — 10 лет лишения свободы за контрреволюционную пропаганду.

В солженицынском «Архипелаге ГУЛАГе», упоминается заключенный **А.Ф.Степовой**, бывший солдат. Кто он? Алексей Филиппович родился в 1927 г. В апреле 1944 г. Джулинским РВК призван в войска НКВД. Пришлось ему потаскаться по лесам и болотам, хлебнуть лиха — в западных областях Украины, где он служил, свирепствовали вооруженные формирования оуновцев. Затем его перевели для прохождения срочной службы в Горьковскую область. И вдруг 15 августа 1950 года он был арестован и спустя полтора месяца осужден военным трибуналом войск МВД Горьковской области по ст. 58 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы с поражением в правах на 5 лет. За что? За непонравившееся высказывание в

адрес ВКП(б) и свой ироничный взгляд на политику в области сельского хозяйства вообще и награждение передовиков в частности.

В общем, ничего противоправного и тем более «контрреволюционного», в словах Степового не было. Это сейчас люди ощутили, поняли, что такое гласность, не таясь высказывают свои мысли вслух, критикуют «верхи», порой довольно резко и горячо. А тогда свобода слова только декларировалась. Правда, нельзя сказать, что, напуганные правовым беспределом, люди все как один безропотно молчали. И в солдатской, и в офицерской среде порой высказывались довольно смелые суждения. Но что делать, находились иногда доносчики или сверхбдительные командиры, которые вместо того, чтобы попытаться как-то объяснить положение дел, предостеречь, не губить молодую душу, спешили докладывать о «крамоле». И неосторожно, по простоте душевной брошенное слово оборачивалось трагедией.

Обычно приговоры военных трибуналов объявляются в приказах по части, но этот и подобные держались в секрете. И пошел Алексей Степовой по этапам и лагерям ГУЛАГа. Амнистия 1953 года его и других «контрреволюционеров», не коснулась. Вернулся домой через несколько лет. Человек по натуре открытый, прямой, он не мог мириться с несправедливостью, но обращать внимания на неправильные действия властей. «В 1966 году меня посетил А. Солженицын. Это окончательно поставило меня вне закона. Куда бы я ни обращался, все для меня было закрыто, — вспоминает А. Степовой. — В 1972 г. местные руководители развернули строительство здания сельского Совета прямо на братской могиле, где захоронено 160 наших воинов, павших 11 марта 1944 г. при освобождении Джулинки. Братскую могилу осквернили. Пытался поднять общественность А. Степовой, но местные власти припомнили ему его прошлое, хотя Алексей Филиппович был уже давно реабилитирован. Но все равно укорить, отбить охоту бороться за справедливость постарались.

Несколько раньше, чем был арестован Степовой, а именно 20 марта 1950 г., военный трибунал войск МВД Горьковской области рассмотрел дело его однополчанина — **Скуратова Федора Васильевича**, 1926 г. рождения, и приговорил его к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет за то, что «систематически проводил антисоветскую агитацию, клеветал на колхозный строй и материальное положение колхозников, восхвалял жизнь быв-

шей царской России и в одной из капиталистических стран, а также высказывал неверие в советскую печать и возводил клевету на одного из Героев Социалистического Труда». Пять лет пробыл в местах лишения свободы **Ф. В. Скуратов**. Слава Богу не казнили, но какое жестокое наказание за критику, во многом справедливую.

Перечень жертв репрессий можно продолжать долго. Это рядовой **А. М. Абрамов**, 1926 г. рождения, осужденный военным трибуналом войск МВД Смоленской области по ст. 58 на 25 лет исправительно-трудовых лагерей и отбывавший срок в Севвостлаге. Вместе с ним находился в заключении рядовой **К. Д. Асланов**, приговоренный к 10 годам лишения свободы. Такой же срок получили рядовые **В. П. Батихин** (Южжубаслаг) и **А. В. Бескоровайный** (ИТЛ Хабаровского края). Рядовой **Г. А. Величко**, 1926 г. рождения, арестован 27 октября 1950 г., осужден военным трибуналом войск МВД Днепропетровской области 18 января 1951 г. по статье 54 УК УССР на 25 лет лишения свободы. Умер в августе 1954 года в Севвостлаге. **В. А. Черепяхин**, 1926 г. рождения, осужден 6 сентября 1950 г. по статье 58 РСФСР на 25 лет лишения свободы. Через шесть лет освобожден, а через 34 года по Указу Президента СССР от 13 августа 1990 г. реабилитирован. Особым совещанием МГБ от 21 апреля 1951 г. участник обороны Москвы майор **И. К. Панкратов** был обвинен в «разглашении государственной тайны», и отбывал срок в Унжлаге. Через 25 лет приговор был отменен за отсутствием состава преступления.

Все они реабилитированы. Значит, никакого криминала в их действиях, а вернее сказать, в словах не было. Как сложилась дальнейшая судьба этих и многих других мучеников, попавших в молох безжалостных репрессий? Нашли они в себе силу и волю, чтобы начать новую жизнь и навсегда расстаться (но вряд ли забыть) с той мрачной, лагерной?..

Пока нет ответа на эти вопросы. Лишь с горечью можно писать об их надломленной, трагической, из-за пустяков загубленной молодости, с которой так беспощадно расправился режим.

**Полковник в отставке В. КРИВЕЦ,
полковник в отставке С. ШТУТМАН.**

Борис ЛЕОНОВ

ВЕЧНЫЙ ПУТЬ

В НЫНЕШНИХ, набивших оскомину высказываниях о приоритете человеческой личности в государственно-правовых отношениях есть, как мне представляется, нечто не только лукавое, но и казуистическое. Когда сопоставляешь услышанное с реалиями бытия, просто не по себе становится от очевидного лицемерия. Человека почти полностью лишили личностного достоинства, а твердят и твердят о его первородной ценности.

В самом деле: случись что с тобой (а ведь и случается, примеров тому множество), и куда пойти за помощью? К кому обратиться со своей правдой, если в кармане практически пусто?!

Может быть, я излишне эмоционален в восприятии окружающего мира, вновь вздыбленного, вновь перестраиваемого на новых началах? Что ж, безусловно, новый мир требует и новых взглядов, новых принципов. Но одно могу сказать твердо: если принципы вновь окажутся негуманны, нечеловечны, недолговечным окажется и сам нарождающийся мир. Об этом должны помнить его созидатели.

Не знаю, как постигают очередной виток общественного развития политики, правоведы, экономисты. Несомненно другое: рождение нового мира сопряжено с появлением нового человека, а вот его-то первыми всегда подмечали литераторы, искусствоведы. Ибо в литературе, искусстве торится вечный путь к человеку, к постижению его души и того нового в ней, что рождается на каждом историческом повороте.

К сожалению, сегодня подавляющее большинство писателей, литературове-

дов как бы выключены из эфира. Тем не менее нам есть что сказать по существу происходящего в обществе.

Нормальному человеку просто невозможно быть последователем и пропагандистом одного учения и буквально одновременно заниматься проповедью диаметрально противоположных воззрений. Конъюнктурщику же сие не только позволительно, для него это жизненно необходимо. Надо ли удивляться тому, что в нынешних переоценках да пересмотрах прошлого не столько разумности и трезвости знаний, сколько эмоций, категоричности, безапелляционности?

Конъюнктура никогда не была созидющим элементом в любой сфере человеческой деятельности, включая духовную. Истинная литература скупа на откровения, она нацелена на глубинные пласты духовного состояния общества и благодаря этому не раз поднималась до высот провидения и предсказания.

ПО-РАЗНОМУ именовался он отечественной литературой: загадочным, особенным, лишним... Обобщенно эти персонажи назывались новыми людьми. Из их рассказов, по признанию Н.Г. Чернышевского, сложился его роман "Что делать?". "На той высоте, на которой они стоят (Лопухов, Кирсанов, Вера Павловна. — Б.Л.), должны стоять, могут стоять все люди, — замечает писатель. — Тем людям, которых я изображаю, вполне вы можете быть равными, если захотите поработать над своим развитием... Поднимайтесь из вашей труппы, друзья мои, поднимайтесь, это не так трудно, выходите на вольный белый свет, слав-

но жить в нем, а путь легок и заманчив, попробуйте: развитие, развитие».

Следуя этому призыву, как свидетельствовал в "Подпольной России", С. Степняк-Кравчинский, воспитывались новые люди "с сердцами из золота и стали", осознающие величайшее значение своей жизни и борьбы как примера для окружающих, для последующих поколений. А роман "Что делать?" стал своего рода знаменем для русской молодежи, возбуждая в ней энергию к совершению, считал Петр Кропоткин.

С революцией связывал появление новых людей А. М. Горький. "Новые люди создаются новыми условиями бытия, новые условия создают новых людей, — писал он в январе 1918 года в "Несвоевременных мыслях". — В мир идет человек, не испытавший мучения рабства, не искаженный угнетением, — это будет человек, не способный угнетать. Будем верить, что этот человек почувствует культурное значение труда и полюбит его. Труд, совершаемый с любовью, — становится творчеством".

Все это лишний раз доказывает, что понятия "новый человек", "новые люди", отнюдь не связаны, как то считают ревизоры советского периода русской литературы, всего лишь с директивной наркомой просвещения Луначарского и прочими изобретениями большевиков, что новый герой, новый человек — все-таки объективная закономерность развития общества и литературы, а отнюдь не модель, не некая функция командного управления литературой.

А ведь сколько развелось сегодня сторонников обратного, желающих во что бы то ни стало похоронить историю русской советской литературы как официозную.

За примерами ходить далеко не надо. Вот, в частности, что утверждает критик В. Камянов: "Революция... передала грузнеющей бюрократии ряд эстетических заветов. А среди них:

1) Апология социальной новизны и небывалости ("новый человек", "новый мир", "партия нового типа", "новая мораль", "моя страна — подросток", "я другой такой страны не знаю").

2) Связь со стариной допустима лишь под девизом "Отречемся от старого мира!"; соответственно девизу за спиной "нового человека", маячит недлинная череда предшественников — от Радищева и декабристов до социал-демократов ленинского крыла.

3) Как следствие — социальная новь знается сама с собой, бурлит в непро-

точном водоеме, к ходу большого Времени нечувствительна, хотя любит его горячить призывом "Время, вперед!".

4) Человек без остатка принадлежит современности, выкроен по ее меркам, к остальным временам так же мало прикосновенен, как и она; на вопросы из разряда вечных отвечает по-военному: "Не могу знать!".

Откровенно говоря, мне трудно понять, над чем здесь иронизировать. Таков всего лишь один из возможных и реальных взглядов на существо материальной и духовной жизни действительно нового мира, действительно в стране-подростке, рожденной действительно небывалой в истории человечества революцией, которая не могла не отразиться в реалиях художественного творчества.

По сути, Камянов в комическом свете представил ленинскую теорию русского национально-освободительного движения, идеологически господствовавшую на протяжении полувека в нашем литературоведении. Теперь стало очевидно, что ленинская константа общественного и духовного развития России была очень жесткой и по отбору явлений, и по толкованию фактов, что, собственно, и привело ее к быстрой изношенности: реальность показала несостоятельность упрощенного понимания процессов развития народной жизни в целом и природы искусства в особенности.

Однако, оставаясь верным объективному взгляду на мир, следует признать, что ленинская концепция нового мира и нового человека, каковым выступал рядовой труженик, отнюдь не противоречила правде борьбы угнетенных за свободу. Она лишь утверждала борьбу как всеобщий закон жизни и в этом-то утверждении обеднила себя и обескровила. Но правда борьбы тем не менее не отменяется естественным ходом развития человечества. Подтверждение тому — всемирная история во всей ее национальной глубине. И, может быть, особенно — российская история национального освобождения.

Вспомните проникновенные чеховские слова о шестидесятниках и шестидесятых годах. "Шестидесятые годы, — писал он Плещееву, — это святое время, и позволять глупым сусликам узурпировать его — значит опошлять его".

Не менее существенны и высказывания Л. Н. Толстого о декабристах, которые приводит Д. П. Маковицкий в "Яснополянских записках": "Это были люди все на подбор, — как будто магнитом

провели по верхнему слою кучи мусора с железными опилками, и магнит их вытянул». И далее: «Никогда не было такой организованной силы. Успеха у них не было по русской доброте, по отвращению к кровопролитию».

Словом, ленинская концепция имела под собой не только сугубо классовое обоснование, а еще и национально-историческое самосознание, которое с наибольшим откровением выражалось в моменты обострения социальной жизни страны. И не учитывать всего этого нынешнему исследователю только лишь из-за того, что это Ленин, право же, не пристало. Просто непозволительно! Когда же он сознательно идет на подобный подлог, его неминуемо ждет несостоятельность в построениях и выводах, как это и произошло, в частности, с Камяновым. Свою одномерную схему, равновеликую той, какую он хотел предать иронии, он же попытался наложить на всю русскую послеоктябрьскую литературу. И получился, откровенно говоря, конфуз. Предавая анафеме лозунг: «Отречемся от старого мира!», он сам же и исповедует это «отречение». Иначе как понять его отрицание литературы в «лауреатском исполнении», которая-де «отучалась понимать мир», «ждать от себя непатентованных мыслей о мире», была верна-де «привычке жить чужим умом»?!

Что же это за литература в «лауреатском исполнении»? Кто представляет ее? А. Толстой, М. Шолохов, И. Эренбург, Л. Леонов, Вс. Иванов, А. Твардовский? Достойные имена можно продолжить. Но нужно ли? По-моему, и без того ясно, что вымученная критиком схема сработала против своего же творца.

Примерно так обстоит дело и с проблемой «новых людей». Между тем история подсказывает, что в разговоре об изящной словесности «новые люди», — категория не только социальная, но и эстетическая: рожденные новой жизнью герои становились и становятся носителями идеала художника.

К СОЖАЛЕНИЮ, наш идеологический универсализм, предавший забвению известные положения о том, что коммунистом можно стать лишь тогда, когда в полной мере овладеешь всем лучшим в знаниях, выработанных человечеством, сыграл роковую роль в девальвации, а точнее — в профанации и этого, в целом глубокого понятия — «новый человек». И тут я согласен с писателем Игорем Волгиным,

заметившим в статье «Гарантии для идеала», как глупо, самонадеянно полагать, что «нового человека вырастить столь же легко и просто, как превратить рожь в пшеницу». Лысенковщина в биологии была предвосхищена схожими по типу новациями в области общественной мысли. Однако социальная генетика оказалась вещь весьма упрямой. Выяснилось, что исторические грехи наследуются в не меньшей пропорции, чем исторические добродетели. А потому многие явления нашего прошлого перешли к нам по наследству. Среди таковых и жестокие, деспотические формы национальной власти, и неуважение к личности.

Ни одно общество не возникает на новом месте. Сокрушив до основания строй прежней жизни, мы не учли силу исторической инерции, прежде всего в области сознания, изумительную способность наших генов к непредсказуемым и самопроизвольным мутациям. Салтыков-Щедрин должен был бы востать из гроба: доведенное до предела администрирование, слепая, едва ли не мистическая вера в авторитеты, бессмысленная, но, как птица Феникс, заблудливо воспроизводящая самое себя бюрократия — все эти отечественные недуги, слегка подновив обличье, внедрились в наш общественный организм и прижились в нем. Вложив громадные капиталы в будущее, мы долгие годы продолжаем платить по старым счетам.

Достаточно обратиться к человеческой природе. Если где она и обновилась, то это в торжественных речах да постановлениях, в коих декларирование, как правило, предстает осуществленным. В жизни же процесс складывания нового человека проходит гораздо сложнее и противоречивее, независимо от нетерпения властей предрежущих. Но кабинетные умы не унимаются, плодя концепции быстрой перестройки человека, как, собственно, и всего общества. По ним — устрой революцию, отмени или внедри частную собственность, и можно считать, что процесс созидания человека новой формации пошел. Ах, если бы на деле было все так просто!

Всему идеологическому, считает, например, академик Н. Амосов, в человеке неосознанно, но откровенно сопротивляется биологическое. Если у животных разум напрямую реализуется требованиями чувств, то у человека есть серьезное усложнение: его разум творческий. Он может создавать модели «искусственно», — на несуществую-

щие объекты, которые, однако, обретают реальность. Так появляется вещь. Или формула. А чаще всего — слово, фразы. И они, оказывается, при усиленной тренировке становятся убеждениями, "искусственными критериями", поведения, которые способны конкурировать с чувствами от инстинктов. В творчестве, похоже, и заложена гибель человеческого рода. Неандерталец, живший согласно инстинктам, вписывался в природу, а человек разумный, с вещами и идеологиями, может и не вписаться. Что мы теперь и наблюдаем.

КОНЦЕПЦИЯ несовпадения биологического и идеологического все чаще напоминает о себе в ходе нынешнего переустройства общества. В людях продолжают жить остаточное, а может быть, и неистребимое ощущение себя людьми нового типа, нового мира, вера в свое созидательное историческое предназначение. А вера, по словам русского писателя и философа Ивана Киреевского, есть не столько сознание истины, сколько преданность ей. У наших отцов эта вера рождала чувство исполненного долга борцов за социальную справедливость и созидателей светлого будущего. Отцы наши и были теми новыми людьми, которые своими собственными руками творили мир, переданный теперь нам в наследство. Беда заключалась лишь в том, что их добрые руки, их чистые помыслы и золотые сердца направлялись несправедными и жестокосердными властолюбцами, которые под революционными лозунгами вели беспремерную схватку за личную власть.

Отрицая прошлое, замечая в людях революционных лет только одну жестокость, а в их действиях лишь насилие, забываем мы, что эти свойства были "обеспечены" кровавыми войнами начала века — русско-японской, первой мировой, гражданской; что суровые обстоятельства сказались не только на психике отдельных личностей, но и на психологии масс. Без понимания этих очевидных фактов нельзя дать объективную оценку и созданному в литературе минувших десятилетий.

Так каков он, ее герой, и какой герой нам нужен?

УСЛОВНО ГОВОРЯ, сложились два основных типа героев. Один из них — своеобразный следователь в жизни, другой — исследователь. Пер-

вый, влекомый почти инстинктивной верой в правое дело борьбы с миром прошлого, ищет и обнаруживает в действительности то (и, разумеется, тех), что мешает нашему движению вперед. Второй удивляется чему-то в новом бытии человека, открывает в нем нечто важное для себя, мучительно перебарывает в себе недоверие к новому миру. Один категоричен в суждениях и выводах. Другой склонен к сомнениям и размышлениям, воспринимаемым порой как враждебность к революции. Что касается разности характеров, то она выражается в различных принципах миропонимания. Герой-следователь руководствуется простыми, легко усвояемыми наставлениями борьбы с теми, кто "не с нами". Герой-исследователь, не отрицая простоты этих принципов, рожденных, по его представлениям, самой несправедливой жизнью общества, отнюдь не сводит к ним смысл борьбы за новую жизнь. Он доверяет не лозунгам и призывам, выдвинутым этой борьбой, а самой реальностью бытия, которая даже в катаклизмах своих богаче и мудрее всяких лозунгов и призывов. И нередко конфликты между двумя типами героев в ходе повествования оборачивались драмой героя-следователя: столкновение с реальной жизнью разбивало его примитивное представление о ней и о себе.

Чтобы пояснить примером суть размышлений, обращаюсь к известному рассказу Бориса Лавренева "Сорок первый".

Кажется, проще простого жила вчерашняя рыбачка, а ныне боец-красноармеец Марютка до встречи со своим "сорок первым". До того сорок офицеров-беляков шлепнула — и хоть бы что: прекрасный стрелок, уважаемый товарищ боец. Гордость от такого признания вдохновляла даже на стихи. И не ведало ее существо сомнения, что среди шлепнутых были и такие, как этот Говоруха-Отрок, пленивший ее девичье сердце.

И вот теперь эта-то любовь к "чужаку" буквально перевернула ее душу. Она начала осознавать, что в мире живут не просто духовно богатые люди, не просто "белые" и "красные", но еще и не похожие на тебя, отчего тебе самому становится интересно, в тебе возникают неведомые ранее чувства. До понимания многоцветья и разнообразия жизни надо подниматься и подниматься. Ростки, побеги такого возвышения, вызванные к свету теплом любви, уже проросли в душе бывшей рыбачки, но

беспощадная правда борьбы вторгается в ее жизнь, и пастораль расклевывается: в любящей Марютке берет верх классовая ненависть к тому, кто «не с нами». Эта ненависть, по сути, и выстрелила, и убила не только Говоруху-Отрока, но и саму Марютку, упавшую на бездыханное тело и заголосившую низким, гнетущим воем: «Родименький мой!.. Что ж я наделала? Очнись, болезный мой! Синегла-азенький!..»

В этом, как и в десятках других ярких произведений, виден новый человек, вызванный революцией к историческому деянию, ощущающий себя полномочным представителем еще вчера угнетенного народа.

НАДО СКАЗАТЬ, и сегодня — в перестроечно-реформистском дне — тоже осужтен разлом бытия, а стало быть, на передний план выдвигается борьба, возникает образ того, кто «не с нами», толкуемый разнополярными силами по-своему.

«Образ нравственного и разумного существа, способного противостоять обступающей его энтропии, — этот образ вновь оказывается под угрозой вытеснения враждебно противостоящими ему „моделями человека“ — начиная с этически нейтральной сексологической модели и кончая откровенно контрморалистской, садистской», — читаем, например, в статье доктора философии Ю. Давыдова «В какой культуре мы живем?». Как и ученый, мы не можем сегодня не быть обеспокоенными тем, что отечественная культура оказалась под угрозой обездушивания.

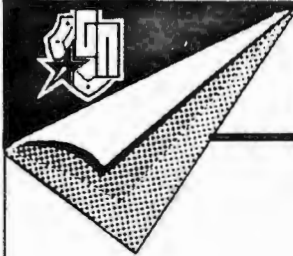
Нельзя не согласиться и с тем, что новые люди в искусстве приводят сегодня с собой и под стать себе новых героев, у которых нет ничего святого. Они подвижны зачастую животными страстями. И надо сказать, они значительно жестче тех, кого олицетворяют Марютка, Швандя, другие герои двадцатых годов. Те были неграмотны, но в них жила душа, которая с трудом, с мукой, но рвалась навстречу новому, чистому, светлому. Нынешние же «новые люди», одержимы не жаждой обустройства мира, в котором жизнь человека действительно станет мерилom истинного добра, а зачастую лишь инстинктом к удовлетворению своих похотей, жаждой любыми способами сколотить первоначальный капитал. Их поступки, поведение определяют низменные чувства и криминальные мысли. А это — тупик и для человечества, и для искусства.

Стало чуть ли не признаком радикализма и демократичности в нынешнем обиходе приобщаться к массовой культуре, вносить свой вклад в раскрепощение человека от всякой «нравственной неволи», порожденной тоталитарным режимом.

«Положительного героя уже играть стыдно, — сетует, в частности, киноактриса Клара Лучко. — Как же, у нас хороших нет, все плохие... Но это же не так! Я очень много езжу по стране, встречаюсь с разными людьми. И все говорят, что надоел мрак в искусстве, что в кино уже не хотят идти, в театр — тоже».

«Я не знаю другой такой страны, которая бы так себя ругала, — замечает и наш старейший драматург Виктор Розов, — так издевалась над собой, так, не побоюсь сказать, сама себя ненавидела. При всех бедах, при всех недостатках и страданиях негативизм все-таки преувеличен чрезвычайно. И мы в этих условиях, наверно, как никогда, должны воспевать человека, его душу, создавать, пусть даже через страдания, гимн человеку, святости его личности».

Осознание необходимости преодолеть тупик в отношении к живому, деятельному началу жизни, связанному прежде всего с творчеством, трудом нового человека — созидателя и защитника Отечества, начинает все активнее проступать через шумовые атаки и нападки на нашу историю, на свершения наших отцов и дедов, на положительного героя нашего времени. А стало быть, вечный путь к человеку продолжается. Иначе и быть не может.

Игорь СЕМЕНЧИК

“ЦЫГАНОЧКА” С ВЫХОДОМ

Рассказ-быль

ПРИФРОНТОВАЯ ПОЛОСА встретила его страшными следами недавних боев и опустевшими деревнями. В сгущавшихся сумерках пробираясь по лесу, вышел Владимир к небольшому болоту. На самом краю увидел несколько аккуратно вырытых квадратных ям, а возле них — разбросанные коробки из-под зубного порошка. Еще недавно здесь была немецкая позиция. “Прут и прут, сволочи..”, — подумал Владимир, оглядываясь по сторонам и держа руку на рукояти трофейного маузера. Прислушался: тихо. Проваливаясь босыми ногами в жидкую зловонную грязь, пересек болото и наткнулся на еще одну свежеврытую траншею. На отвалах стрелковых ячеек подобрал куски заплесневелого хлеба, нашел начатую банку консервов “фасоль в томате..”, повытаскивал из нее жучков и впервые за два последних дня поел. Спрыгнув в траншею, двинулся по ней к видневшейся невдалеке дороге, за которой стеной возвышался лес. Вдруг из-за дорожной насыпи появились два немца, направлявшиеся прямо в его сторону. Юркнув в стрелковую ячейку, Владимир осторожно наблюдал за врагами. Фашисты забрали из окопа какой-то ящик и поволокли его туда, откуда пришли.

Переждав несколько минут, он снова устремился к дороге. Она была устлана бревнами, по обе ее стороны тянулась вырубка шириной метров пятьдесят. Только Владимир собрался подняться на насыпь, как из-за поворота показалась громахающая по лежневке повозка. В ней, громко разглагольствуя, тряслись пятеро немцев. Отступать по траншее было рискованно, с насыпи она должна была хорошо просматриваться. У самой дороги рос невысокий, но густой ивовый куст. Владимир заполз в него и затаился, не сводя глаз с приближающейся телеги.

Немцы подгоняли лошадь пьяными воплями. Прямо напротив куста она остановилась. Владимир взвел курок маузера. Высокий рыжий детина, пошатываясь, спустился к самому укрытию Иконникова и расстегнул ширинку у брюк...

Владимир лежал ни жив ни мертв. Пристрелить фрица не составляло труда, но оставалось еще четверо, и все с автоматами. Даже пьяные, с десяти шагов они куст под корень скосят.

Рыжий, сделав свое дело, поплелся обратно. Иконников перевел дух, но тут еще один вояка решил облегчить себе дальнейшее путешествие. Он сполз с телеги и тоже направился было к кусту, но остальные недовольно загудели. Немец остановился на полпути и принялся сосредоточенно ковыряться в штанах. Один из компании, видимо, отпустил какую-то шутку в адрес товарища, и все дружно заржали, подгоняя того криками:

— Руди! Шнеллер! Шнеллер!

Вздохом облегчения проводил Владимир тронувшуюся повозку и, как только она скрылась с его глаз, метнулся через дорогу в чащу леса.

ОБ АВТОРЕ. Игорь Викторович СЕМЕНЧИК — гвардии сержант в отставке, инвалид Великой Отечественной войны. Внештатный корреспондент газеты Уральского округа внутренних войск МВД России «Сын Родины». В нашем журнале публикуется впервые.

Всю ночь он пробирался на восток. Где-то перед рассветом услышал отзвуки далекого боя. Гул приглушенной расстоном канонады наполнил его сердце надеждой, что до своих осталось рукой подать.

Кончался сентябрь. Ночи становились все холодней. По утрам похужая трава покрывалась сединой инея. С босыми, ободранными о сучья, кровотокающими ногами, в рваной, повисшей клочьями, непросыхающей одежде, пошатываясь после участвовавших голодных обмороков, задыхаясь от смрада сплошных болот, Владимир упрямо преследовал линию фронта. Шершавый, как наждак, с трудом помещавшийся во рту язык, распухший от простуды и кислой зеленой клюквы, плохо слушался, когда Иконников пытался разговаривать сам с собой. Но несокрушимое желание выйти к своим и все более отчетливая с каждым днем канонада держали его на ногах, заставляя идти, идти, идти... Да еще страх попасть в плен или нарваться на пулю оккупанта именно теперь, когда столько преодолено и выстрадано, когда конец мытарствам так близок, — этот страх удерживал его в здравом рассудке, не давая раскиснуть.

Ранним утром 9 октября 1941 года вышел Владимир на большую поляну, пересеченную неглубокой речушкой. На берегу, подложив под себя охапку еловых веток, сидел мальчик лет десяти и похлопывал хворостинкой по голенищу выдавшего виды солдатского сапога, из которого его нога торчала, как пест из ступы. Рядом с ним жались друг к другу четыре замерзшие коровы.

Иконников тихо подошел к пастушку сзади и приспел:

— Хлопчик, ты откуда?

Мальчик вздрогнул и, развернувшись, испуганно уставился на незнакомца.

— Ты не бойся, — попытался успокоить парнишку Владимир, — я русский.

— А-а-а у нас т-т-тут все р-русские, — заикаясь, отозвался тот.

— А деревня твоя где?

— Т-т-тама... — мальчишка махнул хворостинкой куда-то вниз по течению речки и добавил: — За горужкой.

— Так, говоришь, немцев в деревне нет?

— Н-нет, н-немцев не было. С-сегодня заходили два русских солдата, н-н-навечно, р-разведчики.

От радости у Иконникова перехватило горло, но, одолев спазм, он насмешливо спросил:

— А сам-то ты не русский, что ли?

— Р-русский.

— Ну вот, стало быть, солдаты-то были НАШИ! — последнее слово Владимир пропел хрипло и счастливо. — Наши — это, брат, такое... такое... Лучше не скажешь. Наши, и все!

Забыв про ссадины на ногах, про ожоги, про две раны, как на крыльях помчался Владимир в деревню, будто и не было позади полных опасностей и лишений девятиста шестидесяти скитаний по вражескому тылу. «Дошел-таки, дошел!» — пело все его существо.

Сердобольные крестьянки вынесли ему хлеба, картошки и соленых огурцов. Звали в дом, но Иконников не пошел. «Разомлею тут, — подумал он, — а мало ли что случится: утром наши заглядывали, а к вечеру могут и фрицы нагрянуть».

Вслух спросил:

— Как бы мне поскорее к какой-нибудь воинской части выйти?

Пожилая женщина, указав за околицу, сообщила:

— В Головырине, баят, казаки нашински. Верстов десять от нас, не боле.

Взглянув на ноги пришельца, она посетовала:

— Обуть-то тебя не во что. У нас кака мужеска обувка была, в той мужики наши на фронт подались. Сапоги им в городе уже выдавали, а нашинска-то, поди, пропала.

— А лошади у вас не найдется? — спросил Иконников.

— Не-е, мил человек, давеча еще были две, дак их те ж казаки и мыблизовали.

Попрошавшись с женщинами, Владимир двинулся по проселку в указанном направлении.

Плотный туман, словно дым от сырых поленьев, растекался по долине, когда он увидел крытый соломой большой овин на окраине утопающего в вечерней мгле села. Возле овина стоял красноармеец в брезентовом накидке и помятой каске со звездой. Тщетно пытаясь унять радостный благовест в сердце, Иконников направился прямо к нему. Реакция бойца оказалась неожиданной: узрев перед собой незнакомца, тот ретировался за угол. Владимир растерянно последовал за ним. Часовой снова скрылся за углом. Как только Иконников обогнул овин, солдат выставил вперед штык и scomандовал:

— Стой! Руки вверх!

Владимир поднял одну руку, вторая безжизненно висела вдоль тела. В спину ему уперся еще один штык.

— Обе в гору! — раздался голос.

— Не могу, левая ранена, — невнятно буркнул пленник.

Обшарив его и отобрав маузер и две пачки трофейных сигарет, тот, что был сзади, распорядился:

— А ну, шагай!

Подталкиваемый прикладом в спину, Владимир заковылял вперед, слыша, как конвоиры переговариваются между собой:

— Шлиен, не иначе...

— А пистолет у него был ничего! Слышь, Егор, дай-ка мне евоюю цигарку... Тьфу, пакость! Солома, а не табак. Разве с нашей махрой сравнишь?!

— Стой, пришли — с этими словами один из бойцов остался караулить задержанного, а второй поднялся по скрипучему крыльцу большого пятистенного дома. Вскоре он вернулся вместе с каким-то командиром. Взглянув на пленника, тот распорядился:

— Посадить в сарай и взять под стражу. Позднее разберемся.

В сарае было холодно, из-за стены пахло навозом. Но Владимира не удручало ни то ни другое. Главней — дошел. Наконец-то он у своих. А что в арестанты попал, так то ерунда — разберутся. Поскорей бы только, а то тут и околет недолго.

Он сел на массивную колоду, босые ноги с промерзшего земляного пола переставили на сосновую чурку. Теплей не стало. Часовой у входа аппетитно захрустел сухарем.

— Слышь, товарищ, дай сухочек, — приспел Владимир, подойдя вплотную к двери. — Да и соломы бы охачпочку — задубел совсем...

Часовой долго не отвечал, потом, видимо, чувство жалости взяло верх. Просунув сухарь в щель, он буркнул:

— Держи.

Только Иконников успел догрызть горбушку, как заскрипели доски крыльца и кто-то крикнул:

— Сутормин, давай шпиона!

В комнате, куда привели Владимира, ярко горела семилинейная керосиновая лампа, освещающая накрытый газетами стол, где лежали его маузер и сигареты. Молодой командир с тремя кубиками в петлицах и со звездочками на рукавах новенькой гимнастерки прохаживался вдоль стола, заложив большие пальцы за похрустывающий ремень, на котором висела пахнущая кожей кобура. При появлении задержанного он демонстративно ее расстегнул.

— Кто тебя послал и какое задание получил? — впинаясь в задержанного буравчиками глаз, задал вопрос политрук.

Владимир, стараясь как можно четче выговаривать слова, доложил:

— Я младший лейтенант Иконников, летчик тридцатого полка авиации дальнего действия. Двадцать пятого июня был сбит над Вильнюсом, ранен... С тех пор пробирался к своим.

— Что это на тебе за лохмотья? Где твоё обмундирование?

— Сгорело после взрыва бензобаков.

Политрук ехидно прищурился и попытался, как говорится, поймать Иконникова за язык:

— А документы тоже сгорели?

— Документы мои в части. Нам их на боевые вылеты брать не положено, товарищ политрук.

— Тамбовский волк тебе товарищ, — отродился тот от Владимира. — Пистолет у тебя немецкий, сигареты немецкие... Хреново готовят фашисты своих лазутчиков.

— Это вряд ли, — спокойно возразил Иконников, — если б я был немецким лазутчиком, думаю, все бы у меня было чин чинарем: и оружие, и курево, и даже кальсоны со звездой на заднице...

— Издеваешься, сволочь?! — напустился политрук. — Фашистов хвалишь?! Вот оно и вылезло твое продажное нутро!

Владимир вдруг стало противно оправдываться перед этим дундуком, и он устало бросил:

— Пошел ты...

Политрук побледнел, вытянулся по стойке смирно, выкатил побелевшие глаза и истерично завопил:

— Панков!

В сенях раздался топот, звон опрокинутого ведра, и в комнату влетел старшина, но, увидав, что его начальника никто не режет, он перевел дух, и по его лицу стало заметно, какие слова вертятся у него сейчас на языке. Политрук тем же бабьим голосом зарорал:

— К стенке этого мерзавца! Выводи!

Старшина, слышавший из сеней весь разговор, в растерянности переступил с ноги на ногу, покосился на летчика и снова перевел взгляд на начальника. Тот, взбешенный заминкой подчиненного, перешел на свистящий фальцет:

— Я кому сказал?! К сараю эту сволочь и — в расход! Сейчас же!

Старшина исчез за дверью и тут же вновь появился уже с винтовкой в руках.

— Пошли, — буркнул он, стараясь не глядеть на пленника.

Ошеломленный происходящим, Иконников не помнил, как очутился во дворе.

— Вон туда его, к сараю, — указал выскокший на крыльцо политрук. — Пойдем!

Старшина, разозленный этим понуканием, а больше тем, что ему приходится выполнять неправый, может быть, приговор, рывком передернул затвор и, держа карабин стволом в землю, угрюмо смотрел, как приговоренный летчик ковыляет через двор.

Отец Владимира был человеком строгих правил: спиртного не пил, табачный дым не переносил и терпеть не мог бранных слов. И сына так воспитал. Над тем даже посмеивались товарищи по свердловскому аэроклубу, а в школе летчиков некоторые называли красной девицей. Но однажды пятнадцатилетним пацаном, сидя в гороховых зарослях на огороде, Володя услышал летевшую из-за забора виртуозную брань соседа — бывшего моряка. Мальчишеское любопытство заставило его прослушать тот "концерт", до конца, а память непроизвольно зафиксировала наиболее цветистые выражения. Впрочем, русскому мужику, будь он каким угодно праведником, когда жизнь доведет до последнего отчаяния, неизбежные в таком случае слова учить не приходится. И вот сейчас, когда считанные секунды отделяли Иконникова от нелепой, позорной смерти, превозмогая боль в горле, он изо всех сил прохрипел:

— Стреляйте, бога в душу мать...

Старшина с облегчением опустил поднятую уже было винтовку и, оторопело улыбаясь, проговорил:

— Нет, товарищ политрук, так загнуть может только наш. Такой музыке никакого шпиона не обучишь, это вам не азбука Морзе. Нельзя его кончать. В корпус надо отправить, нехай там разбираются.

Те несколько секунд, что политрук молчал, стали для Владимира мучительной пыткой. Ведь стоило тому цыкнуть на подчиненного, и... Но здравый смысл или боязнь превысить полномочия взяли верх.

— Ладно, запри его в сарае. А утром самолично доставишь в особый отдел, — распорядился политрук и добавил, обращаясь к Иконникову:

— Ты там попляшешь! У них своя музыка!

Он и не подозревал, насколько прав был в этом пророчестве...

Еле переставляя подкашивающиеся ноги и тщетно пытаясь унять нервную дрожь, сотрясавшую все его тело, Владимир долелся до своего узилища. Старшина принес ему солдатские ботинки, бязевые портянки и старенькую шинель без хлястика. Обувшись и поглубже запахнув полы шинели, летчик опустился на принесенную часовым охапку соломы и моментально заснул, словно провалился в бездонный колодезь.

Разбудил его скрип ржавых петель. Появившийся в проеме двери старшина сказал:

— Собирайся, поехали.

На дворе их ожидали тачанка, запряженная парой лошадей, да три конника в седлах...

В ЖАРКО НАТОПЛЕННОЙ комнате за дощатым столом сидел капитан НКВД. Подперев рукой подбородок, он спокойно смотрел на доставленного арестанта. Владимир, в свою очередь, разглядывал круглую, до синевы выбритую голову капитана, его похожий на картофелину нос и серые усталые глаза, в которых при взгляде на вошедшего

летчика выражение суровой настороженности сменилось лукавой иронией.

— Вы свободны, — сказал капитан старшине, сделав отметку в сопроводительном документе. Когда же казак, лихо козырнув и подмигнув Иконникову, покинул помещение, контрразведчик кивнул Владимиру на колченогий табурет и, глядя, как тот осторожно усаживается, предостерег:

— Я начальник особого отдела корпуса капитан Буслаев. Давайте все по порядку и подробнее.

Вспоминая день за днем свою одиссею с того момента, когда упругая волна от взорвавшихся бензобаков сорвала фонарь кабины и вышвырнула его, обожженного и раненого, из бомбардировщика, и глядя в лицо внимательно слушавшему его особисту, Иконников все время ловил себя на мысли, что уже где-то встречал этого человека, от решения которого зависела теперь вся его, Владимира, дальнейшая судьба.

— Скажите, а кто командовал вашим полком? — спросил капитан, когда летчик наконец умолк.

Потом он снова задал вопрос:

— А фамилию начальника ярославского гарнизона не помните? И где размещалась комендатура?

Выслушав ответы Иконникова и улыбаясь краешками губ, контрразведчик поинтересовался:

— А в самодеятельности никогда не участвовали?

— Было дело. Танцевал. Четку, “цыганочку”, с выходом, — недоуменно пробормотал Владимир и добавил: — Даже однажды на гарнизонный смотр пробился.

— Это когда же?

— Перед Первым мая, — вспомнил Иконников и удивился тому, что с тех пор еще и полгода не прошло, а кажется, будто тот концерт был совсем в другой жизни.

Разбухенная память вернула его на несколько месяцев назад, на праздничную сцену. Бархатный занавес еще отделял ее от зрительного зала. Сквозь его тяжелые складки доносился приглушенный стук хлопающих кресел и похожая на шум морского прибора разноголосица заполняющих ряды людей. Но вот все стихло. Полотнища занавеса плавно поплыли в стороны. Походкой человека, привыкшего ко всеобщему вниманию, на авансцену вышел начальник клуба и хорошо поставленным баритоном, слегка растягивая слова, провозгласил:

— “Цыганочка”, с выходом. Исполняет младший лейтенант Иконников. Баянист — лейтенант Порожня.

Белобрый лейтенант, словно рубаху на груди, рванул мехи сверкающего инструмента. Грянули первые аккорды напористой мелодии, и Владимир поплыл по сцене, небрежно похлопывая ладонями по голенищам хромовых сапог, блеском своим соперничающих с перламутром баяна. Широкие рукава красной, в причудливых узорах шелковой рубахи неторопливо следовали за руками. Мелодия набирала силу, обрушиваясь в зал подобно лавине. Дробь каблучков пустилась вперегонки с пальцами баяниста, отчаянно метавшимися по черным кнопкам. Зал завелся, что называется, с полуборотом. Он притопывал и прихлопывал в такт танцору. Кто-то из сослуживцев, не выдержав, крикнул:

— Сыпь, Володька!

И он сыпал, ох и сыпал!

Вдруг бешеный поток аккордов оборвался, словно наткнулся на невидимую преграду, и через секунду баян выдал озорное “кука-ре-ку!”. Но Владимир был готов к этому сюрпризу аккомпаниатора. С первой же “петушиной”, нотой он бросил на руки свое гибкое, тренированное тело и, сделав в воздухе кувырок, встал на ноги одновременно с последним звуком шуточного аккорда.

Зал взорвался бурей аплодисментов. Подняв голову после очередного поклона, Иконников увидел бритоголового капитана, который, вскочив со своего кресла в первом ряду, неистово хлопал огромными ладонями и кричал: “Молодец! Орел!”

И сейчас Владимира будто снова подбросило взрывной волной. Пораженный, он замер на полпути от табурета до дощатого стола, за которым сидел и улыбался тот самый восторженный зритель.

Через несколько минут, когда летчик уже пришел в себя, капитан инструктировал вызванного сержанта:

— Младшего лейтенанта накормить, обмундировать, потом — в баню и в санчасть...

Выйдя на крыльцо, Владимир увидел поодаль тачанку, а в ней — казака-старшину. Тот привстал и, не обнаружив за спиной Иконникова конвоя, уже догадываясь об исходе дела, спросил:

— Ну как?

Вместо ответа Владимир задробил каблучками солдатских ботинок по крыльцу, по ступенькам, по примороженной тропинке. Остановившись перед тачанкой, счастливо улыбаясь, он прохрипел своему недавнему конвою:

— Политрук ваш грозился, мол, я тут попляшу. Так и передай: плясал, дескать, “цыганочку”, с выходом.

— Ты бы так перед политруком сбавил, — предположил старшина, — глядишь, и без обостов обошлось бы.

— Хрен ему от бомбардировочной авиации с полутонную бомбу! Это тоже передай.

— У меня же не тяжеловозы — скаковые лошадки, — захохотал старшина и, щелкнув поводьями по бокам рысаков, покотил со двора. Уже в воротах он обернулся и крикнул:

— Летай, парень, и больше не падай!

На следующий день, прожая Иконникова в часть, капитан-контрразведчик крепко ухватил его руку своей лапшей и напутствовал:

— Воюйте так же здорово, как танцуете. И не тушуйтесь, за одного битого, как известно, двух небитых дают. Сдается мне — я вас еще Героем увижу...

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года командиру эскадрильи 30-го гвардейского полка бомбардировочной авиации дальнего действия гвардии капитану Иконникову Владимиру Дмитриевичу присвоено звание Героя Советского Союза.

Заслуженный военный летчик СССР, кавалер многих орденов и медалей полковник в отставке В.Д.Иконников, три года назад перешагнувший семидесятилетний рубеж, часто вспоминает своего фронтового “крестного”, его рукопожатие и пророческое предсказание. А вот увидеться им больше не довелось.

ЕВГЕНИЙ ЕРХОВ

Тридцать с лишним лет прослужил во внутренних войсках Евгений Иванович Ерхов — полковник запаса, автор шести поэтических книг, член Союза писателей.

Он родился в 1936 году в Заволжье. Как и многих сверстников, его осиротила война и воспитал детдом. Но непростые житейские условия, раннее взросление сформировали характер этого человека, этого поэта, замеченного и поддержанного в начале творческого пути Ярославом Смеляковым.

В семидесятые годы, когда на поэтической арене непрерываемо было слово фронтовиков, именно Ерхов осмелился возразить Межирову ставшими не менее знаменитыми, чем у его оппонента, строками:

Не на войну моложе мы —
на детство,
которого лишила нас она.

ХОЛОДНОЕ ВРЕМЯ

* * *

Пора за стихи приниматься —
в душе, как и в жизни, серо.
И мускулам время размяться,
пудовое сдвинув перо.

Друзья отрезвляют:
— Пустое!

Считают, от жизни далек, —
в Отечестве рушат устои,
а я на бумагу налег...

О милые, верные друзья,
и сам я растерян и смят —
в решеньях поспешные руки
готовы поднять автомат.

Но кровью не выстроить крова,
хотя нам иное орут.

Вначале что было-то?
— Слово!

Оно подвигает на труд.

А будет успех или нету —
того не дано угадать,
но муку изведать поэту
отпущена все ж благодать...

ЛЕБЕДА

Мы кузнецы, и дух наш молод.
Ф.Шкулев, 1912 г.

В России снова голод-холод,
беда-луда,
но и сегодня дух наш молод,
как лебеда,
что на любой бесплодной ниве
(кому нужна?)
бушует — нет ее счастливей!
Тем и страшна.

РОССИИ

Сермяжная да лапотная...
Ах, —
чужая брань на вороту не виснет.
Твоя соха, управившись в полях,
пробороздила солнечные выси.

Разинув рты, Европа замерла,
когда из рук явившего отвагу
ты у крыльца достойно приняла
шинель его —
исконную сермягу.

ОТПРЫСК

Отвлекал меня от ужина,
зыркая из-под бровей,
с бородой, как у хорунжего,
отпрыск княжеских кровей.

Понимал я — не наделами
дедов мы отдалены,
а графинами отдельными
две нетрезвых стороны.

Родословною не хвастаю,
но и мне была близка
спетая им залихватская
Песнь Ахтырского полка.

Никогда не станут чуждыми
все, стоявшие за Русь.
Рюмки сдвинуть было нужно нам,
сбросить отчужденья груз!

Но ершил он взгляд неласковый —
укорял ли? задирал? —
пьяно, как перчаткой лайковой,
рот салфеткой утирал.

Ничего в нем нет опасного!
К самому себе жесток
«его светлости» Апасова
угасающий росток.

СОЛОВЕЙ

Соловей, а, соловей,
не твоих ли я кровей —
может, не славяне
мы,
а — соловьяне?..

Впрочем, что мне твой ответ! —
ты поешь, я разве — нет?
Мы с тобою братья,
начал понимать я.

Звук послушный не по нам —
оба свищем не панам,
а вполне достойно,
потому — разбойно...

Если мы и не родня,
все равно судьба одна:
целят в нас свинчаткой
ружьецо с рогаткой.

Только прежде чем упасть,
мы найдем на них напасть
самою опасной
песней — неподвластной...

Соловей, а, соловей,
ты гнездо покрепче вей —
возле Карачара
сила одичала.

Для нее — то, брат мой, князь
дух изводит на указ:
оглушил дубиной —
разжился полтиной...

Ой ты гой еси, земля
под бойницами Кремля!
...Холодом подуло
на меня сквозь дула.

ПОПЫТКА ЗАВЕЩАНИЯ

Ни креста на могиле,
ни камня не надо.
Если ж сердце в тебе содрогнется:
— Родной! —
ветку яркой калины из нашего сада
посади безо всяких примет надо мной.

Предоставь ее ветру,
дождям и метелям,
ведь и сам я не в холе стесняющей
рос,
потому и легко привыкалось
к шинелям,
и на мне проверялись они на износ.

Что поделаешь,
выпало счастье лихое.
И любовь не накатанным трактом
прошла! —
нам с тобой на две жизни хватило
с лихвою,
аж до доньшка
каждому сердцу прожгла.

Что мне рай или тощие рощицы ада, —
жил земно,
по-земному хочу истлевать!
И душа горькой ветке
окажется рада, —
где еще о себе
тебе погоревать.

Пусть растет она, сил набираясь,
кустится,
из листвы вытряхает пичужек
в рассвет.

Может статься, душа твоя
здесь угнездится,
и окажется — вечной разлуки — то нет.

А томит нас тоска журавлиного клина
и зовет, простираясь от сердца
до звезд...

И ярится под нашим окошком
калина,
невесомо кружа
с колыбельками гнезд.

Андрей ДЕНИСОВ

ИСТОРИЯ С АПЕЛЬСИНОВОЙ ЛУНОЙ

ПОВЕСТЬ

1

ТЕМНЫЕ оттаявшие камни блестят, словно шляпки маслят. Степь пахнет сырими простынями, иногда, когда ветер от сопок, — йодом. Такие здесь первые признаки весны.

При соответствующем настроении, конечно, можно было заметить и ожившую почку на березе, и зазеленевшую былинку, и уже проснувшегося изумрудного жучка, греющегося на солнце, но вымотанной марш-броском роте не до таких деталей. Она жадно глотает йод, костерит предательски скользкие «маслята», и недовольно косится вверх, желая облачности. В тени бы побыть минут пятнадцать, отдышаться.

Метрах в ста пятидесяти от кучкующей роты сидит возле уазика командир полка, до удивления добродушно шурится на солнце. Вид у него немного сонливый, но ротный, капитан Чурасин, знает, как легко можно обмануться в этой рассеянной улыбке полковника, и потому без лишней вольностей, хоть и без подобострастия, стоит перед начальством. Чурасина за глаза зовут Чапаем. Невысокий, гибкий, как лоза, быстрый в движениях. Но главное — усы у него, как у прославленного комдива. Прикрывают шрам, рассекший верхнюю губу.

— Что, Чурасин, не отстаешь еще от своих офицеров на марш-броске? У тебя вон какие ребята молодые есть!

Чурасин только улыбается, чуть пожимая плечами: видали мы, мол, таких молодых.

— Николаев от тебя уходит, бумаги на него уже пришли. Жалко небось отпустить?

— Хороший взводный.

— А чего же не уговорил остаться? По каким причинам уходит?

— Много причин, товарищ полковник. Он молодой, а невест тут, в глуши нашей, не найти. Ни театра, ни библиотеки, ни цирка...

— Да брось ты, «цирка»! У нас служба сплошной цирк, что тут, что там, куда он просится. Или думаешь, там у него будет время по избам-читальням сидеть? И девки уж кого-кого, а Николаева, мне кажется, пока не очень интересуют. Это не Исаенко, так, нет? Николаев у тебя сам вроде девицы: не курит, не матерится, не пьет. Хороший парень.

— Так ведь не только ж я, и вы его отпускаете, товарищ полковник.

— Отпускаю, — помолчал немного, повторил: — Отпускаю, Чурасин. Прав ты, прав. Для такого, как он, у нас тут тоска. И потом, не на курорт рвется. Ему все пощупать надо. А пощупает — или из войск сбежит, или генералом станет. Вот потому и не хочу ему крылья подрезать. Зови-ка его сюда.

Со старшим лейтенантом полковник говорит сухо, официально. Мол, ваш рапорт о переводе рассмотрен, удовлетворен, на часть соответствующая бумага пришла, так что прямо завтра получайте бегунок и...

— Все понял. Разрешите идти, товарищ полковник?

Ничего не прочтешь на лице Николаева. Комполка вздыхает, потом совсем иным тоном спрашивает:

— Без обид от нас уезжаешь, Сергей?

— Я в отпуску сюда буду приезжать, товарищ полковник. Честное слово!

Полковник улыбается, вроде и хочет согнать улыбку с лица, да ничего у него не получается.

— Ты звездочку-то свою старлейскую обмыл?

— Нет, не успел. Теперь уже все заодно: и отъезд, и звание, и сдачу инспекторской.

— Ресторан заказал, что ли?

— Был бы город поближе, товарищ полковник...

— Значит, Лидия Владимировна бал устраивает?

— Так точно.

Полковник смотрит на ротного, и во взгляде этом ясно читается: «Пьянку, значит, на дому устраиваешь. Ну пого-

ди, Чурасин, попадешься на чем-либо — припомню!»

Чурасин смотрит на командира: «Ну что поделать, вот такой он, Николаев, — чистой душой. Ни обмануть, ни промолчать не может. А насчет застолья не волнуйтесь, все будет о'кэй».

— Ну ладно, — прочитав до конца мысли Чурасина, говорит полковник. Садится в уазик и аккуратно закрывает дверцу: — Завтра жду.

2

ЛИДА — жена ротного. Такая же, как он, худенькая, быстроглазая, только более словоохотливая и веселая. В этот день она была единственной представительницей женского пола в доме. Николаев не женат, лейтенант Исаенко, тоже командир взвода, не женат, у старшего лейтенанта Рафикова жена к маме уехала — рожать ей скоро, а здесь ближайший роддом за семьдесят километров. Уехала жена и у капитана Никитина, опять же к маме, но по другому поводу. Оставила мужу короткую записку в одно слово: «Надоело». И вещей не забрала. Три месяца прошло, но даже письма не прислала. Дочь, правда, написала, двенадцать лет ей, с днем рождения поздравила.

Капитану Никитину тридцать три, из офицеров в роте он самый старший, но все, даже Николаев, зовут его по имени: Женя. За столом он сидит рядом с Лидой, слушает ее, глядя куда-то под стол, виновато и согласно качая головой.

— Ты, Женя, когда захочешь выпить, бери бутылку и иди ко мне. В моем доме хоть и сухой закон, но с тобой я рюмашку дерну. Не больше. Но и тебе больше не дам. А одному в четырех стенах глаза заливать... Ну ты же не последний алкоголик!

Никитин криво улыбается, продолжая царапать клеенку ногтем:

— Глаза... Какие глаза? Я сегодня самую малость. Так, для поднятия духа. Я что, каждый день пью, что ли?

— Этого еще не хватало, — покачала головой Чурасина.

— Ну вот. А сегодня расслабончик себе устроил. Я ведь пашу. Командир скажет, как я пашу. Я могу и день, и ночь... Я всех своих контролеров знаю как пять пальцев. Если б у меня в семье было все нормально, думаете, я бы до большего не дослужился, думаете, так и торчал бы в этой дыре?

— Ты иначе скажи, Женя. Было бы у тебя все нормально, ты поселок бы за дыру не считал, так?

Никитин разводит руками:

— Тоже верно. Логично, — и опрокидывает стоящую перед ним чашку кофе. Ротный прищуривает глаза, кажется, собирается что-то сказать, но Лида успокаивающе похлопывает его по коленке, шепчет: «Завтра, завтра выскажешься». И поворачивается к Исаенко:

— Володя, что-то мы скучные сегодня.

Анекдот расскажи, что ли.

— А у меня в запасе лишь неженские анекдоты.

— Господи, где же ты здесь женщину видишь? Я такая же, как и вы, только в юбке. До семнадцати лет с отцом военные городки меняла, он мне и маме все говорил: потерпите, мол, вот получу назначение в райский уголок... Рай не рай, но хоть трамваи есть. Трамваи есть, а жизнь уже, считай, позади. А я продолжаю мотаться, с этим вот теперь, — и кивнула на Чурасина.

— А зачем же замуж за военного вышла?

— Так и он же рай обещал. И потом, Володя, у него такие усы тогда были!.. Это сейчас редеть начали, вниз опускаться.

Она тронула пальчиками усы мужа, прижалась на миг к его плечу:

— Не знаю зачем. Чтоб вам всем, наверно, не так тоскливо за этим столом сиделось. Ладно, трави свои анекдоты.

Исаенко прикрыл глаза, прикидывая, о чем рассказать, потом начал:

— Приезжает, значит, в такую забытую Богом роту, как наша, генерал и говорит...

— О, Господи! — вздохнула Лида. — Анекдоты — и те служебные.

— Ладно, тогда я другой. Вызывает комдив ротного и говорит... Чего вы смеетесь? Дальше не по службе, честное слово. Дальше о... Нет, я при Серее не могу рассказывать, я при нем краснею... Пошлите его на кухню, пусть еще кофе вскипятит, что ли.

Николаев встал из-за стола:

— Да я и сам хотел... Где там спички лежат?

— В столе, в правом ящике. А кофе в металлической коробке, рядом с хлебницей.

Сергей, не зажигая на кухне света, подошел к окну. Ночное небо было черным, без звезд и потому казалось низким, лежащим на вершинах сопки. Вдалеке вспыхнул прожектор, зашатался голубоватым столбом, высветил на миг голый холодный бок ближайшей сопки, ушел вверх и потух. За стеной не умолкал хохот. Заразительнее всех смеялся Володька. Рыжеватый, веснушчатый, с плоским ширококулым лицом, он преобразился, когда смеялся. Наверное, знал это и потому постоянно ходил с улыбкой на губах.

Когда Сергей вошел в комнату, все уже успокоилось, и только Лида, разминая в пепельнице сигарету, выхваченную изо рта мужа, весело спрашивала Исаенко:

— Что-то у тебя все анекдоты про невест. Не жениться ли вздумал, а? Недаром к невестам едешь с Шамилем аж за тридцать кмэ, в Ипатовку.

— Я бы и в Москву ездил, да кто же на меня, на рыжего, там смотреть будет? А в сопках я первый парень. Шамиль только мотоцикл заглушит — и они со всех сторон как мухи на мед к нам слетаются. Одна пол-литра тащит, другая блины...

— Ох и трепло ж ты, Исаенко!

— Ну вот, — прикинувшись обиженным, вздыхает Володька. — Не верят. И кому? Тогда я вот что вам скажу. Сереж, может такое быть, что тебя на новом месте службы сразу в отпуск отпустят, а? Ты же по графику нашему в мае пошел бы... Так вот, хочешь, часа через три я для матушки твоей платок оренбургский привезу? Мои невестушки среди ночи его раздобудут, стоит мне лишь слово им сказать. Я ни с кем не прощаюсь, Сережа ведь здесь пока будет? Вернусь — и Шамиль отвезет его на вокзал. Договорились?

Николаев проводил Володьку до дома, где жил Шамиль Сафиуллаев, прапорщик из их роты. Тот уже возился с мотоциклом, привинчивал к нему зеркальце, разглядывал в нем свое прыщавое лицо в свете раскачивающейся на столбе лампочки. Удивленно взглянул на Сергея:

— Вы с нами, товарищ старший лейтенант?

— А если с вами?

Шамиль пожал плечами:

— Найдем и вам, конечно. Только... — он ощерил в улыбку крепкие кривые зубы. — Только это такая стерва — о!

— Валька-телятница, что ли? — спросил Исаенко. И не дожидаясь ответа, продолжил: — Замордует. Особенно если узнает, что нецелованный ей достался. Зверь-девка... Да брось ты, Серега, краснеть, в ночи лицо светится, честное слово. Ну не святые мы! Вот ты святой, а мы не святые. Хочется нам не только портянки нюхать, понял? Мне самому, может, от этой Ипатовки тошно, а что делать? Надо ж хоть перед кем-то в костюме походить, который год назад купил...

Исаенко в деревне задержался. Капитан Чурасин хотел уже ротную машину вызывать, чтобы добрался Николаев до вокзала — а это те же тридцать кмэ, но в другую сторону от Ипатовки, когда под окнами взвыл на перегазовке, а потом по-песью захлебнулся в крике мотор мотоцикла. Сергей выскочил на улицу уже с чемоданом. Володька натягивал

на руки краги Шамяля и оттирал того от руля своим худым телом:

— Ну где ты у нас ГАИ видел? Тут кроме твоего драндулета вообще никакого транспорта не водится, а ты про аварии талдычишь.

У Сафиуллаева кулак с Володькину голове, но все же он пятится от Исаенко и не совсем уверенно говорит:

— Нельзя же без прав...

— Кому их тут показывать, Шамиль, медведям, что ли? Садись сзади, Серега, и держись крепче!

К поезду еле успели, пришлось прямо с мотоцикла прыгать на подножку вагона.

— Слушай, — сказал на прощание Исаенко, шагая рядом с еще не набравшим ход вагоном, — платок я достал, как и обещал. Держи. А ты в отпуск действительно к нам приедешь? Я это к чему: жить же теперь будешь среди донских казачек, а они там такие... Привези хотя бы адресок нормальной девчухи, а? И фотку ее. Впрочем, фотку не обязательно. Не говори ей только обо мне все. Я ей такие письма писать буду! Привези, а?

3

КАЖЕТСЯ, больше всего обрадовался прибытию Николаева к новому месту службы начальник штаба батальона:

— Как вовремя, черт возьми! Борт на Кавказ на следующей неделе намечается, а у нас с заменой так туго!.. Ротный проинструктирует.

Об отпуске Сергей, ясное дело, не заикнулся.

С инструктажем тоже вышла заминка. Командир роты, капитан Беликов, как раз в эти дни забирал жену из роддома: родила сына-первенца, встречал и обхаживал тещу, — первый раз после свадьбы приехала, не хотела дочь за военного отдавать и потому зятя не жаловала, — все не мог побеседовать с Николаевым накоротке. Сталкиваясь с ним на плацу, поглядывал так, словно хотел спросить: “Ну как там дела, на Марсе?.. Лишь за день до отлета состоялся меж ними короткий диалог:

— Так ты из конвойки к нам? И ни разу не был в командировке?

— Ни разу. Что хоть надо знать для этого?

— А там все увидишь и узнаешь. Араку пил? Нет? Тогда главное — не спиться. Она такая зараза... Вообще не пьешь? А чего ж ты к нам просился?

Капитан при этом так на него смотрел, что Сергей даже не понял, шутит он или говорит вполне серьезно.

На Кавказе было другое пространственное измерение. Будто кто взял ту же

лесостель и сжал ее в горсти. Было тесно от валунов, поселков, дорог, от обилия начальства и вводных. Временное измерение тоже стало иным: время, видно, побывало в той же горсти. Казалось, лишь от вдоха до выдоха вмещался день, когда проводились операции, когда качались горы в иллюминаторе вертолета, набивала зад броня «бэтра». Но растягивались в вечность часы безделья. Особенно тягостно было Сергею вечерами, при комарах и духоте. В первый же такой свободный ото всего вечер ротный пригласил его зайти после того, как улягутся спать солдаты, в канцелярию. Канцелярия была здесь и бытовкой, и каптеркой, и комнатой для офицеров. Когда Сергей зашел сюда, командир, старшина и двое старших лейтенантов, все в тельниках, сидели за столом. Как-то так получилось, что в суматошных этих первых днях Николаев ни с кем толком и не познакомился: сам он был не больно компанейский, а ему навстречу делать первый шаг никто не спешил. Теперь он был рад посидеть с теми, с кем придется служить бок о бок, может быть, не один год.

Ротный вытащил из стола стакан, поставил перед ним:

— Ну что, Николаев, за знакомство?

Налил ему из чайника, стоящего посреди стола, полстакана, и только тут Сергей понял, что капитан предлагает ему не чай, а спиртное.

— Я — нет, я не пью, действительно не пью.

— Ладно, не ломайся, я разрешаю. Тебе службу только завтра вечером нести. В засаду со своими пойдешь. Дома беженцев взрывают, предоставляешь? Им мало того, что люди ушли, надо — чтоб никогда не вернулись, чтоб некуда было возвращаться. Вот и покараулишь... Садись, чего стоишь? Вон тушенка.

— Я пить не буду, товарищ капитан.

Ротный откинулся на спинку стула, не глядя, нащупал на стене свой краповый берет, надел по-залихватски набор:

— Свободен, поручик! — сказал, растягивая слова, и тотчас резко повернулся к нему спиной, обратился к одному из офицеров:

— Так говоришь, Федя, купить тебя хотели, да?..

Сергей вышел из кабинета.

Следующие дни ничем особым отмечены не были. Николаев побаивался, что ему устроят нечто вроде бойкота, но таких глупостей здешняя боевая обстановка терпеть не могла. Ротный, правда, обращался теперь к нему сухо, строго по-установному, на вы, но Сергей воспринимал это спокойно, без обиды. Так ему, пожалуй, было даже легче осваивать новые обязанности.

В один из вечеров к ним нагрянуло столичное начальство. Было несколько непривычно видеть полковников, раскуривающих сигареты вместе с солдатами, вместе с ними же толпящихся у трех сосков умывальников. Там, где служил раньше, о приезде чинов узнавалось заранее, драили казармы, по-новому размечали плац, вылизывали караульные помещения, точно знали, кто чем будет интересоваться и кто кого будет сопровождать. Высокие гости все были какие-то осанистые, царственные. А у этих — воспаленные глаза, плохо бритые щеки. Один из них почти всю ночь провел с Николаевым. Обходил посты вокруг КПП, к утру знал по фамилиям всех и из группы прикрытия, и из группы досмотра. А с Сергеем познакомился, уже когда рассвело:

— Вы не тот ли Николаев, который по рапорту сюда перешел? Как раз я рапорт ваш и читал. Что, пока не жалеете о переводе? Там-то спокойнее было. А тут — слышали, рядом нападение на КПП, захват оружия. Беликов у вас, правда, молодец, службу организует как надо, но и те, кто нападает, тоже не пацаны... Страшно не бывает, Николаев?

— Нет, товарищ полковник. Я ведь знал, куда просился.

— И я знал, зачем погоны надевал. А все ж — страшно. Не за себя, конечно... И за вас, и за тех дураков, которые сюда захотят сунуться... Люди...

Как в воду глядел столичный гость. На следующий день, после полудня, на смотровую площадку въехал уазик с российским триколором на дверце. На таком и вчерашнее начальство подъезжало. Из машины вышли люди в милицейской форме и камуфляже. Сергей следил за ними из вагончика. И еще он видел, как на подъезде к КПП тормознули, не заглушив моторов, два автобуса. Как может развиться далее такой сценарий — об этом ротный и говорил на инструктаже, приводя в пример события, случившиеся на соседнем КПП. Приезжие постараются блокировать вагончик, превратив офицера в заложника, подадут сигнал автобусам, чьи пассажиры-боевики начнут разоружать войсковой наряд.

Двое из уазика идут к вагончику, у переднего рука в кармане. Что там, пистолет, граната? Надо двинуться навстречу, надо спровоцировать его на действие.

Граната. Идущий поднимает ее над головой, кричит, матерясь:

— Командир, ни ты, ни твои люди нам не нужны, только оружие. Все вы под прицелом, положишь солдат — пойдешь «под вышку».

Сергей фиксирует действия бойцов: все нормально, все как надо. И боевик,

видно, понимает, что врасплох офицера не застал, но не отступает. Сейчас кинет, пора стрелять...

Граната из простреленной руки падает за спину нападающему, взрывная волна бросает его на Николаева. Верещит зайцем второй боевик, тот, что шел следом. Хор автоматов бьет над головами пассажиров "уаза", разворачиваются и быстро исчезают из вида автобусы...

Вечером, когда начальство само уже устало расспрашивать Сергея обо всех деталях происшедшего, капитан Беликов сказал ему мимоходом:

— После отбоя зайди.

Тот же стол, тот же чайник, те же офицеры роты. Плюс коробка конфет и стакан крепкого горячего чая.

— Пей, это для тебя... А ты вообще ничего. Единственное, что хреново, — араку не пьешь. Или это дело поправимо, а?.. Ладно, рассказывай, кто, откуда и зачем пожаловал. А на нас не косись. Во-первых, мы пьем чисто символически, а во-вторых, и эту символику знаем, когда употреблять...

— Нечего мне рассказывать, товарищ капитан.

— Герою — и нечего? А ты хоть сейчас соображаешь, что было бы, если бы промахнулся, не перебил ему руку, а?

— Как промахнулся? Я же в рапорте писал, что умею стрелять.

— Сработаемся! — сказал ротный. — После командировки сразу в отпуск пойдешь, а потом, чтоб уже не отвлекаться, влезешь в нашу упряжку...

4

НЕДЕЛЮ пожил у мамы. Но побывать в отпуске и не приехать в деревню, к бабушке, где прошло твоё детство?!

Пыль тянулась за автобусом длинным хвостом, старательно выгибалась на всех поворотах и не спешила оседать. В заднее окно ничего не было видно, кроме серого занавеса. Но вот автобус пошел не так мягко — грунтовка сменилась разбитой асфальтовой лентой, и это означало, что скоро появится Полюновка. Полуразрушенная ветряная мельница, длинный пруд с грязно-зеленой водой, забитый гусьями, деревянная будочка автостанции. Отсюда до дома бабушки метров двести: по выбитой в жесткой траве тропинке в сторону просторной улицы в десяток домов по каждую сторону. Четвертый дом справа, некрашенный потемневший штакетник, позеленевшая черепица на крыше, знакомый деревянный стол, вкопанный под яблоней, правда, он кажется меньше, чем был раньше...

Дед Вася заметно располнел, ходит теперь только с палочкой, но в подвал лезет сам и ставит на стол бутылку вина из своего винограда.

— Я, Серега, у своего исполкома, — кивает головой на бабушку, — отстоял право на то, чтоб сухой закон не вводиться. У вас в войсках как с этим? Да знаю, что не пьешь, но это ведь даже не вино. Так, сок забродил. Держи стакан.

Вышла из кухни бабушка, начала разливать по тарелкам борщ, взялась было за нож, чтоб нарезать хлеб, но Сергей остановил ее:

— Можно так? — и отломил руками краюху от еще теплой буханки, принесенной из пекарни.

— Где ты там, как? — спросила бабушка, садясь рядом с ним на деревянную скамейку.

Пожал плечами: о чем рассказывать? О Кавказе, о забайкальских сопках? Почему-то вспомнились именно они. Редкий лес, камни, четыре десятка домов, где живут лишь офицеры, прапорщички колонии да роты, — бабушка ведь еще не знает, что он уже на Кавказе, не надо это пока бабушке знать...

— И у нас домов мало, — сказала бабушка, присела рядышком, и у Сергея то ли от выпитого, то ли от воспоминаний о чем-то добром закружилась голова, стало невесомым тело, до того невесомым, что могло, кажется, взлететь и ждало только разрешения на это. Хотелось тихонько запеть и заплакать. Хотелось немного побыть одному в этом мире, где старая груша с гнездом пустельги, и пестрый удод, живущий в коробе крыши, и маленькие копенки сена в синеющей под вечер степи, — все это, о чем тревожилась память, не исчезло, не изменилось даже, все было его...

— Евдокия Васильевна, можно к вам?

— А чего ж! Проходи к столу, Ира. Выпей-ка сухого, внук к нам приехал вот.

...Это гостя из того, из дальнего мира, узнаваемая и простая. Длинная тяжелая юбка подвязана матерчатым пояском, кофта темная в горошек, такие у бабушки в сундуке лежат. Она садится напротив Сергея, говорит что-то о молоке. Бабушка поясняет: соседи купили дом вместо дачи, тот, где Кацапова до смерти жила, корову не держат, а Ира к тетке на лето приехала, молоко любит, вот и заходит за свеженьким.

...А Ира ничуть не старше его самого, даже моложе. Робеет под его взглядом, смущенно опускает глаза. И это тоже, как старое гнездо пустельги, ожидаемо, и потому хочется назвать сестрой тоненькую белолицую девочку, которой так идет крестьянский наряд, и прочесть ей что-то из Рубцова, и снисходительно выслушать ее повесть о несчаст-

ной любви — у таких большеглазых застенчивых девочек всегда хватает фантазии сочинить повесть о несчастной любви...

— Ты подожди, скоро наша Зорька со стада вернется, — говорит бабушка. — Нацелу тебе свеженького, парного, такого в своей Москве не попьешь.

В Москве? Она сидит прямо перед ним, лицо к лицу, босая, простенькая, как воробышко, с травинкой полыни, прицепившейся к плечу. И все невесомей становится тело.

Смуглеет вечер, сладко пахнет сад.

— Значит, иди утречком к Хомутовой запруде, — в который раз говорит дед Вася. — Слева остров камыша увидишь, там место прикормленное... А то прямо с ночи топай, в стожках переспись. Давно в сене не спал?

Сергей, улыбаясь, кивает.

— А темноты боишься — соседку бери, она вроде девка ничего, проводит.

Бабушка недовольно перебивает:

— Ну, ты начал плести! Напился, что ли? Прости ты его, старика, Ира, такое городит!

— А чего? — продолжает дед Вася. — Внук мой плохой, что ли? Да и она — как картинка. И годы в самый раз. Ты, бабушка, не помнишь, в каком возрасте бегала со мной по ночам подсолнухи ломать, а?

— Да перестань же ты!.. Иди лучше спать. Иди, иди. А я стадо встречу, уже время.

— Вы на какой должности служите? — спросила Ира.

— Пока командир взвода.

— Там красиво, в ваших местах?

Да какая она москвичка! Ничего она еще не видела, кроме этой деревни, решает про себя Сергей. Сидит, поджав босяе ноги, положив подбородок на кулачки. Вечер размыл черты ее лица, и Ира кажется совсем маленькой. Однако ляпнул при ней дед Вася! И как она сразу после его слов домой не сбежала?

— Вы что молчите? Красиво там?

Он вспомнил высокое кавказское небо, мутноватые ручьи, которые горцы почему-то называют речками, каштановых орлов с белыми головами... А потом — сопки, степь, пахнущую сырими простынями...

— У нас лучше, — сказал он. — Тут ночи такие! Когда полнолуние и выходишь в степь, подальше, чтоб домов не было видно, то — как на другой планете.

— Вы меня приглашаете на эту другую планету?

Тихие, как тревожный шелест, слова. Ее лицо лишь угадывается, лицо прекрасной, невиданной девочки...

Бабушка выходит из коровника, и Ира рывком встает из-за стола, идет навстречу, берет из ее рук трехлитровую банку молока:

— Спасибо. А деньги я завтра занесу.

Идет до ворот и лишь там, в свете лампочки, горящей над калиткой, бросает на Сергея быстрый веселый взгляд...

Бабушка, узнав, что Сергей все-таки собирается идти на рыбалку сейчас, вздыхает: "Ох уж этот дед, взбаламутил ребенка", — и начинает собирать сумку с едой. А он просматривает удочки, не может ни на чем сосредоточиться и кое-как, рассеянно выбирает коробки с запасными крючками. Сердце колотится, как после кросса, в такт ему дрожат первые звезды на небе, и мятный холодок живет в груди, и никто не знает, почему так невесомы сейчас и удочки, и сумка, и наброшенная на плечи дедушкина теплая куртка...

Да знает он все, знает!

Через длинный огород идет к степи. Идет прямо на огромную апельсиновую луну, вызревающую над горизонтом. Чтобы выйти к Хомутовой запруде, надо долго идти прямо на нее.

Заканчивается огород. Как у вора, колотится сердце.

— Эй! — шелестит тихий голос из соседнего сада. — Так вы согласны показать мне другую планету? Тропинка туда какая-нибудь есть? А то я босиком, а полынь колется.

Они молча идут в степь. Уже не видны огни в окнах домов, и дома сами растворились в ночи, и перепела шуршат под самыми ногами. Луна выросла в четверть неба, светит так, что частые копны сена отбрасывают тени.

Все, думает Сергей, пора ей возвращаться, пора. И понимает, что она не вернется, и предчувствие необычного, неизведанного так кружит голову, что, кажется, качается земля под ногами.

— Ой, колко! — она покачивается, машет рукой, ища опоры, и эта рука ее ложится ему на плечо, скользит дальше, к затылку, и уже рядом ее распахнутые глаза, и влажные губы, и вся — вот она, рядом. Расстегнутая блузка, почти открытые облитые луной груди.

— Брось удочки, — говорит Ирина. — Иди сюда, иди...

Она отходит все так же лицом к луне, даже не отходит, а отплывает, медленно, долго, пока не вздрагивает тихо от соприкосновения с ее плечами копна сена.

— Иди...

И тело его окончательно теряет весомость, взлетает выше апельсиновой луны, исчезает в жаре и холоде бесконечного неба...

Потом только слова — и ничего больше — появились на той, другой, на их планете.

5

- Я У ТЕБЯ первая, да?
- Откуда ты...
- Так, догадалась. Какие ты мне слова говорил, Господи!
- Я их могу повторить, все до единого.
- Не надо. Сейчас — не надо. Я не люблю, когда переигрывают.
- Ты мне не веришь?
- Ты хороший мальчик. А хорошим мальчикам верят еще меньше, чем плохим. Говори только то, о чем думаешь, не сочиняй ничего.
- Я люблю тебя. Я думаю, что мы действительно на другой планете и кроме нас здесь никто не живет. Я буду любить тебя всегда и хочу, чтобы ты верила мне.
- Меня не за что любить.
- У тебя необыкновенные глаза, губы и очень красивые плечи.
- Ты просто не видел плеч других женщин.
- Их нет, других. Не было и не будет. Какая ты вся!.. Тебе не холодно? Вот куртка.
- Спасибо. Вот такая я вся, Сережа, вот такая. Стерва, да? Первый раз тебя увидела... Послушай, у тебя нет сигареты? Я уже почти месяц не курила. Бросить решила. А сейчас — не могу.
- Тебе и не надо курить, я тебе не буду разрешать курить, слышишь? Ты что улыбаешься?
- Просто... Так говорят, когда... Когда не надо завтра прощаться.
- А кто тебе сказал, что мы простимся? Мы не для того встретились, чтоб расстаться. Я не отпущу тебя.
- Не отпустишь? До самого утра?
- Почему ты мне не веришь?
- Потому что... Но мне все равно хорошо, когда так... Ты говори, говори.
- Я никогда и ни у кого не видел таких глаз.
- Конечно. Где там, в сопках, женщины? Тебе сейчас любая — красавица.
- Глупенькая. Ты действительно красавица, и сопки тут ни при чем, я не только там бывал... Ты лучше всех, это правда... Ты плачешь? Почему у тебя слезы?
- Не спрашивай. Говори.
- Я не знаю, что тебе говорить.
- О чем ты сейчас думаешь?
- Думаю, как мы будем жить. У меня пока нет квартиры, а назад проситься, конечно, нехорошо. В поселке бы сразу дали, колония хорошо строит.
- Колония? В поселке? Это как?
- Там люди хорошие. Жена нашего командира, Лида... Тебе, как и ей, солдаты будут приносить со стрельби-

ща цветы. Мы за малиной ходить будем. Печь топить. Зима, мороз, а мы у огня, вот так...

— Боже, какой ты чистый! Тебе не в армии надо служить, тебе надо стихи писать. Ты не пишешь стихи?

— Ты злишься. Это все потому, что ты мне не веришь. А ты поверь мне. Вот давай поговорим серьезно...

— О серьезном голыми не говорят, это же смешно... Послушай, неужели же все, о чем ты говоришь, — искренне, а? Неужели ты сам веришь, что можешь повезти меня в какие-то сопки или тайгу?

— Я уже там не служу, на Дону сейчас и толком не осмотрелся. Если нет общежитий для семейных, снимем угол. Там тоже коллектив вроде ничего, молодые все.

— Подожди-подожди-подожди! О чем ты, а? Что ты такое говоришь? Ты вправду хочешь, чтобы я с тобой поехала? Я, которую ты совсем не знаешь?

— Я знаю тебя сто лет. Хочешь, я, как цыганка, расскажу о тебе всю правду? Так слушай: ты хорошая, ты прекрасная, ты замечательная... Ты опять плачешь?

— Не обращай внимания. Говори, говори... Боже, неужели я полюбила?

6

ИРА УШЛА, когда ночь уже побледнела и луна стала прозрачной и неживой. Наверное, клев был хороший. Но Сергей не следил за поплавами, только время от времени насаживал насадку на голые крючки. Он сидел на дедовой фуфайке, смотрел на рябую от ветерка воду и видел, как приезжает он в отпуск к Володьке Исаенко, как тот встречается его у поезда и делает круглые глаза при виде Иры. А вечером Лида поставит на стол пирог с ягодой и поднимет первый бокал за гостью, а потом все начнут расспрашивать его о новой службе. Своим он почти ничего о ней не говорил: ни о войне, ни о людях тех краев, поразивших его сочетанием детской непосредственности и азиатского коварства. Но здесь общими словами не отделаешься. Чапая — Чурасина будет интересоваться тактика, Володьку — горянки...

Он видел их, самых настоящих. Это когда летел на вертолете, а вертолет рухнул на брюхо в горах: что-то с мотором случилось. Упали, вышли из машины — тишина. И вдруг рядом автоматная очередь, потом взрыв гранаты. Заняли круговую оборону. Час лежали, второй — никого. Только выстрелы время от времени.

А часа через два как из-под земли прямо рядом с ними появляются девуш-

ка с кувшином на плече и старик. Девушка — как с обложки журнала, высокая, гибкая, черноглазая. Воду солдатам принесла. А старик — сыр, зелень, яблоки. Оказывается, селенье рядом, там видели, как с вертолетом что-то случилось, пришли узнать что. По поводу выстрелов старик небрежно махнул рукой: "Местные парни балуются. Пусть..". Услышав, что рация на борту вертолета вышла из строя, утешил: в селенье телефона нет, но он скажет что надо и кому надо, и в часть информация придет быстро. "Как телеграмма..", — подмигнул он.

Горянка все это время сидела на камне и молчала, украдкой поочередно разглядывая бойцов.

— Ты что, красавица, немая? — спросил ее майор Малахов.

Она промолчала, но за нее ответил старик:

— Родителей у нее зарезали. Ночью напали и зарезали, и соседей, и их.

— Когда это было?

— Когда солдаты сюда еще не входили. На день вы опоздали. Но теперь у нас пока тихо. Так что вашему начальству передать?

Через час после этого разговора за ними прилетел вертолет. Пока они не улетели, горянка так и сидела на камне.

Совсем некстати тогда Сергей подумал о просьбе Исаенко познакомить его с девушкой..

Дед Вася пришел часов в десять, посмотрел на улов, недовольно протянул: "Э-э-э, разучился ты, вижу, рыбачить..". Сел рядом, сообщил: "Ирина утром забегала, та, которая вчера в гостях была. Деньги за молоко заносила. Адрес свой московский оставила. Мол, будете вы или ваш внук в столице — заезжайте. Она и с билетами помочь может, и с гостиницей. Боевая девка..".

— Сегодня уезжает? — спросил Сергей.

— Уже уехала. В девять часов автобус в райцентр ушел. А из райцентра автобусом в город, оттуда — самолетом... Кажись, на крайнюю удочку клюет, а?

В записке, которую передал ему дед Вася, кроме адреса, была всего одна строчка: "Жду двадцать восьмого..".

7

В СТОЛИЦУ он прилетел двадцать восьмого, в полдень.

Всю дорогу представлял, как сразу же помчится к Ирине, как нажмет кнопку звонка у ее двери... Но шумное многолюдье вокзала заставило изменить планы: днем она, наверное, тоже где-то занята, на учебе или на работе, так что ни к чему спешить. Так он думал, про-

дираясь через вестибюль к выходу на автобусную стоянку. И вдруг...

— Николаев?

Сергей повернулся на голос. Парень в светлом костюме, на руках замшевые перчатки. Что-то знакомое в лице...

— Вы — Сергей Николаев, офицер спецназа?

Вопрос был задан громко, прохожие начали останавливаться и глазеть на них.

— Точно, — ответил Сергей.

— Ваш чемодан? Разрешите? — парень взял чемодан, стоявший у ног Николаева. — За вами машина пришла.

Он зашагал к выходу, и Сергей, ничего не соображая, последовал за ним. Услышал, как кто-то сказал сбоку: "Смотри, молодой, а начальник, бегают за ним..". — "Да нет, это же сын космонавта Николаева..", — "Это тот, который банду брал, вчера по телеку показывали...". Так, сопровождаемые зеваками, они вышли из аэровокзала, подошли к черной "Волге", припаркованной к самому тротуару. Водитель, такой же молодой, как и тот, который встречал Николаева, услужливо распахнул переднюю дверцу:

— Прошу, Сергей Владимирович.

Теперь уже стали на них оглядываться и из очереди, стоящей на автобусной остановке. Под этими взглядами Сергей почувствовал себя страшно неловко. Он сразу сел на сиденье и уж потом попытался выяснить то, что было для него пока непонятным:

— Послушайте, вы, наверное, не того встретили. Я старший лейтенант...

— Мы встречаем только тех, кого надо, Сергей Владимирович, — учтиво перебил его тот, кто нес чемодан и сидел теперь сзади. — Старший лейтенант, служил в конвойке, теперь на югах, краповый берет примерил. Так?

Сергей вконец растерялся и замолчал. Чертовщина какая-то! Кто эти парни? Одного он, кажется, где-то встречал, того, который сейчас сзади...

Водитель мельком взглянул на часы, потом, не оглядываясь, сказал:

— В принципе, у нас масса свободного времени, и его надо как-то убить. Прием высокого гостя состоится лишь через два часа, а он в дороге проголодался. Поэтому, Боб, я предлагаю махнуть за шашлыком на Таганку.

— Согласен, — и тот, которого назвали Бобом, щелкнул пальцами. — Нам тоже перекусить не мешает. Гони на Таганку, Малышев.

Вот по этому-то щелчку Сергей и узнал Боба. Он видел этого парня на волейбольной площадке в свои курсантские годы. Тот судил матчи и, когда страсти игроков накалялись, вот так же звонко "стрелял", пальцами. Боб был на два

курса старше, и немудрено, что Сергей не сразу вспомнил его: кроме как на площадке, они больше нигде не встречались.

Хоть что-то прояснилось.

— Вы все еще играете в волейбол? — спросил Сергей, повернувшись к Бобу.

Тот удивленно взглянул на него:

— О чем вы? Я в такие игры никогда не играл.

— Значит, только судили?

— Ха! Последний раз это было... Стоп, мы что, выходит, одно училище заканчивали? А что же я тебя не помню? Ты в каком году выпускался?

— Это уже не имеет значения, — повеселел Сергей. — Главное, что теперь можно прекращать валять дурака и объясниться. Если вы меня не помните, то как в толпе нашли?

— А как шпионов находят? По наводке. Нужный человек ткнул пальцем: "Бери вот этого... Ну мы, естественно, заломили тебе белы ручки... Или спецназовцу руки не заломить, а? Тогда я по-другому выражусь: мы, проявив хитрость и тактический расчет, заманили тебя в салон и везем кормить шашлыком.

— А нужный человек — это?..

— Таких не выдаю, товарищ Николаев. Даже своим.

Сергей еще раз прикинул: в Москве его вроде никто не знает. Даже точно, никто. Может, из друзей-сокурсников в последнее время кого сюда перевели? Те едут следом и хохочут над ним? Да нет, вряд ли, со всеми ребятами он переписывается. И потом, никто ведь не знал, что он именно сегодня прилетает в столицу. Никто, кроме Ирины, но она сейчас не в счет.

— Значит, я взят своими...

— Не совсем. Наш водитель Малышев погони не носит. Он сугубо гражданский человек, недавно вернулся из Африки, работал там, как пишут в газетах, определенное время. И, судя по отзывам авторитетных товарищей, проявил лучшие свои качества... Впрочем, иных качеств у него и нет. Это человек сплошных достоинств. Он настолько скромнен, что даже иномарку из-за бугра не привез, представляешь? Имел возможность — и не привез!

Малышев чуть поморщился, как человек, уставший от подобных шуток:

— У советских, Боб, собственная гордость. "Волга" — это тоже машина, и для наших дорог не худшая. Все остальное, что нужно было, я оттуда привез. Кстати, — он взглянул на Сергея, — если надумаешь какие-нибудь сувениры приобрести, обращайся, подберу.

— И вообще, вы должны дружить семьями, — коротко хохотнул Боб.

— Заткнись, — незло осадил его Малышев. И опять к Сергею: — Меня зовут Леонидом. И я был бы рад убедиться в том, что в вашем училище готовили и нормальных людей, а не только балаболы вроде этого типа...

Шашлыки понравились, острый соус обжигал гортань. Официант, обслуживающий их, был, по всему видно, хорошим знакомым Малышева, перебарывался с ним шуточками, принес на стол ледяные, из холодильника, бутылки минералки.

— Чудненько, — сказал по этому поводу Малышев.

Боб вздохнул:

— Возьми меня с собой в заграничку, Леша, я тебе на экваторе лед доставать буду. Да что там лед — что твоей душе угодно, то и достану, ты же меня знаешь.

— Знаю, но я в этом плане пока и сам не промах. В центре Африки русскую водку доставал, понял? С дочерью царька одного на брудершафт пил. Она мне, кстати, запись сделала: свидетелствую, мол, что гражданин Малышев пил "огненную воду", с самой принцессой, а потом...

— Леша, — заулыбался Боб, — я эту историю уже сто раз слышал, а для гостя отложи ее пересказ на вечер. У нас ведь на сегодня намечена большая культурная программа, не так ли?

Малышев укоризненно покачал головой:

— Тоже мне офицер, все военные тайны выдаешь. Тебя же просили: ни о чем ни слова! О, взгляни на часы: пора ехать, военные должны быть пунктуальны. Хотя я на наших военных там, в Африке, нагляделся...

— Чего же они там делают среди пальм да львов? — спросил Боб.

— Чего, чего. Я подписку о неразглашении давал, могу, в отличие от некоторых, держать язык за зубами. Ладно, идем к машине. И приготовься, Николаев, к любым неожиданностям.

— Уже готов, — ответил Сергей.

Ехали недолго. Остановились у большого дома старой постройки, но заново отделанного, с высокими окнами.

— До вечера, — сказал Боб. — Дальше тебе одному. Пятый этаж, семнадцатая квартира.

"Семнадцатая? Постой-постой... Семнадцатая!..."

Бесшумный скоростной лифт доставил его к обитой светлой кожей двери. Сергей нажал на кнопку звонка и почти не удивился, что дверь эту открыла ему Ира. Слова вот, правда, никакие не шли.

— Ну, что стоишь? — улыбнулась она.

— Через порог не здороваются.

8

ОНА и сама не знает, зачем все это придумала. Боб и Леша ее хорошие знакомые, дальние родственники по маминной линии. Вот и вчера на кофе зашли, музыку послушали — Малышев интересные кассеты из загранки привез. Тогда-то и решили организовать Сергею такую встречу. В аэропорту показала его ребятам, а сама — домой, в должный порядок себя привести...

Сергей слушает Ирину, сидя в кресле, за журнальным столиком, та — напротив, положив на колени огромного дымчатого кота с недобрыми наглыми глазами. Его зовут Милорд.

Она привела себя в должный порядок, думает Сергей. Куда той босоногой девочке в старушечьей юбке вот до этой! Золушка превратилась в ослепительную принцессу, в такую, с которой даже сидеть рядом как-то неловко, комплексовать начинаешь. Рубашка в самолете помялась, щетина небось на щеках выперла: утром ведь наспех брился. А тут еще нос шелушится — обгорел. Котяра на него время от времени брезгливо косится, и усы его при этом раздраженно дергаются.

Черт, да что же это? Никогда не чувствовал себя так неловко, а тут — руки мешают, не придумаешь, куда их деть, галстук давит, как удавка.

— Что, никак не придешь в себя с дороги? Ты вот что, раздевайся и залезай в ванну, а пока будешь купаться, я накрою на стол. Легкий обед — и спать. Ребята тебе говорили, что на сегодня всеобщая запланирована? У меня по этим дням нечто вроде литературного салона: гитара, видеокассеты, интересные люди. И барды приходят, и медиумы. Что улыбаешься?

— Да так. Не видел еще живого медиума.

— Правда? Увидишь. Малышев обещал привести латышку какую-то. Держи пакет, здесь пижама, по-моему, твой размер.

На стенах ванной висели большие зеркала, и Сергею ужасно неприятно было видеть в них себя. Глупейшая растерянная рожа. Ну, ванная — это еще куда ни шло, хотя и от нее Сергей отказался бы, если бы Ира не бросила мимоходом слова о том, что после поездки в деревню целый день отмывалась. А вот как быть с пижамой? Он ее никогда не носил, но не признаешься же в этом и не скажешь, что не приучен надевать не свои вещи?

Он тщательно, досуха вытирался, боясь показать на глаза Ирине. И брюки, и куртка казались ему то широкими и длинными, то до нелепости яркими.

«Все ясно, почему, — сказал он наконец сам себе. — Все ясно. Я ехал не к этой девочке из литературного салона, а к той, босоногой, в кофте в горошек. И я не туда попал. Ошибся адресом. Но — будь что будет».

Ира сидела за журнальным столиком, уставленным тарелками, блюдечками, вазочками.

— Прости, я на скорую руку готовила, — сказала она. — Вот охотничьи сосиски. Их надо немного обдать спиртом, потом поджечь... Сделаем так, а?

«А как надо есть сосиски, целиком или резать?» — почему-то подумал Сергей, а вслух сказал:

— Я сыт, честное слово. Твои ребята меня шашлыками просто закармлили.

— Нет уж, нет уж, никаких отговорок. Попробуй салат, по австралийскому рецепту, к нему бутерброды с паштетом, а это — соус. Не смотри, что он зеленый по цвету, это из азиатской кухни... Что у тебя вид такой скорбный?

— Я не в своей тарелке, — честно признался Сергей. — После деревенских щей сидеть за таким столом... Я дикарем себя чувствую, понимаешь?

— Ну как же. Знаешь, что по этому поводу говорит твой коллега Боб? Что мужчинам нужна лишь грубая пища. Красиво звучит?

— Я не дипломат, я не могу красиво, — глуховато ответил Сергей. Скванность уходила, но вместо нее приходило не испытываемое им ранее чувство раздражения.

— И Боб не дипломат, ты перепутал. Это Малышев у нас в высших сферах вращается, — Ирина словно не замечала мрачных глаз Сергея. — Эрудит, три языка в совершенстве знает, с ним иногда разговаривать страшно: такой ничемной себя чувствуешь...

— Как я сейчас, — сказал Николаев. — Ты извини меня, ладно? Я, наверное, сейчас уйду. Мне кажется, что на вокзале не меня встречали и в этом доме ждали другого, вернее, иного. А если меня, то не пойму, какую роль мне отвели. Эта встреча, эта пижама... — Сергей с отвращением оглядел себя. — Все это совершенно не по мне, понимаешь?

— А ты сними ее, — улыбнувшись, сказала Ира, — снимай, не смущайся. Что я тебя, голеньким не видела, что ли? Залезай в кровать, попробуй заснуть. Не получится — позовешь меня... Послушай, Сережа, что ты так удивленно на меня смотришь? Ты думал, я не такая? Ты меня другой выдумал? А ведь говорил, сто лет меня знаешь, помнишь?

Сергей молчал, покусывая губу, и тогда она сменила тон, сказала как-то обреченно и тихо:

— Понимаю, ты все равно уйдешь, но... Уступи один раз женщине-эгоистке. Останься до вечера, Сережа, прошу тебя.

— Я нужен для какой-то игры? Чтоб веселей было, да?

— Останься, а?

Она так беззащитно посмотрела на него, что Сергей чуть заметно пожал плечами и улыбнулся:

— Ну хорошо. Только я переодену вот это...

Ирина ушла на кухню, а он упал на диван, взяв со стеллажа первую попавшуюся книгу. Но даже название ее не прочел. Не то настроение было. Смешная, прямо-таки нелепая история приключилась с ним сегодня и никак не хотела укладываться в голове.

Нет, он совсем не знает Ирину, ни сто лет, ни одного часа. Потому что знание человека — это не временной фактор, это иное. Вспомнилась годичной давности беседа с Мариной Станиславной, женой капитана Никитина. Чурасин тогда попросил Николаева зайти к ней: не ладится, мол, что-то у них с Женей, скисает капитан на глазах. А за три дня до этого Сергей с Никитиным в розыске были, на болотах неделю комаров кормили... Никитин научил его разжигать костер, сушить сапоги, читать следы. Никитин мог шагать с утра до вечера, совершенно не уставая, мог обходиться без сна, не замечать гнуса и запросто начисто выбриваться без зеркала... Впрочем, даже это все ерунда. А вот что на всю жизнь запомнится — минуты у охотничьей избушки, в которой засели те двое, что ушли из зоны. Выследили их, настigli, а взять как? Ефрейтор Цава неосторожно задел лапу сосны — жакан рядом с его головой прошел, в ствол так впаялся, что все дерево дрогнуло. Вдвойне сложно было брать бандитов: в избушке кроме них охотник находился, в качестве заложника. И потом, перед окнами поляна, не проберешься незамеченным, а уж коли себя выдали, ночи ждать бесполезно, уйдут ночью преступники. Может, и не уйдут, но что попытаются это сделать — точно. Потому и открыли стрельбу из окон: напугать хотят, дотянуть до темноты. Никитин понял их расчет. И когда одна из пуль ударила прямо в ствол дерева над головой Калиничева, радиста, недавно прибывшего в роту из учебки, капитан крикнул:

— Эй, паразиты, вы мне так солдат угробите!

Встал во весь рост и пошел напрямик к избушке. Непонятно было Сергею, почему бандиты в него не стреляли. Позже сам Никитин это так объяснял: мол, в пространство они мастера лупить, а тут ведь человек перед ними, а человек не мишень с кругами, это даже дурак по-

нимает. Словом, бросили они ружья, вышли. Сергей всю обратную дорогу на капитана Никитина как на Бога смотрел...

А потом по просьбе Чурасина встретился с Мариной Станиславной. Хотел он ей сказать, что недооценивает она мужа, что напрасно его попрекает, неудачником называет, что уже почти решен вопрос о назначении Никитина из командиров взводов на должность зама по контролерской службе...

— Вы еще совсем мальчик, Сережа, вы меня не поймете, — сказала она, едва он начал говорить. — Я знаю, Евгений и сильный, и порядочный. Но... Вот вы из лесу вернулись, снял он сапоги, и эта вонь портяночная... Я не могу, я до сих пор комнаты проветриваю. Я ту его рубашку не стирала — выбросила. Не могу, Сережа, не могу объяснить вам... Вы "Анну Каренину" давно читали? Помните, почему она мужа разлюбила? Потому что вдруг заметила, что у того уши торчатся. Понимаете? Вот и я вдруг почувствовала, заметила, открыла для себя... Думаете, не складывается у нас жизнь из-за того, что он выпивать стал? Нет, он выпивать стал потому, что понял: не складывается...

Вот такой был разговор с Мариной Станиславной. Лида Чурасина, узнав о нем, сказала тогда Сергею: люди всегда больше того аршина, которым мы пытаемся их мерить, всегда сложнее, чем мы думаем о них.

Мысли Сергея вернулись в день сегодняшней. В этом сегодняшнем дне он был в гостях у совершенно незнакомого ему человека. Только глаза и имя ее были знакомы. Они принадлежали девочке, которая почему-то плакала, обнимая его, и прикрывала маленькой ладошкой его рот, и передразнивала перепелок, и светилась под апельсиновой луной...

Все изменилось.

Может быть, потому, что в Москве не бывает такой луны?

Вошла Ирина, присела на краешек дивана:

— Не спишь? О чем думаешь? Не говори, я попробую угадать. Ты хочешь сейчас встать, одеться и убежать отсюда, так?

— Я действительно тебя не знаю, — вместо ответа сказал Сергей. — Представляешь, даже фамилии до сих пор не знаю.

Ирина положила руку ему на плечо:

— Плохи наши дела. Обычно-то ведь как? Если мальчишка влюбился, голову потерял — ему не до анкетных данных, не до фамилии. Ему бы только целоваться да рай обещать. А тут... Тут, чувствую, ты уже раздумал меня везти

на Дон. Ты испугался меня, да? И правильно сделал. Я не девочка из сказки.

Сергей накрыл ее ладошку своей ладонью.

— Что же мне рассказать о себе, Николаев, а? Чтоб ты понял меня немного...

Отец из командировок не вылезает. Мать... У матери с недавних пор новая семья. Правда, и развод с отцом официально не происходил, и новый ее брак не регистрировался. Отцу до пенсии год, а бракоразводный процесс может как-то на службе отразиться. В общем, как люди разумные, родители поступили правильно. Разошлись почему? Три года назад у отца летний отпуск сорвался, служебные дела его задержали, и мать уехала в южный дом отдыха одна. И, судя по всему, сорвалась там с цепи. Вернулась — не смогла остановиться. И обманывать отца не захотела.

Она замолчала и вдруг, словно самой себе удивившись, спросила:

— Николаев, а почему я тебе все это рассказываю? Почему мне хочется тебе все рассказать?

— Наверное, больше некому?

— Ну что ты! У меня куча знакомых. Но никто из них не знает, по крайней мере, от меня... И мне все время кажется, что за спиной шепчутся, об отце и матери языки точат. А ведь мои предки хорошие, честное слово. Это дочка у них — ой-ой-ой! Тебе рассказать, какая у них я, рассказать, чтоб ты все уже знал?

Глаза Ирины потемнели, губы, чуть подрагивая, сжались, и вся она была сейчас напряжена, как пружина.

Сергей погладил кончиками пальцев ее щеку:

— А помнишь, как ты пересвистывалась с перепелками? У тебя получалось.

Ирина не сразу поняла, о чем говорит Сергей, недоуменно посмотрела на него, попыталась что-то сказать, но промолчала, потом так же молча уткнулась ему в плечо, но тут же резко поднялась, пошла из комнаты и сказала не оборачиваясь:

— Гости скоро придут, пойду кофе молоть.

— Я помогу тебе...

9

ЛАТЫШКУ-МЕДИУМА звали Зелма. Худая, вся угловатая и нескладная, как обчекрыженное неумелым садовником дерево, она с первых минут почувствовала себя в доме своей. На вид ей было лет двадцать пять, не больше, но со всеми, кроме Малышева, она обращалась снисходительно, как воспитательница с порядком надоевшими ей деть-

ми. И Боба, и Ирину, и, конечно же, Сергея она видела впервые, но из этой тройки почему-то выделила Николаева.

— Вы мне интересны, — сказала, — сяду рядом с вами, если позволите.

У Сергея складывалось такое впечатление, что кофе она не пила, а только трогала его губами и тут же отставляла чашечку в сторону. В разговорах, завязывавшихся за столом на ту или иную тему, почти не участвовала, лишь изредка вставляла фразы. В остальное время она как-то загадочно прищуривала глаза и откровенно разглядывала своего соседа. Сергея поначалу это смешило, потом стало даже раздражать.

— Не сердитесь, — Зелма очередной раз оторвала губы от кофе. — Вы мне действительно интересны. Скажите, вы чувствуете аромат напитка? Что он вам напоминает?

— Не знаю, — честно признался Сергей. — Кофе — кофе и есть.

— Вы его, извините, пьете, как содовую.

— Содовая! Я ее в Африке с виски пробовал, — Малышев, сидевший по другую сторону от Зелмы, щелкнул языком: — Это вещь!

— А я думал, содовая — тот же нарзан, — сказал Николаев.

— Это ты где слышал, — улыбнулся Малышев, — в сопках? Или в горах Кавказа?

— И там, и там только чай гоняют, — подал голос Боб. — Конвойный чефирок. В знойной Африке, на берегах Лимпопо небось и не слышали, что такое чефир, а?

Вопрос явно адресовался Малышеву, но тот молчал, и потому Боб спросил уже прямо:

— К тебе, Леша, обращаюсь: грузинский, второй сорт, наши посланники там очень ценят? Весь небось выпивают, потому он и из магазинов исчез?

— Ты смеешься, Боб, а нас там снабжали по высшему разряду. Сам понимать должен: мы там не в бирюльки играли...

— Ну конечно, это мы тут все в бирюльки играем, в России...

Разговор прервался, потом возобновился и опять пошел ни о чем, словно не находилось темы, которая бы всех объединила. Закончился очередной фильм по видеомагу, Малышев предложил поменять кассету, но Боб подал другую идею: пусть Зелма устроит сеанс спиритизма, говорят, контакт с духами она находит запросто.

— Не запросто, — серьезно ответила Зелма. — Моих стараний мало, нужен специфический общий настрой, нужна внутренняя расслабленность. А наш гость, — сказала так, будто она хозяйка, — как на ринге. — Она взяла руку

Сергея, погладила ее, не выпуская из своих ладоней, продолжила: — Поначалу начните думать о чем-то приятном, легком. Вы бергмановскую "Земляничную поляну" смотрели?

Не очень-то приятно думать о фильмах. Бергман... С районной кинофикацией связи в роте не ахти какие были, одни и те же ленты приходилось за год раза по четыре смотреть. И тут Исаенко на одном из совещаний командиру мысль подал: идет, мол, в райцентре "Вокзал для двоих", там, говорят, и о нашей службе кое-что есть, так что давайте, товарищ капитан, машину, а уж ленту я выпрошу. Дал Чурасин газик, и поехали на нем Николаев и Исаенко: раз уж машину за столько верст гонять, то надо заодно и в магазинах побывать: тетрадей купить, мороженого, если повезет, килограммов десять, для всех детей поселка, еще кое-какого дефицита...

Двигатель заглох на обратном пути, когда до роты оставалось километров двенадцать. Водителя оставили с мороженым и тетрадями, а сами взяли бобины с кинолентой и зашагали по грязной оттаявшей дороге. Камни то, как ролики, скользили под сапогами, то глубоко царапали острыми своими краями хром. "Представляешь, — сказал Володька Исаенко, — через два часа солдатики наши перед экраном рассядутся, а мы, как купчики по базару, тут ходим. Шире шаг!",

Ох, и тяжеленные ж были бобины! Плечо потом всю ночь ныло.

А солдаты были еще и недовольны: фильм на пятнадцать минут задержали (не успели малость Исаенко с Николаевым). Но не объяснять же бойцам, что бег в сопках, да еще с грузом — это похлеще полосы препятствий.

Николаев "Вокзал для двоих", так и не увидев, в душ пошел пот и грязь с себя смывать. А потом завалился спать и сквозь сон слышал, как ныло плечо. Такая вот "Земляничная поляна"...

— Вы опять напряжены, — сказала Зелма. — Не умеете расслабляться или в чем дело?

— Зелма, а кто вы? — спросил он вместо ответа. — Чем занимаетесь?

И опять эта снисходительная улыбка:

— Женщина должна быть свободной от занятий. У женщины должно быть только хобби. Или вы иного мнения?

— Ваше хобби — гадать на кофейной гуще?

— А вы злой. Так знайте, злока: именно вы сорвали сегодня сеанс. Все! — она встала и повторила, глядя теперь на Малышева: — Все! Надеюсь, ты проводишь меня, Леон?

— Простите, Зелма, — встал и Сергей. — Я не хотел вас обидеть. У меня, наоборот, просьба была. Если вы действи-

тельно умеете гадать, как Ванга, к примеру... У нас трое ребят на Кавказе пропали, ушли на операцию и не вернулись.

— Ну это уж вообще! — возмутилась Зелма. — Вы просите архитектора печь сложить, понимаете?..

— Я бы попросил и архитектора...

Обиженная Зелма пошла к двери, за ней с кислой улыбкой — Малышев. Поднялась из-за стола и Ира, молчавшая весь вечер:

— Я провожу вас до остановки такси. Не скучайте здесь, — повернулась она к Бобу. — Я быстро. Мне просто нужен глоток свежего воздуха.

— За свежим воздухом в деревню надо ехать, — сказал ей Боб. — Ты же оттуда недавно. Неужто не надыхалась?

Ира ничего не ответила, только, как показалось Сергею, грустно улыбнулась. И еще: она почему-то ни разу не взглянула на него. Неужто ей так неприятно за гостя перед своими знакомыми? Ну и ладно!

Они остались в комнате вдвоем с Бобом.

— Послушай, — тот, развалившись в кресле, поглаживал лениво щурившегося Милорда, — а где веселей, на Кавказе или там, где ты служил раньше? Понимаешь, надоела столица, решил съехать отсюда на пару-тройку лет.

Где веселее?..

Опять вспомнилась Марина Станиславна. Вот она стоит у окна, молитвенно сложив у груди тоненькие прозрачные пальчики, глядит сквозь рябое от дождя стекло на дальние сопки, но вряд ли их видит. "Понимаете, Сережа, в прошлом году впервые за пятилетку мы с ним в отпуске вместе побывали. В театр его повела. И увидела, как он одичал. Сидит в зале и, извините, пальцем в носу ковыряет. Это же... Это же... Вот вы смотрите на меня с укором, мол, зачем же о муже такое рассказывать. А я уже могу это посторонним рассказывать, уже дошла до такого состояния. Смотрю вокруг себя и выть хочу",

Где веселее?..

Капитан Беликов сказал ему как-то: "Тебе тут хорошо, Николаев, да? Горы, фрукты, экзотика. А у меня пацаненок родился, я его еще, можно сказать, не видел. Представляешь, каково тут торчать?",

— У тебя дети есть? — спросил Сергей Боба. Тот будто и не услышал вопроса, сказал о другом:

— Понимаешь, чтоб осесть в Москве надолго и повыше, надо немного грязи помесить и порохов понюхать. Тогда легче продвинуться. Вот ты молодец! Переведешься сюда, академия для тебя — решенный вопрос...

Сергей весело хмыкнул:

— У меня и в голове еще не было дум про академию. И в Москву не рвусь. Меня ведь на Дон только-только перевели. А сюда... Кому я тут нужен?!

— Ну, скромник! Ты со мной, дружок, в эти игры не играй, я ведь все знаю, Ирина говорила. Шепотом, правда, но вот тут я ее не пойму: зачем из этого тайну делать?

— Какая тайна, о чем ты?..

Щелкнул замок двери, это вернулась Ирина.

10

— **ТЫ ИЗВИНИ**, — сказал ей Боб. — Я тут о переводе твоему Николаеву намекнул, а он делает вид, что впервые о нем слышит.

— Не надо сейчас об этом, — она виновато взглянула на Сергея и тут же отвела глаза. — Не получился вечер, да?

— А ты чего хотела? — махнул рукой Боб. — Нашли, понимаешь, медиума! Кто она вообще такая? Что с ней Малышев так носится? Хотя что с него взять! Он только с виду умен, а так — дубоват. В школе тянули его из класса в класс только потому, что Малышев — сын Малышева. И в институт нужный поэтому поступил, и в загранку попал. Был там всего-то переводчиком, со строителями туда ездил, а туману напускает... И потом, мы с ним родственники, но его отец для меня ничего не захотел сделать...

— А ты ему завидуешь, — сказала Ирина.

— Естественно. И не считаю зависть пороком. Понимаешь, Ира, мы ведь с тобой тоже судьбой не обижены, тоже с пеленок знали, что в рабочие не пойдем, и тем обиднее видеть, что обходят тебя те, кто, по идее, сзади быть должен. Ну что он умеет? Умника из себя корчить? Невелика наука. А ведь сядет в кожаное кресло, личного шофера займет...

— Потерпи, Боб, — улыбнулась Ирина. — Ты и сейчас уже в трамваях не ездешь, а станешь генералом...

— А что, — Сергей тоже улыбнулся, — Бобу на роду написано генералом стать?

— А кому же становиться генералами, как не нам с тобой? — серьезно ответил Боб. — Знаешь, когда ракета в космос выходит? Когда имеет определенную начальную скорость. У Малышева скорость выше моей, вот он уже и там. Нас с тобой ведут туда же, но чуть потише. Хотя у тебя вот новый двигатель появился... Да не делай ты удивленные глаза, Сергей! Не скромничай! Будь мы ничейные, не "позвоночные", как о нас гово-

рят, мы что, шашлыки бы на Таганке ели, вечера вот эти устраивали? Нет, мы бы с тобой в ваньках-взводных ходили. Но о нас беспокоятся, мы в уме у начальства, и если этому начальству надо кого-то подвинуть вверх, то почему бы не нас? Пусть мы не лучше других, но и не хуже. Мы рекомендованы, не подведем, да еще и пригодиться можем.

— Ты прямолинеен, Боб, — сказала Ирина.

— Таковы условия задачи. Если есть две точки — веди прямую, нечего синусоиды выписывать! — Он теперь говорил чересчур зло, но злился, кажется, на себя. — Сейчас ничего талантами и умением не меряется, и если твой Николаев хочет казаться чистеньким, то себя, Ира, я не обманываю. Другие приспособляются — и я буду! С нелюбимой женой не разведусь, потому что ее высокопородный папа с моим начальством на одних кортах в теннис играет. И без нее на пару лет в глубинку съезжу, потому что она из Москвы ни ногой. А может, и не поеду. Все равно ведь выйду если не в генералы, то в полковники — точно. Многое для этого не требуется, только бы на водке или женщинах не погореть. Хотя и это уже сейчас не грех...

11

БОБ УШЕЛ, а Ирина объяснила: всегда, в любой компании найдет он повод для подобных самообличений. И других бичует, и себя. А все оттого, что считает, будто не повезло ему в жизни: отец "пнул, куда полегче было пристроить". А офицер — профессия ныне не престижная, в этом Боб убедился...

— Кстати, о престиже, — продолжает Ирина. — Ты прости, я ребятам соврала, что ты сын большого периферийного начальника.

— Зачем? Ты что, устыдилась меня?

Она не ответила. Стояла спиной к нему, водила пальцами по темному оконному стеклу, словно рисовала что-то. Прямо над ее головой висела блеклая, подсвеченная огнями города луна. Со всем не похожая на ту, апельсиновую.

— А почему ты стал военным? — спросила Ирина. — Не смог больше никуда поступить?

— Я больше никуда и не поступал.

— Ты правду говоришь?

— Я всегда говорю правду.

— И что, действительно той ночью хотел увести меня с собой?

— Той ночью — да.

— А сейчас?

— Сейчас я знаю, что ты сама никуда отсюда не уедешь.

— Ночь уже на улице, — не поворачивая головы, она спросила: — Тебе рядом со мной стелить или не хочешь, отдельно ляжешь? Что молчишь, не привык к таким вопросам, да?

— Не привык, — ответил Сергей и почувствовал, как глух его голос.

Кот Милорд презрительно взглянул на него и важно зашагал из комнаты.

Ирина отошла от окна, опустилась у ног Сергея на ковер, прислонилась спиной к его креслу:

— А я, как ты понял, привыкла такие вопросы задавать. Ты так понял, да? Но знаешь, к чему я не привыкла? К тому, чтоб меня любили. Как ты... тогда.

Она немного помолчала, а потом тем же тоном, печально, словно не к Сергею, а сама к себе обращаясь, продолжила:

— Николаев, увези меня отсюда, а? Увези, а там можешь даже бросить или что угодно сделать со мной. Понимаешь, Николаев, до меня абсолютно никому нет дела. Ведь с ума же можно сойти, если чувствуешь, что ты ни для кого ничего не значишь. Я тебе в деревне записку написала, просто так, не знаю зачем. Была уверена, что не приедешь. Ну зачем тебе приезжать? Мало ли что ночью наговорить друг другу можно. Но ты приехал. Знаешь, я бы многое отдала за то, чтобы все узнали: это ко мне, именно ко мне ты приехал... Я, наверное, непонятно говорю, да? Ты искренний, Николаев. Я не видела таких людей. Таким иногда бывает мой отец, но только иногда. В остальных случаях он говорит, что обстоятельства требуют изменять себе.

— А кто твой отец? — спросил Сергей.

— Я же тебе говорила, офицер, полковник. Кстати, как раз он помог Бобу в Москве остаться. А помнишь, Боб сегодня о твоём переводе говорил?

— Да, но я ничего не понял.

— Я отцу о тебе рассказала. Ну и шутя, поверь, спросила: что, мол, подаришь, если замуж за него выйду? За тебя то есть. Он сначала промолчал, а на следующий день со службы приходит и все подробности о тебе выкладывает: что о тебе командир бывшей твоей части думает, и как оценивает новое начальство, и от себя пару слов добавил. В общем, дочка, говорит, если это у тебя серьезно, переведем Николаева в хорошее место... Николаев, давай всех обманем, а? Возьми меня в жены, Николаев. Временно. Я не буду тебе мешать жить, честное слово. Только выдерни меня отсюда, я сама не смогу...

12

СЕРГЕЙ ПРОСНУЛСЯ среди ночи. Ему вдруг показалось, что он услышал хлопок. Так хлопает дерево на морозе. Идешь ночью по периметру объекта и слышишь, как рвут ствол замороженные соки.

Звук повторился. Наверное, кот на кухне балуется, как бы чего не разбил. Осторожно, чтобы не разбудить спящую рядом Ирину, он встал с кровати, вышел из комнаты в коридор и увидел, что на кухне горит свет. Спросонья потопал туда, даже не задумываясь зачем, открыл дверь...

За столом сидел раздетый, в одних трусах, мужчина, читал газету и пил чай. Лысый, худой, длинный — вот первое, что бросилось в глаза. Увидев Сергея, человек вскочил со стула, беспомощно завертел головой в разные стороны, будто что искал, но не находил, потом сделал непонятный жест рукой, то ли приглашая Николаева зайти на кухню, то ли собираясь запустить в него чайной ложечкой, зажатой в руке.

— Извините, — наконец сказал мужчина. — Я в таком виде... Только что из командировки. Раньше приехал на два дня. Проходите, садитесь. Я... Вы...

Сергей вышел, сел, и только тогда до него дошло: перед ним стоял отец Ирины. Полковник, когда-то говоривший с ним на КПП ночью.

— Сережа, — сказал мужчина. — Вас ведь Сережей зовут? Вот что, давайте, простите великодушно, сначала оденемся...

Поставили чай, полковник задымил сигаретой. Голос его был мягкий, совсем не начальственный.

— Мы с вами начинали одинаково. Я тоже — в тех краях. А оттуда по всей стране мотался. И с вашим бывшим командиром части служить приходилось, и с вашим нынешним комдивом. Теперь, до конца уже, здесь осел. Москвичом хотите стать?

— Неужели все так просто?

Отец Ирины встал со стула, подошел к плите, выключил кипящий чайник. Спросил:

— Вам сколько заварки лить? "Конвойный", сделать? Нет, Сергей — это я на ваш вопрос отвечаю, — не просто. Но дело в том, что в одних кабинетах со мной сейчас задницы просят живаю не арбатские мальчики, а те, с кем как раз и приходилось по ночам чаи гонять. Знаем друг друга, верим друг другу. И если за кого хлопочем — то не всегда за красивые глазки. Вот твоего бывшего командира, большого, кстати, умницу, надо в европы переводить — сколько же ему по сопкам лазить?! Или тебя возь-

мем. Отбросим личное. Ты вот рапорт писал; не просто на юг рвался, а туда, где стреляют. И там уже себя, как мы говорим, проявил. Теперь столицу-матушку возьми: попробуй твоих одногодков отсюда перевести куда-нибудь, да же с повышением. Да, они хорошо с бумагами работают, чаще начальство видят и не так заискивают перед ним, но ведь жизни войск не знают, боятся войск. Абсурд! Кем же улучшать офицерский состав? Одними стариками? Или теми, кто тут кое-чему научится и не побоятся в глубинку поехать, а? Вот и пробуем для этого находить лучших. Ты — из их числа.

— Можно и Боба, — сказал Сергей и уже потом понял, что не стоило это говорить, что резко, с ехидцей даже прозвучала его фраза.

— С Бобом вопрос особый, — покачал головой отец Ирины. — Думаешь, он в Москве сидит только потому, что друг семьи? Нельзя ему, Сергей, другое место давать. С солдатами работать не сможет, с офицерами не уживется — апломба много. И себя, и других покалечит. Нет, в отношении его мое добро в единственном проявилось: что не предпринимаю ничего, чтобы выгнать из войск.

— А он говорил, что собирается куда-то переводиться...

— Пусть что хочет говорит. Все дело еще и в том, что он ведь не дурак, понимает, где находятся настоящие трудяги и что не сможет быть одним из них. Не сможет! Ты лично можешь его хоть на какой-нибудь должности на Кавказе представить, а? Где мужики наши не языками, а головой и руками работают?

— Я его плохо знаю.

— Зато я хорошо. Ладно, не о нем разговор. О тебе. Есть желание в Москве остаться? Только честно.

Сергей промолчал.

— Знаю, о чем думаешь. Да, я не только полковник, но еще и отец, к тому же отец-одиночка, так сказать: к матери Ирина ни ногой сейчас. И я хочу дочери счастья, хотя бы относительно. Такой светлой, какой она из деревни приехала, я ее еще не видел. Она плакала, представляешь? Смотрит в окошко, улыбается, и слезы текут... Впрочем, ты ведь ее не знаешь, не поймешь, о чем я. Она впервые, без дураков, полюбила. И хорошо, что тебя. Сволочь я, конечно, что должность тебе вместо приданого предлагаю. Прости. Но и пойми. Я живой человек, отец и хочу видеть ее рядом с основательным человеком.

13

САМОЛЕТ В ЧИТУ улетал в полдень. Николаев, верный своему обещанию, собрался там догуливать отпуск. К Володе Исаенко, Жене Никитину, к Чапаю...

В аэропорт провожать его поехала Ирина.

— Знал бы, вообще бы, наверное, в Москву не приезжал, да? — спросила она, когда они вышли из дому. — Смешная история приключилась, прямо водевильная.

Губы ее при этом дрогнули, Сергей испугался, что она сейчас расплачется, и взял ее под руку.

— Ну что ты, все нормально. У тебя очень хороший отец.

Разговор никак не складывался, от этого отчужденность между ними росла, как растет трещина в стене нового дома, поставленного на пльвуне.

Была ясная летная погода, в аэропорту то и дело ревели взлетающие самолеты, и приходилось почти кричать, чтоб слышать друг друга. Объявили регистрацию его рейса.

— Ну, вот и конец этой нашей смешной истории, — сказал он. И тут заметил только, что рядом с ним стоит сейчас та, другая, деревенская девочка, без косметики. Маленькая, хрупкая, незащищенная.

— Можно я тебя поцелую?

— Как сестру? — грустно улыбнулась она.

— Я возвращусь, и у меня до конца отпуска останется еще неделя. Поедем в деревню?

— Не надо так шутить, Сережа.

— Я никогда не шучу. Ты уже должна бы это понять.

— Ты что же, хочешь меня выдумать другой? Хочешь меня выдумать пастушкой, да? В веночке ромашковым? Ничего у нас не получится, Сережа. Ты не знал женщин, я, оказывается, не знала, что есть еще мужчины. Теперь вот — узнали, и будем за это благодарны друг другу. И все. Все, Сережа.

Объявили посадку на его рейс.

— Не все, — сказал Николаев. — Мы еще увидим с тобой апельсиновую луну. Обязательно увидим.

Станислав ЛАПИЧ

«Стало больше морщин, седины на висках у суровых мужчин — это все Карабах». Строки эти принадлежат полковнику Станиславу Ивановичу Лапичу. По долгу службы он месяцами не вылезал из горячих точек. Его первая забота — чтобы солдат Северо-Кавказского округа внутренних войск был сыт. А вот решая ее, уже по долгу души и сердца он писал стихи, сам того не замечая, что обеспечивает сослуживцев еще и пищей духовной. Какова она на вкус — судите сами.

ИЗ КАРАБАХСКОЙ ТЕТРАДИ

* * *

*Карабах — дни и ночи тревоги,
И свистящее пение пуль,
И завалы на каждой дороге
На Гадрут —*

Баназур —

Аракюль...

*И забытая детская радость,
Безысходность в недетских глазах.
И злое слово «блокада»,
Что сжимает в железных тисках.*

*Карабах — дни и ночи в тревогах.
Полыхают пожаров огни...
КПП на опасных дорогах
Джебраил —*

Физули —

Мартуни.

* * *

*В нас стреляют в упор
Из винтовок и старых обрезов.
Нас порой не спасают
Ни каска, ни бронезилет.
Но спешим мы туда,
Где сегодня нужны до зарезу,
Чтоб людей защитить
От внезапно нагрянувших бед.*

*До сих пор помню я,
Как горели дома Киркиджана,
Когда разум померк
В необузданном море страстей,
И как утром войска
Под покровом седого тумана
Вывозили в Агдам
Перепуганных насмерть детей...*

*В нас стреляют в упор,
Но не дрогнули парни ни разу.
Нас поставила жизнь
Между двух полыхнувших огней.*

*Верим мы: все равно
Победит человеческий разум,
Но пока что накал
И страстей, и эмоций сильнее.*

* * *

*Разметались в палатке бойцы —
Хоть чуть-чуть отдохнуть бы успеть.
Но попробуй, когда тут скворцы
По-весеннему начали петь.*

*Карабах в бликах солнечных весь,
Даже больно сегодня глазам.
Нет, скворцы не останутся здесь —
Им на север лететь —
дальше,
к нам.*

*Там, среди белорусских полей,
Там, в России, где вьюги метут,
От уснувших своих сыновей
С нетерпением восточек ждут.*

*Да и письма — в коробках, мешках
Ждут, когда их настанет черед...
Но пока из Ростова никак
Не летит к нам сюда самолет.*

* * *

*Запетлял, закружился песок
По дороге из горной Шуши.
Ты пока черкани адресок,
А приедешь домой — напиши.*

*Все уже позади — вспоминай,
Как петляли по снежным горам,
Как делили и хлеб, и сухпай,
Сигареты и боль пополам.*

*Будто снегом, припудрен висок.
Боль осела в глубинах души.
Ты пока черкани адресок,
А приедешь домой — напиши.*

САПОГИ ВСМЯТКУ

САТИРА • ЮМОР

Новобранец спрашивает дежурного по кухне, показывая на миску с супом:

- А разве выбора нет?
- Почему же?! Хочешь — ешь, хочешь — не ешь.

* * *

Сержант проверяет теоретическую подготовку солдата:

- Допустим, стоишь на посту и видишь — к лагерю ползет какая-то тень. Какими будут действия?

- Немедленно подбегу и помогу товарищу прапорщику добраться до постели.

* * *

Старый вояка в парикмахерской:

- Дайте мне бритву!
- Зачем?
- Вы уже трижды порезали меня. Довольно! Я буду защищаться!

* * *

- Ты счастлив, голубчик, что служишь в войсках его королевского величества?

- Так точно!
- А что ты делал до армии?

- Был еще счастливее!

* * *

- Вы до сих пор говорили, что являетесь Наполеоном. Теперь уверяете меня, что вы — адмирал Нельсон. Почему такие расхождения в ваших рассказах?

- Доктор, теперь я испытываю к вам истинную симпатию и хочу, чтобы вы знали обо мне настоящую правду.

* * *

Генерал дает распоряжение:

- Товарищ прапорщик, остановите поезд!
- ЕСТЬ! Поезд, стой: раз, два!

* * *

В замок после похода возвращается рыцарь. Он докладывает:

- Сэр, я как следует потрепал ваших врагов на севере.

- Позвольте! Но у меня не было там врагов.

- Ну так что ж?! Теперь будут.

* * *

Старушка пришла в расположение воинской части, увидела представительного офицера и обращается к нему:

- Скажите пожалуйста, вы, случайно, не командир?
- Командир! А почему вы думаете, что случайно?

* * *

Лейтенант, вернувшись из отпуска, подает рапорт с просьбой предоставить ему отпуск для женитьбы. Начальник штаба удивлен:

- У вас что, было мало времени?
- Не хотел себе портить отдых.

(Из коллекции В. Коняхина)

* * *

Беседуют охотники:

- Какой порох ты используешь, когда идешь на кабана?

- Только дымный.
- Почему?
- Пока дым рассеется, я, в случае чего, успею влезть на дерево.

* * *

- А нельзя ли вставить в бинокль обыкновенное оконное стекло?

- Конечно, нет! Оно ведь квадратное.

* * *

- Ты в армии летал на самолетах?

- Летал.
- И не боялся?
- Первый раз боялся, а потом уже не летал.

* * *

- Привет! Ты, случайно, не мой земляк?

- Нет, я подводник.

* * *

- Не представляю, чем бы начинались патроны, не изобрети китайцы порох.

- Да уж точно, какой-нибудь синтетической дрянью.

* * *

Солдат приходит в санчасть:

- У меня вот тут чего-то все чешется и чешется...

Врач возмущенно:

- Слушай, а на гражданке неужели ты ко мне пришел бы с таким пустяком?

- Да нет, конечно. Я бы вас на дом вызвал.

* * *

- Знайте, кто будет хорошо воевать, тому поставят памятник.

- Скажите, а я как воюю?

- Вы? Пока вполсилы.

- Значит, на бюст уже могу рассчитывать?

* * *

- Ты что-то рановато отслужил?

- Комиссовали по болезни.

- А что за болезнь?

- Хрен его знает, но всю роту от меня тошнило.

* * *

Разговор между микробами:

- Чего он важничает?

- От него заболел сам генерал!

“Я БЫ В АРМИЮ ПОШЕЛ...”

ЮМОРЕСКА

— Служить хочу!
— Ты чей? — спросили его на призывном пункте. — От кого?

— А ничей и ни от кого. В колхозе работал после ПТУ, плотничать умею, слесарить... Возьмите!

— Э, вот если бы ты разбирался в электронике, или химии, или философии, на худой конец... Нам, паренек, научный потенциал нужен. Армия — это ведь элита общества, гордость нации, слышал об этом? Перед нею задачи — ого-го!

— Но я хочу долг исполнить...

— Все хотят. Видишь толпу у ворот? Дети министров, мэров, дипломатов... Институты, академии на время оставляют, чтоб гордость нации умножить. Как им отказать, подумай!

— Да я готов в самую глушь, на вышку, или в горячую точку...

— Где трудно, туда все и рвутся. Ты что, за прессой не следишь? Читал, как сын одного президента фирмы на ухищрение пошел, лишь бы в строй встать? Пить бросил, курить, даже взятку пробовал предложить. А мы ему — нет, занимаешься коммерцией — и занимайся, нечего пороги военкоматов обивать.

— И все равно — не имеете права отказать! Я жаловаться буду!

— А ты нас не пугай, не из пугливых мы. И все — до свиданья! Видишь, кто за тобой стоит?! Каждая фамилия — на слуху! Вы куда хотите, ребята? Где труднее? Положение, говорите, обязывает? Понимаем, понимаем...

Господи, чего только не приснится в ночь под Новый год!..

БЮРОКРАТИЗМЫ

- Когда ешь глазами начальство, моргнуть — все равно, что подавиться.
- Не говори о гласности без согласованности.
- Вышеупомянутые — это жертвы нижеподписавшихся.
- В борьбе двух мнений побеждает вышестоящее.
- Современники — это еще и соучастники.
- Закаляя сознание холодным расчетом!
- Можно ли ухватить мысль задним умом?
- Только подхалимы не страдают от перегибов.
- Указания приходят и уходят, а нерешенные кроссворды остаются.
- Учись эффективно падать, споткнувшись на мысли.
- Молчание — знак согласия, умолчание — согласованности.
- Все в руках человека, если не утекло сквозь пальцы.
- Не зная броду, не держи камень за пазухой.
- Если вы не нашли общего языка с начальством, не все потеряно: поищите общих знакомых.
- Было бы к чему приложить руки, а уж там они погреться сами.

Собрал подполковник
Ю. КУМЫКОВ.

ВЕЛИКИЙ И МОГУЧИЙ

Он “заколачивал”, рубли,
“Трубил”, как все,
“Горбатил”, спину,
Но был все время “на мели”,
И потому “тянул резину”.

* * *

Один сказал — консенсус,
Другой — альтернатива,
Воскликнул третий — рейтинг,
Четвертый — плюрализм...
А пятый улыбнулся
И, посмотрев игриво,
Сказал:
— Слова все эти
Сплошной анахронизм!

* * *

Однажды дочь сказала маме,
Прервав своей же мысли нить:
— Давайте папу вечерами
После работы с чаем пить!

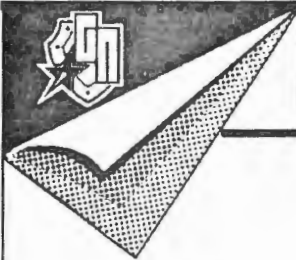
Лишилась мама дара речи,
А дочь добавила:
— Ведь он
У нас приходит каждый вечер
Домой, как выжатый лимон.

Майор внутренней службы
Е. ГУСЕВ.

ЗАЗНАВШЕМУСЯ КИНОШНИКУ

Про фильмы нашумевшие его
Не скажешь просто:
Дескать, bestолковщина.
Коль посмотреть —
В них много кой-чего.
Занятная, признается,
Бестарковщина.

Майор В. САЛОМАТИН.

КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

Встреча для вас

Вся его жизнь — борьба. С момента рождения. Первыми в эту схватку вступили врачи, ведь он появился на свет мертвым. Ожил в барокамере.

Сегодня Иосиф Борисович Линдер — мировая величина в области восточных единоборств: европейский директор Международного Окинавского союза боевых искусств, самый молодой неапонец в мире, обладающий восьмым даном по джиу-джитсу и традиционному дзюдо, европейский директор Международной тренинговой ассоциации по боевой подготовке правоохранительных органов, президент отечественной ассоциации джиу-джитсу. Будучи одновременно студентом Плехановского и медицинского институтов, он поступил в Академию общественных наук. В семнадцать лет изобрел медицинский прибор, получивший высокую оценку у профессионалов. В двадцать с небольшим читал лекции на курсах усовершенствования врачей в кремлевской больнице. Имеет несколько дипломов, в том числе и иностранных, степень доктора медицины. В тридцать три года!

Не удивительно, что мне захотелось встретиться с Иосифом Борисовичем, чтобы узнать:

КТО ВЫ, ДОКТОР ЛИНДЕР?

— Может, у нас есть спецшколы, где из вундеркиндов делают суперменов?

— Я не был вундеркиндом. И не стал суперменом. Правда, школа, в которой я учился, несколько отличалась от обычных: бывшая гимназия, чудом сохранившая некоторые классические традиции системы образования. Нам, к примеру, преподавали музыкальную грамоту, хореографию, балетные танцы, хорошие манеры. Хотя «совковый» маразм не миновал и наши пенаты: резали джинсы, за подтяжки вызывали в райком, а со временем и вовсе избавились от «буржуазных» обязательных дисциплин. Получив аттестат зрелости, поступил в медицинский.

— Кстати, о документальных свидетельствах просвещенности. Правда ли, что у вас десять дипломов о высшем образовании?

— Смотря как считать, а то и сорок наберется. Диплом — за институт, «корочки» — за интернатуру, еще одни — за факультет усовершенствования врачей при тогдашнем четвертом управлении Минздрава, множество спортивных дипломов в области боевых искусств, которые ежегодно приходится подтверждать. Учился и за рубежом, в Германии и США, в специальных военных заведениях, где тоже получал документы об их окончании.

— Вы учились и в Штатах?

— Да, там есть спецподразделение, где готовят будущих руководителей правоохранительных органов. В дипломе записано: эксперт по специальной тактической и огневой подготовке. Хочу заметить, что дипломы у нас и у них — не одно и то же. У нас без бумажки ты букашка, а с бумажкой — человек. На Западе документ не главное. Там и с дипломом будешь не у дел, если не докажешь соответствие своей практической квалификации полученному векселю. А если у тебя есть имидж, авторитет специалиста, многократно подтвержденный делом, — бумажку и не спросят. В Штатах, например, офицера, не имеющего академического образования, но обладающего опытом боевых действий, могут пригласить в академию читать курс тактики. Стратегии — нет, но тактики — вполне.

И еще: там дипломы нужно периодически подтверждать. И только при достижении определенного, довольно высокого уровня квалификации ты получаешь бессрочный сертификат и право работать по своим личным методикам. У меня — бессрочный.

— А в какой области вы специализируетесь?

— Читаю: "Предъявитель настоящего документа является офицером международного контртеррористической тренинговой ассоциации и обладает всеми правами, предоставляемыми международными правоохранительными организациями.". Кроме того — европейский директор Международного союза боевых искусств.

— Как же это так: врач — и вдруг офицер-контртеррорист?

— С шести лет серьезно занимаюсь восточными единоборствами, имею восьмой дан по джиу-джитсу и дзюдо, четвертый по каратэ и кобудо. Меня заметили и предложили применить мои знания и умение с несколько большим коэффициентом полезного действия. Считаю, что сделал себе карьеру на рукоприкладстве. И все-таки я врач, потому и подписываюсь — доктор Линдер.

— Но медицинскую практику отложили до востребования?

— В широком смысле — да. Но медобращение немало помогает мне и сегодня. Я ведь специализировался в мануальной терапии, иглоукалывании. Когда знаешь, как нажать пальца поставить человека на ноги, можешь и с ног его свалить аналогичным образом.

— А как же клятва Гиппократова с постулатом "не навреди"?

— По Гиппократу — врачуя, не навреди. А в боевой ситуации, когда выбор невелик (или ты, или тебя) и перед тобой — вооруженные до зубов террористы, до врачебной ли этики?

— Неужто все так серьезно?

— Мягко говоря, недоброжелателей больше, чем хотелось бы. Коллеги шутят: чтобы остаться живым, надо с пистолетом спать чаще, чем с женой. А в каждой шутке, сами понимаете...

— Я другого не понимаю: вы — гражданин России, а офицер — вроде как заморский?

— Хотите спросить: на кого работаешь?

— Нет, мне непонятен ваш статус.

— Все очень просто: я не состою на службе ни у одной государственной организации, а являюсь представителем международных структур, как антитеррористических, так и спортивных. Но благо Отечества для меня — превыше всего.

— Вы обучаете специалистов охраны правопорядка. И чьи же спецназ лучше подготовлены — наши или иностранные?

— Прибегну к арифметике. Возьмем для сравнения два подразделения по сто человек в каждом и оценим уровень их боевого мастерства, допустим, по двадцатибалльной шкале. Так вот, в зарубежном окажется примерно 60–70 бойцов, подготовленных на 8–10 баллов, у нас же таких "среднячков", наберется до сорока. Зато наши пятнадцать парней потянут баллов на семнадцать, а у коллег таких — не больше трех.

— Выходит, по терминологии старателей: у нас на тонну песка гораздо больше самородков — месторождение богаче?

— Точно. Только у них и "песочек", в дело идет, а у нас зачастую самородками гвозди забивают. Многие отечественные специалисты владеют такими методиками подготовки, за которые на Западе платят баснословные деньги. Наши же нередко владят жалкое существование, держась на голом энтузиазме. Как был Левша нищим, так по сей день и пробавляется кустарщиной, загибаясь в безвестности.

Сейчас в страну хлынули стаи стервятников, учуявших запах легкой наживы, которые нагло, с издевкой, куражась и ничего не боясь, набивают карманы и кладовки. И едут-то далеко не самые умные, талантливые и предприимчивые, а просто ушлые. Порой наши мастера, которые на голову выше своих закордонных "благодетелей", идут к ним на поклон и продаются за нитку бус и яркие шмотки. Помните Гоголя: нигде ни одна спина не сгибается так низко при звуке иностранной речи, как в России. Горько сознавать правоту классика, как и то, что свои чинуши спеца ни в грош не ставят. Со мной на Запад иногда выезжают российские офицеры. Кто они здесь — подай-принеси, кругом — шагом марш! Там же седые полковники разинув рты слушают их, усердно конспектируют, спрашивают: "Господин Иванов, как вы думаете...". А дома, увы, некоторым начальникам Иванова лучше, если он вообще не думает. Преданность и безропотность к высшим добродетелям отнесены — дичь какая-то. И начальству выгодно, чтобы Иванов не знал себе цену, а то еще голос супротив подает.

Мне, наоборот, интересен такой человек, который в чем-то со мной не согласен. Аргументированное сомнение и несогласие — признаки самостоятельности мышления. Беда в том, что вся наша система обучения долгие годы отучала людей от инициативы, от творчества, насилия и мысль и волю авторитетами, за опспоривание которых можно было жестоко поплатиться. Вот и расплодился интеллектуальное иждивенчество и нравственный инфантилизм. Нужна иллюстрация? Пожалуйста. Генерал Алексеев, начальник Академии МВД, читал лекции в Германии и, вернувшись домой, признал, что немецкую систему обучения у нас внедрить нельзя, хотя она прогрессивней. Загвоздка в том, что у них большинство экзаменов письменные, а списывать — не принято. Для них это унижительно и, главное, бесперспективно. Ну, обманет он экзаменатора, а в деле потом "проколется", жизнь расплатится. А наш перекапает конспект — и хоть трава не расти. Потому что учится не ради знаний, а ради бумажки.

— По-моему, вы сами себе противоречите: как же свои спецназ при липовом образовании могут быть лучше подготовленными?

— Да нет тут противоречий, просто талант и упорство соотечественников пробивают себе дорогу даже в ущербных условиях развивающейся среды. Самородок — он и в болоте самородок.

— А как вы относитесь к тому, что в стране становится все больше людей, предпочитающих общение посредством кулака и пятаки взамен интеллектуальных контактов?

— Что посеешь, то и пожнешь. Ведь долгие годы все, что работает на развитие интеллекта, финансируется по остаточному принципу, в образовании и воспитании царит уравниловка: на всех без разбору — одна программа, одни учебники, одни учителя, малокавалифицированные и затурканые. И не секрет, что самое лучшее в обществе, чем оно сегодня по праву гордится, выжило и проявилось не "благодаря", а "вопреки".

— Ну и как же вы в таком незрелом обществе собираетесь пропагандировать и прививать культуру восточных единоборств?

— Именно культуру, ибо восточные единоборства предполагают развитие в человеке

этики, эстетики, философии, культуры духа, а не только физических данных. Без этого нельзя стать мастером. А как будем прививать эту культуру? Упорно и настойчиво, трудности только подстегивают меня и моих коллег.

— Восточные единоборства в России стали популярны недавно. Да и сегодня на мировых спортивных аренах наши мастера джиу-джитсу и каратэ появляются не часто. Почему?

— В СССР было наложено табу на восточные виды борьбы. Их заклеили как чуждые советскому спорту, культивирующие насилие и садизм. Словом, подошли с позицией идеологии (так в свое время было и с генетикой, и с кибернетикой, на которые навесили ярлыки продажных девок империализма). В дореволюционной России офицеры жандармского корпуса и императорской гвардии изучали джиу-джитсу весьма основательно.

Теперь о дне сегодняшнем. Отечественная школа объединяет около сорока клубов, немало спортсменов, способных побеждать на международных соревнованиях. Но отношение к ним за кордоном — как к быкам на корриде: все жаждут их крови и считают, что «дикарь», из России рад потешать публику и за гроши. В Бельгии наш спортсмен уже во втором раунде нокаутировал экс-чемпиона Европы. В результате победитель получил 500 марок, а побежденный — 5000 долларов. Мальчиками для трети мы не будем, даже если бьют нас только деньгами.

— Приходилось ли вам применять свое мастерство вне спортивной арены и не в схватках с террористами, а, например, против уличных хулиганов?

— По молодости лет. А так, честно признаться, у меня практически нет времени бродить по улицам.

— И все же проблема самоконтроля парней, обученных приемам рукопашного боя, актуальна. Увольняются в запас солдаты спецназа, и где гарантия, что они не пополнят ряды рэкетиров? За полтора года их можно научить ребром ладони кирпичи ломать, и хорошо, если стройматериалами все и ограничится. А вдруг начнут позвонки и черепа крушить? Что противопоставить этому?

— Тут велосипед изобретать не нужно. Давайте обратимся к зарубежному опыту. У них люди, получившие спецподготовку, во-первых, социально и материально защищены. Такого человека государство не бросит на произвол судьбы и не даст ему в поисках приложения сил прибиться к преступным организациям. А во-вторых, он за свои действия несет гораздо большую юридическую ответственность, чем человек неподготовленный.

— Говорят, вы стажировались в Японии в буддийском монастыре?

— Только в целях повышения квалификации, по приглашению сокэ — духовного главы школы. Японцы консервативны и ортодоксальны в традициях и треплют от своих учеников неукоснительного следования догматическим канонам боевых искусств. Но дело в том, что у европейцев и японцев различные философии, мировоззрения. И потому стажеры стремятся трансформировать полученные знания и навыки в более приемлемую для них форму. Так поступал и я. Это как в музыке: нотная грамота для всех одна, но играет каждый в своем стиле.

— Чем еще запомнилась стажировка в Японии?

— На одной тренировке я испытал и потрясение, и эстетическое наслаждение, наблюдая за инструктором. Невозможно поначалу было поверить, что этот светлый старичок в потертых джинсах и растянутом свитере — мастер восьмого дана. Но когда он вышел на середину татами в кимоно и начал выполнять катэ — традиционный формальный комплекс упражнений, — произошло чудо: он помолодел лет на тридцать. В его движениях было что-то гипнотическое, чарующее. А вторая встреча удивила меня своей курьезностью. Как-то на тренировке ко мне подошел японец и втихач стал выпрашивать черный пояс. Представляете, если бы туляк попросил у японца самовар?

— Отказали?

— Что вы, отказ — это обида, обида — это конфликт. А японцы говорят, что самый хороший бой это тот, которого удалось избежать. Он — лучше победы. Просто по совету товарища загнул такую цену, от которой у покупателя глаза на лоб полезли. Что такое пояс? Тонны пота и квадратные километры синяков. Их нельзя получить по блату или купить.

— Как в Европе восприняли появление россиянина на посту европейского директора Международного Окинавского союза боевых искусств?

— В штыки. Одни не замечали меня, другие писали пасквильные письма во все инстанции, а третьи, не мудрствуя лукаво, предложили выяснить отношения на кулаках.

— Это с мастером-то восьмого дана?

— Ну там тоже не ребята из подворотни. Да и не во мне дело. Не приняла бы любого россиянина. Они ведь поднялись против того, что Россия, по их мнению — лапотная, малоцивилизованная, погрязшая в пьянстве, выходит на мировую арену. Правда, были и такие, кто пытался пакостить из личных антипатий ко мне. К примеру, мастер клеветиноско-эпистолярного жанра Джованни Чизини, который обратился ко мне за содействием в распространении его бизнеса на Россию. Я отказался, а он с завидной писучеством наводнил кляузными и Госкомспорт, и Международный олимпийский комитет, и прочие организации. Позже мы случайно встретились на улице Вены. Так он, увидев меня, рванул под аккомпанемент автомобильных тормозов через улицу, воля, чтобы меня держали. Господи, кому он нужен? Но укравший поросенка повсюду слышит визг.

— Медицина и восточные единоборства — это профессии. А увлечения?

— Форсированно осваиваю компьютер.

— Это тоже в интересах дела. А для души?

— Стихи пишу, эссе... Жалко, урывками — времени мало.

— Возможно, мне еще доведется побеседовать с писателем Линдером? Удачи вам!

— Спасибо. Того же — всем читателям журнала, особенно военнослужащим внутренних войск.

Беседу вел
подполковник Б. БУЛГАКОВ.

ОТ РЕДАКЦИИ. Со следующего номера мы начинаем публикацию уроков восточных единоборств по методике доктора Линдера.

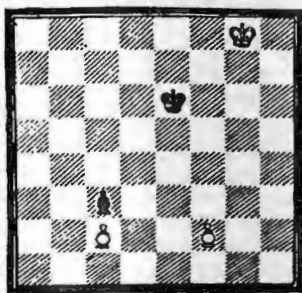
Под редакцией
мастера спорта
А. Калинина

ПЕШЕЧНЫЕ ЭТЮДЫ

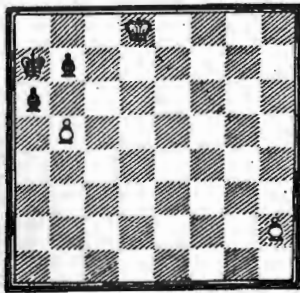
№ 1. Н. Григорьев, 1936

№ 2. Д. Джозеф, 1922

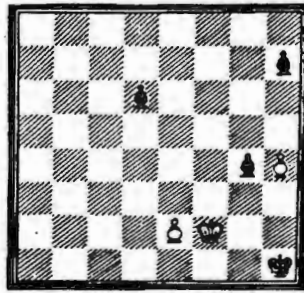
№ 3. Г. Ринк, 1912

Выигрыш

Выигрыш

Ничья

Пешечные окончания – явление обычное. Несмотря на кажущуюся простоту, они полны неожиданных нюансов, что хорошо видно в приводимых этюдах. Решение с полным анализом всех ответвлений этюда № 1 занимает много места. Приводим поэтому только основное решение.

1. Kpg7! Kpe5 2. Kpf7 Kpf5 3. Kpe7 Kpe5 4. Kpd7 Kpd5 5. Kpc7! Kpc5 6. f4! Kpd4 7. f5 Kpe5 8. Kpc6 Kp:f5 9. Kpd5! Kpf6 10. Kpd4 Kpe6 11. Kp:c3 с выигрышем.

Два других этюда предлагаем решить.

Раскол в среде гроссмейстеров

Как известно, матч Г. Каспаров – Н. Шорт прошел под эгидой Профессиональной шахматной организации (РСА). Дальнейшая борьба за чемпионский титул в рамках этой организации будет вестись в таком порядке. Сначала 50 сильнейших гроссмейстеров мира, приглашенных РСА, сразятся в квалификационном турнире (по швейцарской системе). Семь победителей и Н. Шорт продолжат затем борьбу по олимпийской системе и определят очередного претендента на матч с чемпионом мира.

Все гроссмейстеры, принявшие участие в этих соревнованиях, становятся членами РСА и подписывают с ней контракт, обеспечиваемый материально.

Исполком ФИДЕ, обеспокоенный целостностью существующего порядка борьбы за чемпионскую корону, предложил участникам отборочного межзонального турнира подписать обязательство – завершить цикл розыгрыша первенства мира в рамках ФИДЕ.

Итак, раскол в среде гроссмейстеров наличен. Куда идти – к профессионалам или в ФИДЕ? Несомненно, на выбор влияет материальная сторона: у профессионалов, образно говоря, навар погуще и пожирнее.

Матч гениев

Так называют возможный матч Роберта Фишера с венгерской шахматисткой Юдит Полгар, которой 23 июля 1993 года исполнилось 17 лет. Место и время его проведения неизвестны, но размер призового фон-

да почему-то уже известен – 6,5 млн. долларов! Такого рекордного приза не знал ни один матч. Интерес к нему будет, видимо, тоже рекордно высоким.

Но пока это только слухи, и нет уверенности в том, что они не исходят от того агентства, которое в шутку называют ОТС – “одна тетка сказала”.

Решения конкурсных заданий

(На боевом поосту, 1993, № 8–9, 10)

№ 16. А. Калинина, 1929. Kpd1, Фа8, Са5, п. f2 – Kpd3, Kg1, пп. с4, d4, мат в 2 хода. 1. Сс3!, цугцванг.

№ 17. Публикуется впервые. Kpf3, Ле8, Kf8, п. e5 – Kph4, мат в 3 хода. 1. Ле7! Kpg5 2. Лh7 Kpf5 3. Лh5X1, 1... Kph5 2. Kpf4 Kph6 3. Лh7X1

№ 18. Публикуется впервые. Kpe5, Сс2, Се3, Ка6, п. a4 – Kpc4, п. с7, мат в 5 ходов. 1. Сс5 с6 2. Са3 с5 3. Сb4 сb 4. Kpe4 b3 5. Cd3X1

№ 19. А. Кременской, 1959. Kpe3, Фа1, Лh2, Сс2, Сс3, п. a4 – Kpg5, Ке8, Кh1, пп. d6, f3, g4, g7, мат в 2 хода. 1. Cd2! – цугцванг.

№ 20. Публикуется впервые. Kph2, Ла5, Cd3, Се1, Ке5, Kf1 – Kpd4, пп. e6, h3, h4, мат в 3 хода. 1. Ке3! Kp:e3 2. Ле5! Kpd4/f4 3. Cf2/d2X1

№ 21. Публикуется впервые. Kpc1, Лb7, Лd7, Кс2, пп. b3, с4, d3 – Kpc3, Ch8, мат в 4 хода. 1. Лg7! С:g7 2. Л:g7 Kp:b3/d3 3. Ла7/e7! и 4. Ла3/e3X, 1... Kp:d3 2. Лbe7!

000442-С. В.

Симпатичная женщина 27 лет, русская, желает познакомиться с офицером или прапорщиком для создания семьи. Я невысокая — 155, глаза зеленые, волосы каштановые, по гороскопу Дева, образование среднее техническое, характер общительный, неплохо готовлю, немного вяжу и шью. Очень люблю детей и считаю, что если у моего будущего знакомого будет ребенок — это не помеха. Отвечу на письмо только серьезного человека, хотелось бы, чтобы он по возможности не курил и, главное, знал меру рюмке, именно из-за этого у меня разбилась личная жизнь. Но надеяться на хорошее все равно не перестаешь.

Светлана.

000443-Ю. С.

Мне 35 лет (но выгляжу значительно моложе), рост 170, стройная, приятной внешности, образование высшее, разведена, дочери 6 лет. Мечтаю встретить настоящего мужчину для создания счастливой семьи (желательно военнослужащего).

Ю. С.

000444-Е. А.

Я курсант командно-тылового училища. Хочу познакомиться с приятной, симпатичной девушкой, примерно моего возраста (а мне 18). Я высокий (186), стройный, говорю, что симпатичный, brunet, глаза карие. Увлекаюсь спортом, стендовой стрельбой, книгами. Моя будущая профессия — инженер-экономист. Жду письма, желательно с фотографией.

Женя.

000445-С. К.

Мне 19 лет, рост 162, а сынуле моему десять месяцев, может, так-то, в открытую и не надо бы, но по-другому не умею: меня бросил человек, которого я очень любила. А он сказал: если не будешь рожать, тогда возьму замуж. Но чем же виноват был еще не родившийся у нас человечек? Вот он и родился у меня, милый и очень хоро-

В связи с общим повышением цен, к сожалению, приходится и нам увеличивать стоимость услуг клуба. Теперь за публикацию объявления в нашем клубе надо переслать по почте 1000 руб. (111250, Москва, Е-250, коммерческий банк "Лефортовский", р/с 340616, МФО 201207, к/с 437161900 в РКЦ ГУ ЦБ РФ), затем текст объявления вместе с квитанцией об оплате направить в редакцию.

За высылку адреса одного абонента, выбранный вами, таким же образом направьте в банк 300 руб., а письмо с заявкой и квитанцией — в редакцию.

Если решите опубликовать свое письмо еще и в газете "Ситуация" (приложение к журналу), то вы пользуетесь 10-процентной скидкой, т.е. платите не 2000, а 1800 руб.

Военнослужащие срочной службы платят за объявление 500 руб., при публикации в двух изданиях одновременно — 900, за адрес одного абонента — 150 руб.

Спешите воспользоваться льготными ценами — ведь их, возможно, снова придется повышать.

Вкладывайте в письмо конверт с вашим обратным адресом! Личные письма и фотографии клуб не пересылает — только адреса!

шенький мой сынок. Мне жалко, что мой Максимка без отца, и так нужна сейчас моей семье подмога, забота и... любовь. И чтоб нам жить отдельно от моих родителей: отец мой не балует внука, выпивает. Училась я в техникуме, но теперь вот пока живем на то, чем государство помогает. Может, найдется такой добрый человек, которому мы будем нужны?..

Света.

000446-С. А.

Я курсант военно-строительного училища, мне 19 лет, люблю спорт, хорошую музыку, книги, вредных привычек нет, хорошо бы их не было и у моей будущей знакомой. Пусть ответится на мое письмо веселая, симпатичная девушка 16—18 лет добрым, теплым письмом, лучше, конечно, с фотографией.

С.

000447-Л. П.

Если ты военнослужащий или моряк 20—24 лет, ростом не ниже 170, крепкий и надежный парень, не увлекаешься спиртным, если любовь и верность для тебя не только слова, то свою любовь и теплоту души тебе подарит девушка 18 лет, которая на первое место в отношении к людям ставит красоту души. Более подробно о себе, а также свое фото — при переписке.

Людмила.

000449-О. М.

Молодая женщина 21 года, рост 160, стройная, умеющая поддерживать домашний уют, для создания семьи познакомится с военнослужащим до 30 лет. Сынишка мой, которому два годика, очень ждет, что у нас появится папа. Согласна на переезд.

Ольга.

000450-Т. К.

20-летний курсант первого курса высшего военного командного училища познакомится с милой, симпатичной девушкой лет 17. О себе: brunet, рост 182, веселый, общительный, люблю веселых людей, современную

музыку. Для меня национальность значения не имеет, однако для сведения будущей знакомой — сам я оестин. Отвечу на любое письмо, но желательно с фото.

Таймураз.

000451-Л. А.

Мечтаю создать семью, в которой будут уют и тепло, взаимная любовь и верность, с военным врачом или офицером, служащим и проживающим в Москве, лет 25, высокого роста, спортивного телосложения, не имеющим

вредных привычек. Мне 21 год, рост 162, длинные русые волосы, вредных привычек не имею, образование среднее медицинское, украинка, москвичка.

Любовь.

000452-М. Т.

Хотел бы переписываться с симпатичной девчонкой 18—22 лет. Мне 19 (рост 175), знак Зодиака — Скорпион, пока еще военнослужащий срочной службы. Люблю технику, музыку, хорошую веселую компанию, а также ноч-

ные поездки на мотоцикле по городу. Жду ответа, желательно с фото.

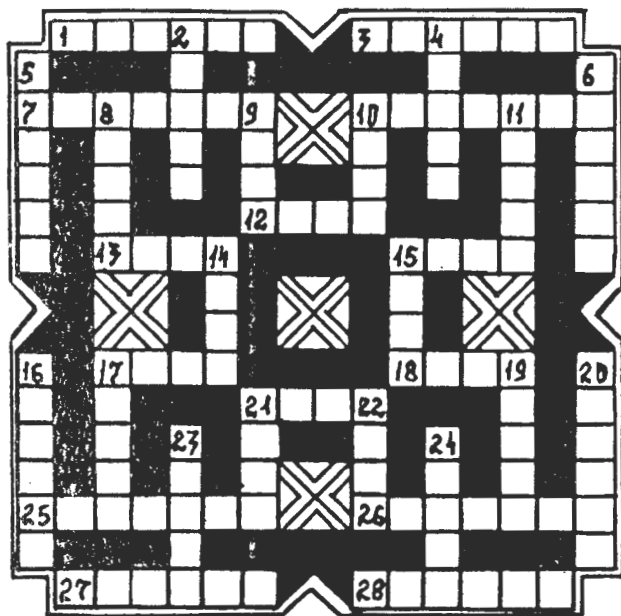
Марат.

000453-М. К.

Мы братья, курсанты 3-го курса высшего командного училища МВД. Одному из нас 19 лет, другому — 20. Хотели бы познакомиться с обаятельными и верными девушками 16—19 лет. Ответим на все письма, но желательно, конечно, с фотографиями.

Михаил и Геннадий.

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Прочная крученая льняная нитка. 3. Классик советской детской литературы. 7. Город в Кашкардарьинской области. 10. Чайная в Средней Азии. 12. Русский срубный жилой дом. 13. Река в Швейцарии. 15. Млекопитающее рода кошек. 17. Название канала оросительной сети. 18. Боевая гусеничная бронированная машина. 21. Инструмент для разрезки древесины. 25. Государство в Цент-

ральной Европе. 26. Сложные эфиры уксусной кислоты или ее соли. 27. Столица Мексики. 28. Советский художник.

По вертикали: 2. Щит с появляющимися на нем световыми сигналами или надписями. 4. Административно-территориальная единица. 5. Город и порт в Китае. 6. Морская рыба семейства тресковых. 8. Тайное похищение личного имущества граждан. 9. Род птиц семейства утиных.

10. Многолетнее травянистое растение семейства осоковых. 11. Мошеничество, сомнительная сделка. 14. Порт на Азовском море. 15. Одно из наименований международного договора. 16. Один из главных немецко-фашистских военных преступников. 17. Вид лица спереди. 19. Войлочный ковер. 20. Город в Челябинской области. 21. Вид неустойки. 22. Повозка в Средней Азии. 23. Ипподомные состязания на дистанции 2400 м. 24. Древние племена Испании.

Составил В. ЯКИМОВ.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №11-12, 93 г.

По горизонтали: 2. Замок. 5. Атака. 6. Октан. 9. Порох. 11. Дахау. 13. Батов. 14. Каток. 15. Смерч. 16. Топор. 18. Майор. 20. Кошка. 22. Котин. 23. Рюмин. 24. Поиск. 26. Титов. 28. Нагар. 30. Казак. 31. Война. 33. Оплот. 35. Шквал. 37. Басра. 38. Мачта. 39. Нитон. 40. Аллюр. 41. "Искра". 42. Марат.

По вертикали: 1. Баюв. 2. Замок. 3. Козак. 4. "Атлас". 7. Кладо. 8. Курок. 9. Порох. 10. Хасан. 11. Дозор. 12. Умбон. 16. Тумен. 17. Ротор. 18. Минск. 19. "Рюрик". 20. "Киров". 21. Алена. 24. Паром. 25. Каска. 26. Таран. 27. Вобан. 29. Ампер. 32. Наряд. 34. Тарле. 35. Штурм. 36. Лимит. 37. Бочка.

Наши консультации

ПЕНСИИ ПО НОВОМУ ЗАКОНУ

Закон Российской Федерации "О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, и их семей", вступил в силу с 1 февраля 1993 года. Но до сих пор в редакцию поступают письма с просьбой разъяснить те или иные его положения. Идя навстречу этим пожеланиям, публикуем подробную консультацию главного специалиста пенсионного отдела ФЭУ МВД Российской Федерации полковника запаса Михаила Иосифовича САБАНОВА.

Прежде всего надо уяснить, что условия, нормы и порядок пенсионного обеспечения, предусмотренные в новом законе, распространяются на проживающих в Российской Федерации:

— лиц, проходивших военную службу в качестве офицеров, прапорщиков и мичманов или военную службу по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин в Вооруженных Силах Российской Федерации и Объединенных Вооруженных Силах Содружества Независимых Государств, пограничных, внутренних и железнодорожных войсках, формированиях правительственной связи, войсках гражданской обороны, органах безопасности и органах внешней разведки, других формированиях Российской Федерации, созданных в соответствии с законодательством Российской Федерации, и семьи этих лиц;

— лиц офицерского состава, прапорщиков и мичманов, служивших в воинских формированиях бывшего Союза ССР, и семьи этих лиц;

— лиц рядового и начальствующего состава, проходивших службу в органах внутренних дел Российской Федерации, бывшего Союза ССР, и семьи этих лиц;

— лиц, проходивших военную службу в качестве офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы или военную службу по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин в вооруженных силах (армиях, войсках), органах безопасности и иных созданных в соответствии с законодательством воинских формированиях либо службу в органах внутренних дел других государств — членах СНГ и государств, не являющихся членами Содружества, с которыми Российской Федерацией либо бывшим Союзом ССР заключены соответствующие договоры (соглашения) о социальном обеспечении, а также семьи указанных лиц.

Лицам, состоявшим на сверхсрочной военной службе (бывшим военнослужащим сверхсрочной службы), женщинам, проходившим в добровольном порядке действительную военную службу на должностях солдат, матросов, сержантов и старшин (бывшим военнослужащим-женщинам), и их семьям пенсии назначаются на основаниях, предусмотренных настоящим законом для лиц, проходивших военную службу по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин, и их семей.

Новый закон предусматривает три вида пенсий: за выслугу лет, по инвалидности и по случаю потери кормильца.

ПЕНСИЯ ЗА ВЫСЛУГУ ЛЕТ

Пенсия за выслугу лет вышеуказанным лицам может назначаться в двух случаях.

В первом случае — когда военнослужащий на день увольнения из войск имеет выслугу

на военной службе и (или) на службе в органах внутренних дел 20 лет (в т. ч. и в льготном исчислении) и более. При этом за выслугу 20 лет назначается 50 процентов соответствующих сумм денежного довольствия (оклады по должности и воинскому званию, процентная надбавка за выслугу лет и среднемесячная стоимость продовольственного пайка в месяце увольнения), а за каждый год сверх 20 лет — три процента, но не более 85 процентов указанных сумм (по ранее действующему закону было 40 и 75 процентов соответственно).

Во втором случае (по так называемому смешанному стажу) — когда военнослужащий уволен с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на службе, состоянию здоровья или в связи с проведением организационно-штатных мероприятий и достиг на день увольнения 45-летнего возраста, имеет (повторяю — на день увольнения) общий трудовой стаж 25 календарных лет и более (льготная служба в расчет не принимается), из которых не менее 12 лет 6 месяцев составляет военная служба и (или) служба в органах внутренних дел. При этом за общий трудовой стаж 25 лет назначается 50 процентов соответствующих сумм денежного довольствия (приведены в первом случае), а за каждый год стажа свыше 25 лет — один процент указанных сумм денежного довольствия. Следует отметить, что в первом случае установлены предельные проценты — 85, в данном случае предел в процентах не установлен.

При повторном определении на военную службу или на службу в органы внутренних дел указанных лиц, получавших пенсию, при последующем увольнении их со службы выплата им пенсии возобновляется исходя из выслуги и трудового стажа на день последнего увольнения.

ПРИМЕРНЫЙ РАСЧЕТ РАЗМЕРА ПЕНСИИ ЗА ВЫСЛУГУ ЛЕТ

Для наглядности рассмотрим, как рассчитывается размер пенсии за выслугу лет офицера, увольняющегося с должности командира батальона внутренних войск (по состоянию с 1 сентября 1993 года), в месяц:

Оклад по должности — 64 980 руб.

Оклад за в/звание (подполковник) — 50 400 руб.

Выслуга на день увольнения — 30 лет.

Надбавка за выслугу лет (40% от 64980 + 50400) — 46 152 руб.

Среднемесячная стоимость продпайка за сентябрь — 24 029 руб.

Итого сумма денежного довольствия на день расчета пенсии — 185 561 руб.

Минимальная оплата труда — 7740 руб.

Процент денежного довольствия при расчете размера пенсии — 80 (за 20 лет — 50% + 30% за 10 лет).

МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРА ПЕНСИИ

От суммы денежного довольствия (185 561 руб.) отнимается десятикратная минимальная оплата труда (7740 x 10 = 77400). Полученная разница — 108 161 руб. делится пополам. Будет — 54 080 руб. 50 коп. К этой сумме прибавляется ранее вычитенная десятикратная сумма минимальной оплаты труда — 77 400, что составит конечную сумму для назначения пенсии — 131 480 руб. 50 коп. Ее умножаем на 80 процентов и получается 105 184 рубля (копейки от 50 и менее не учитываются) — сумма пенсии в месяц.

Пенсия за выслугу лет, назначаемая в соответствии с настоящим законом, не может быть ниже установленного законодательством Российской Федерации минимального размера пенсии по старости (на момент подготовки консультации минимальный размер пенсии по старости составил 14 620 рублей в месяц).

Некоторым категориям пенсионеров из числа бывших военнослужащих внутренних войск пенсия за выслугу лет подлежит увеличению, выплачивается надбавка к ней или она повышается.

Увеличение размера пенсии за выслугу лет производится инвалидам вследствие военной травмы. Так, для инвалидов вследствие военной травмы I и II групп пенсия за выслугу лет увеличивается на 300 процентов минимальной пенсии по старости, т.е. на 43 860 рублей (14620 руб. x 300%), а инвалидов военной травмы III группы — на 150 процентов, т.е. на 21 930 рублей.

Указанное увеличение может начисляться одновременно с повышением на 100 процентов установленного законодательством Российской Федерации минимального размера пенсии по старости (14 620 рублей) участникам Великой Отечественной войны и других боевых операций по защите Родины из числа военнослужащих, проходивших службу в составе действующей армии, и партизан; участникам Великой Отечественной войны из числа лиц вольнонаемного состава, воспитанников и юнг действующей армии; участникам боевых действий за границей из числа военнослужащих, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, а также на 50 процентов — лицам, которые в период с 22 июня 1941 г. по 3 сентября 1945 г. находились на военной службе не менее шести месяцев (кроме лиц, находившихся в составе действующей армии), и лицам, которые в период Великой Отечественной войны (с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г.) проработали не менее шести месяцев, исключая время работы в местностях, временно оккупированных неприятелем (работа в тылу по согласованию с Минсоцзащиты России — указание от 26 марта 1993 г. N 1-28-У — подлежит включению в стаж для назначения (перерасчета) пенсий с 12—13-летнего возраста. При отсутствии необходимых документов время работы в колхозе в военные годы в период школьных каникул может быть установлено на основании показаний колхозников, знавших заявителя по совместной работе в колхозе; граждан, работавших в подтвержденный пе-

риод учителями сельской школы; бывших учащихся. Обучение в ремесленных, железнодорожных училищах и школах ФЗО в вышеуказанный период также засчитывается в шестимесячный срок работы — указание Минсоцзащиты России от 14 апреля 1993 г. N 1-29-У), либо награжденным орденами и медалями СССР за самоотверженный труд и безупречную военную службу в тылу в годы Великой Отечественной войны, медалью "За оборону Ленинграда" или знаком "Жителю блокадного Ленинграда".

К пенсии за выслугу лет, назначаемой военнослужащим, начисляются следующие надбавки:

- пенсионерам, являющимся инвалидами I группы либо достигшим 80-летнего возраста, а также пенсионерам, которые по состоянию здоровья в соответствии с заключением лечебного учреждения нуждаются в постороннем уходе (помощи, надзоре), — на уход за пенсионером в размере двух третей установленного законодательством Российской Федерации минимального размера пенсии по старости, т.е. 9747 рублей (14620 x 2 : 3);

- военнослужащим, принимавшим в 1986—1987 годах участие в работах по ликвидации последствий чернобыльской катастрофы, устанавливается надбавка к пенсии в размере 30 процентов, а принимавшим участие в работах по ликвидации последствий чернобыльской катастрофы в 1988—1990 годах — в размере 25 процентов минимальной пенсии по старости независимо от размера назначенной пенсии. Аналогичные надбавки начисляются к пенсиям и по случаю потери кормильца.

ПЕНСИЯ ПО ИНВАЛИДНОСТИ

Право на получение пенсии по инвалидности имеют военнослужащие, ставшие инвалидами, если инвалидность наступила в период прохождения ими службы или не позднее трех месяцев после увольнения со службы либо если инвалидность наступила позднее этого срока, но вследствие ранения, контузии, увечья или заболевания, полученных в период прохождения службы.

Группа и причины инвалидности, а также время ее наступления устанавливаются врачебно-трудовыми экспертными комиссиями (ВТЭК). В зависимости от степени утраты трудоспособности инвалиды подразделяются на три группы, а в зависимости от причины инвалидности — на следующие категории: инвалиды вследствие военной травмы и инвалиды вследствие заболевания, полученного в период военной службы.

В зависимости от категории инвалидов существуют различные размеры пенсий. Так, инвалидам вследствие военной травмы I и II групп устанавливается пенсия в размере 85 процентов, III группы — 50 процентов соответствующих сумм денежного довольствия.

Инвалидам вследствие заболевания, полученного в период военной службы, I и II групп — 75 процентов, III группы — 30 процентов соответствующих сумм денежного довольствия (указано в примерном расчете пенсии за выслугу лет).

При этом пенсия по инвалидности не может быть ниже:

- для инвалидов вследствие военной травмы I и II групп — 300 процентов, III группы — 150 процентов установленного законодательством Российской Федерации минимального размера пенсии по старости (43860 и 21930 рублей соответственно), а для инвалидов вследствие заболевания, полученного в период военной службы, I и II групп — 130 процентов, III группы — 100 про-

центом минимального размера пенсии по старости (19060 и 14620 рублей соответственно).

Пенсия по инвалидности назначается на время инвалидности, установленной ВТЭК, а инвалидам-мужчинам старше 60 лет и инвалидам-женщинам старше 55 лет — пожизненно с переосвидетельствованием этих инвалидов только по их заявлению.

ПЕНСИЯ ПО СЛУЧАЮ ПОТЕРИ КОРМИЛЬЦА

Пенсия по случаю потери кормильца семьям военнослужащих назначается, если кормилец умер (погиб) во время прохождения службы или не позднее трех месяцев со дня увольнения со службы либо позднее этого срока, но вследствие ранения, контузии, увечья или заболевания, полученных в период прохождения службы, а семьям пенсионеров из числа этих лиц — если кормилец умер в период получения пенсии или не позднее пяти лет после прекращения выплаты ему пенсии. При этом семьи бывших военнослужащих, умерших во время пребывания в плену (если пленение не было добровольным и военнослужащий, находясь в плену, не совершил преступления против Родины), и семьи военнослужащих, пропавших без вести в период военных действий, приравниваются к семьям погибших на фронте.

Право на пенсию по случаю потери кормильца имеют нетрудоспособные члены семьи умерших (погибших) военнослужащих, состоявшие на их иждивении.

Независимо от нахождения на иждивении кормильца пенсия назначается: нетрудоспособным детям; нетрудоспособным родителям и супругу, если они после смерти кормильца утратили источник средств к существованию; нетрудоспособным родителям и супругам лиц, умерших вследствие военной травмы; супругу, одному из родителей или другому члену семьи независимо от возраста и трудоспособности, если он (она) занят уходом за детьми, братьями, сестрами или внуками умершего кормильца, не достигшими 14-летнего возраста, и не работает.

Пенсия по случаю потери кормильца устанавливается в следующих размерах:

- семьям лиц, умерших вследствие военной травмы, — 40 процентов соответствующей сумм денежного довольствия кормильца (указаны в примерном расчете пенсии за выслугу лет — только вместо 80 в расчет берется 40 процентов) на каждого нетрудоспособного члена семьи. По такой же норме устанавливается пенсия независимо от причины смерти кормильца, семьям умерших пенсионеров, являющихся на день смерти инвалидами вследствие военной травмы, и на детей, потерявших обоих родителей;
- семьям лиц, умерших вследствие заболевания, полученного в период военной службы, — 30 процентов соответствующей сумм денежного довольствия кормильца (как в вышеуказанном примере, но вместо 40 в расчет берется 30 процентов) на каждого нетрудоспособного члена семьи.

Пенсия по случаю потери кормильца назначается на весь период, в течение которого член семьи умершего считается нетрудоспособным, а членам семьи, достигшим возраста: мужчины — 60 лет, женщины — 55 лет, — пожизненно.

Кроме перечисленных случаев, пенсии за выслугу лет, по инвалидности и по случаю потери кормильца, назначаемые в соответствии с новым законом, повышаются:

- Героям Российской Федерации, Героям Советского Союза и лицам, награжденным орденом Славы трех степеней, — на 50 процентов размера пенсии, но не менее чем на 100 процентов установленного законодательством Российской Федерации минимального размера пенсии по старости;

- Героям Социалистического Труда — на 25 процентов, но не менее 50 процентов соответственно;

- лицам, награжденным орденом Трудовой Славы трех степеней или орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР», трех степеней, — на 15 процентов размера пенсии;

- бывшим несовершеннолетним узникам фашистских концлагерей, гетто и других мест принудительного содержания, созданных немецкими фашистами и их союзниками в период второй мировой войны, — на 100 процентов установленного законодательством Российской Федерации минимального размера пенсии по старости, а лицам, необоснованно репрессированным по политическим мотивам и впоследствии реабилитированным, — на 50 процентов минимального размера пенсии по старости.

Пенсионерам из числа военнослужащих и членов их семей, проживающим в местностях, где за заработной платой рабочих и служащих устанавливаются районные коэффициенты, на период проживания их в этих местностях пенсии, назначенные в соответствии с новым законом, надбавки к этим пенсиям, кроме повышения на 100, 50, 25, 15 процентов, начисляются с применением соответствующего районного коэффициента, установленного в данной местности для рабочих и служащих непромышленных отраслей.

Пенсии, назначаемые военнослужащим и их семьям, подлежат пересмотру в двух случаях:

- при повышении стоимости жизни и оплаты труда — в соответствии с законодательством Российской Федерации об индексации денежных доходов и сбережений населения;
- при увеличении денежного довольствия военнослужащих, состоящих на службе, — исходя из уровня увеличения учитываемого при исчислении пенсий денежного довольствия соответствующих категорий военнослужащих одновременно с его увеличением.

Порядок пересмотра пенсий по каждому из указанных оснований определяется Советом Министров Российской Федерации.

В соответствии с законом пенсии назначаются и выплачиваются после увольнения со службы. Документы о назначении пенсии готовятся кадровыми аппаратами по месту службы уволенного и надлежаще оформленными представляются в пенсионные органы, которые, в свою очередь, обязаны в 10-дневный срок их рассмотреть и назначить пенсию.

Назначенные пенсии военнослужащим и их семьям выплачиваются по месту жительства пенсионеров через соответствующие учреждения (филиалы) Сберегательного банка Российской Федерации путем зачисления сумм пенсии во вклады либо через предприятия связи с доставкой на дом. Перевод пенсии по почте и доставка ее на дом осуществляются за счет государства.

Выплата пенсии производится за текущий месяц в сроки, определяемые пенсионными органами по согласованию с учреждениями Сберегательного банка и предприятиями связи.

Назначенные пенсии выплачиваются полностью независимо от наличия у пенсионеров заработка или другого дохода.

Впросы пенсионного обеспечения лиц и членов их семей, выехавших на постоянное жительство за границу, решаются в соответствии с законодательством Российской Федерации и договорами (соглашениями) о социальном обеспечении, заключенными Российской Федерацией или бывшим Союзом ССР с другими государствами.

ЗИМНИЕ МОТИВЫ

Гремит, звенит
на солнце день.
Слепят
восторженные взоры
розовощекие
просторы,
голуболаменная тень.
Сквозь
остороккий воздух
видно: в лесу,
как в храме огневом,
деревья
блещут искровидно
литым,
чистейшим серебром.

А. ЧИЖЕВСКИЙ.

Фото
Б. ПОПОВА
и
А. АЛЕКСАНДРОВА.

- Ружья охотничьи гладкоствольные ИЖ-27М и ИЖ-43.
- Боеприпасы охотничьи.
- Револьверы газовые отечественные РС-01 и РС-22.
- Пистолеты и револьверы газовые импортные: калибра 8 мм — «Mauser», «Reck G-5», «Walther PPK», «Detektiv», «Browning», «Record», «General»; калибра 9 мм — «Remington», «Sheriff», «Combat», «Government», «Walther P-88», «RG-89», «Reck-Miami», «Agent», «Walther Terminator»; калибра 11 мм — «Sergeant», «Agent-45».

ОПТОВАЯ И РОЗНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ

- Пистолеты для стрельбы красящими шариками «Paintball».
- Баллончики газовые CS-Trillion, CS-Million.
- Пусковые устройства для сигнальных ракет центрального и бокового боя.
- Кобуры оперативные.
- Системы охранной сигнализации «Аргус», «Фотон» и «Кворум А-100», не имеющая аналогов в России и в Европе.
- Спецсредства защиты: шлемы, дубинки, спецкомплекты, бронежилеты.

ПРЕДЛАГАЕТ

ФОРМА ШИП

Адрес: 127179, Москва,
ул. Профсоюзная, 93а.
Время работы:
10.00 – 19.00,
суббота 10.00 – 17.00,
воскресенье – выходной.

Телефоны для справок:
(095) 336-33-77 –
оптовая торговля,
335-66-77 –
розничная торговля.
Факс: (095) 330-79-33